ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искатель, 1996 №3

Игорь Козлов, Александр Чернобровкин, Джек Уильямсон, Владимир Гусев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 1996. № 3 (213)
Содержание:
ИГОРЬ КОЗЛОВ. СЛЕДСТВИЕ В «ГАРЕМЕ»
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
АЛЕКСАНДР ЧЕРНОБРОВКИН. ПОСЛЕДНЕМУ —

КОСТЬ
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ДЖЕК УИЛЬЯМСОН. САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ. ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ
ВЛАДИМИР ГУСЕВ. БУДЕТЛЯНКА
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно; с 2003 года выходит непериодически.

FB2 книгу сделал mefysto

ИСКАТЕЛЬ 1996
№ 3 (213)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

3
(213)
1996

Москва, 1996

*

Выходит 6 раз в год
Издается с 1961 года

© «Вокруг света»

Содержание:

ИГОРЬ КОЗЛОВ
СЛЕДСТВИЕ В «ГАРЕМЕ»
Повесть

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОБРОВКИН
ПОСЛВДНЕМУ — КОСТЬ
Повесть

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН
САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ
Рассказ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ
БУДЕТЛЯНКА
Повесть

ИГОРЬ КОЗЛОВ

СЛЕДСТВИЕ В «ГАРЕМЕ»

1

Красивая холеная рука потянулась к телевизору, и палец с алым ноготком нажал на кнопку. На экране возникло лицо мужчины. Он снисходительно улыбался, слушая вопрос молоденькой дикторши. Потом с пониманием кивнул и ответил:

— Лучшая школа — сама жизнь. Действуешь, рискуешь. Накапливая опыт, преодолеваешь страх. Сегодня многие боятся открыть свое дело не только потому, что у них мозги не работают или денег нет, а еще из-за страха перед рэкетом. И кто у нас самый главный рэкетир? Знаете?..

Женщина перед телевизором налила в чашечку с кофе немного коньяку, усмехнувшись, спросила:

— Ну и кто же, Алеша, скажи?

Мужчина на экране словно услышал ее. Он нервно вздрогнул, пристально посмотрел прямо в камеру, затем тряхнул головой, снова улыбнулся дикторше и дерзко произнес:

— Государство!.. Недавно на конференции предпринимателей мы специально обсуждали эту проблему. Рэкет — как вирус. Там, где идет оборот

наличных денег, он возникает всегда. Никакая охрана не спасет. Но доля этого несчастья всего два процента. А государственный рэкет в десять раз больше. Это налоги, плата за помещение, за регистрацию. Это взятки милиции, чиновникам, министрам…

— Алексей Казимирович, — торопливо прервала дикторша, она явно хотела уйти от скользкой темы. — Давайте перейдем к интимным разговорам. Вы счастливы в личной жизни?

Мужчина нисколько не обиделся такому повороту беседы. Глаза его сверкнули лукавством. Он изящно достал сигарету, щелкнул зажигалкой. То ли от дыма, то ли от нахлынувших воспоминаний прищурился и весело сказал:

— Мне повезло. В последнее время три… нет, пожалуй, четыре девушки испытывали ко мне сильную страсть. Я не оттолкнул их.

Женщина, сидевшая перед телевизором, резко вскочила.

— Мерзавец? — воскликнула она и плеснула в экран кофе.

2

Утром оперуполномоченному Махорину, прямо домой, позвонил следователь Панков.

— Саша, шустро собирайся и приезжай… — он назвал адрес. — Здесь убийство. Неординарное. Ты такие любишь — с психологией.

— Глупости вы говорите, Иван Петрович! — обиделся Махо-рин. — Как можно убийства любить? Я бы руку отдал на отсечение, чтобы их вообще не было.

— Ладно. Я пошутил, — примирительно хмыкнул Панков. — Приезжай. С твоим начальством я договорился…

Через час, покружив по престижному району в центре Москвы, Махорин оказался на месте происшествия — в большой, богато обставленной квартире, явно принадлежащей современному нуворишу.

В гостиной, в окружении сыскарей и криминалистов, сидел растрепанный, бледный человек в махровом халате. Сашка сразу узнал: Алексей Казимирович Тайгачев, глава «Российской промышленной биржи». Его интервью постоянно публиковались в газетах, он часто выступал

на телевидении и, по слухам, даже собирался выставить свою кандидатуру на очередных президентских выборах.

Следователь Панков точными, резкими вопросами гонял «выдающегося бизнесмена», как бильярдный шар, загоняя то в одну, то в другую лузу.

— Итак, вы утверждаете, что сегодня, проснувшись в шесть часов в постели хозяйки дома Марии Федоровны Малютиной, которой двадцать пять лет от роду, вы обнаружили ее и себя в луже крови. Причем в вашей левой руке был зажат пистолет, а в «одноименном» виске вашей сожительницы зияло входное пулевое отверстие. Я правильно формулирую?

— Правильно, — не возражал Тайгачев. Несмотря на сложность ситуации, держался он молодцом и тут же с достоинством добавил: — Только я просил бы именовать ее любовницей. Мне это слово больше нравится.

— Я применяю юридические термины, — сухо парировал Панков. — Вы ведь, кажется, женаты?

— Естественно, — ответил Тайгачев. — У меня двое детей.

— А жена знает о вашем романе? — следователь многозначительно подмигнул.

— Ей об этом известно, — ответил Тайгачев. — И ничего тут странного нет. У людей нашей культуры и нашего мировоззрения это обычное явление. Семья есть семья. А любовница — это любовница.

— Вы считаете, что жить с несколькими женщинами — признак культуры? — Панков удивленно вскинул брови.

— Оставим эту тему. Она к делу не относится. И мы все равно друг друга не поймем.

— Как сказать, как сказать… — задумчиво произнес следователь и порылся в своих бумагах.

Махорин решил воспользоваться паузой и напомнил о себе:

— Иван Петрович, по вашему приказанию прибыл.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул Панков. — Садись, внимательно слушай и вникай.

Тайгачев пристально посмотрел на Махорина. Его взгляд был цепким, оценивающим. Казалось, он сразу пытался определить роль вновь возникшей фигуры и степень ее влияния на происходящие события. Сашка даже поежился…

— Алексей Казимирович, — произнес наконец следователь. — Вот вы сказали, что проснулись в шесть часов при указанных обстоятельствах.

А горничная покойной, гражданка Анна Владимировна, показала: в это же время она открыла своим ключом дверь — хозяйка попросила ее прийти пораньше, приготовить завтрак — и застала вас в гостиной, окровавленного, с пистолетом в руках.

— Это вполне объяснимо, — произнес Тайгачев. — Я проснулся и тут же услышал: кто-то входит в квартиру. Конечно, был определенный шок и растерянность. Я вскочил, бросился в соседнюю комнату, где и столкнулся с Анной. Я попросил ее вызвать милицию, а сам пошел в ванную. Кстати, обращаю ваше внимание, оружие я не мыл и на нем…

— Только отпечатки ваших пальцев, — иронично продолжил Панков. — В данной ситуации его мыть бессмысленно. Это усугубило бы ваше положение… Итак, ваша версия случившегося?

Бизнесмен достал из кармана халата пачку сигарет, трепетными пальцами долго разминал одну из них, потом тяжело вздохнул и сказал:

— Затрудняюсь сделать какие-либо выводы. Одно могу утверждать: я не убивал. Хотя понимаю, инсценировано все классно.

— Да уж… — подтвердил следователь. — Наши криминалисты не нашли никаких признаков

пребывания в доме посторонних людей. Вы осознаете, что собранные материалы дают мне право сделать почти однозначный вывод?

— Тот, кто это устроил, на ваш интеллект не рассчитывал, — печально произнес Тайгачев и закурил.

— Попридержи язык, сука, — по-змеиному прошипел Панков. — В Бутырке сидеть будешь. В общей камере, с уголовниками. Там быстро с тебя спесь собьют.

В прихожей раздался звонок.

— Это, наверно, мой адвокат, Сидоров, — равнодушно сказал Алексей Казимирович. — Я его тоже вызвал…

Местный участковый открыл дверь, и в квартиру вкатился маленький сухощавый человечек с тоненькими усиками. Одет он был элегантно, даже щеголевато. Пахло от него какой-то заграничной парфюмерией, но опытный глаз по едва заметным признакам мог точно определить — карлик явно «с бодуна».

— Здравствуйте, Иван Петрович! — приветливо обратился адвокат к следователю. — Доброе утро, Алексей Казимирович, — почтительный кивок клиенту.

— Доброе?.. — горько хмыкнул Тайгачев. — Это

вы, Николай Васильевич, ему сомнительный комплимент отпустили. Более мерзкого утра в моей жизни еще не было.

Адвокат кашлянул в сторону и решил согласиться:

— Возможно, возможно… — потом спросил у Панкова — Можно я пошушукаюсь со своим подопечным наедине?

— Ну, ступайте на кухню, — снисходительно распорядился следователь. — Пятнадцать минут хватит?

— Вполне, — четко ответил адвокат, призывно, снизу вверх, посмотрел на Тайгачева, и они вышли.

— Хорош лилипут? — хохотнул Панков, обращаясь к Махорину. — Усы-то у него приклеены, не растут… Я этого «полузащитника» тысячу лет знаю. В свое время он только воров в законе оборонял. А теперь другая эпоха… Э-хе-хе…

Вскоре адвокат снова возник в гостиной и своим кукольным голосочком пропищал:

— Иван Петрович, теперь можно мне с вами тет-а-тет устроить?

— А получится у тебя, Сидоров?

— Я постараюсь, — добродушно засмеялся карлик.

Следователь отправил всю свою команду в коридор, а Махо-рину велел заняться подозреваемым:

— Опроси его по вчерашнему дню, возьми адрес и телефон жены — чуть позже к ней поедешь. Ну, может, еще что-нибудь выудишь. Ты парень хваткий, чего тебя учить…

Оставшись одни, следователь и адвокат сразу перешли на «ты».

— Ваня, он ее не убивал, это точно, — уверенно сказал карлик.

— А кто же ее кокнул? Дух святой? До этого он только оплодотворять непорочных дев умел… Решил себя в новой роли испытать?

— Не шути, Ваня, дело серьезное. И давай работай с усердием. За Тайгачевым большие силы стоят. И просто так посадить его не удастся.

— А я за просто так никого не сажал. Я на основании уликовых данных его за решетку упеку. Мне это нынешнее поколение, которое выбирает пепси, очень не нравится. Мне больше то по душе, которому обещали жить при коммунизме.

Панков тихо матюкнулся:

— Вот… жалко, не слышит такой высокой оценки. А то возгордился бы.

— Ничего, еще услышит. А пока бери лист и

записывай...

3

Когда Махорин вошел в кухню, Тайгачев снял с огня кофейник. Он повернулся и спросил:

— Пить будете?

— Да. Я не завтракал, — просто ответил Саша.

Алексей Казимирович открыл холодильник, достал масленку, сыр, пахучую заграничную колбасу. Хлеб, нарезанный тонкими ломтями, уже лежал на блюдце.

— Угощайтесь. Не стесняйтесь, — предложил Тайгачев. Голос у него был какой-то надтреснутый, дребезжащий.

— Распоряжаетесь здесь, как у себя дома. А ведь вы прописаны по другому адресу, — осторожно сказал Махорин.

Тайгачев в ответ только фыркнул, но не обиделся и, наполнив чашки, по-прежнему спокойно произнес:

— Не берите в голову. Ешьте…

Сашка сделал себе бутерброд и, стараясь скрыть торопливость, стал его жевать, запивая ароматным кофе.

— Вы меня охраняете или допрашивать тоже будете? — осведомился Тайгачев.

— Буду… — смахнув с губы крошку, кивнул Сашка.

— Вы следователь?

— Нет, оперативный работник.

— А какая разница?

— Я добываю улики, а он их документирует.

Алексей Казимирович усмехнулся:

— Не обидно? Победа, наверно, всегда достается ему?

— Я бумажки не люблю писать, — уклончиво ответил Махорин.

Тайгачев снова закурил, прищурил левый глаз — такая привычка, отметил Сашка.

— Вы со мной все время будете? — спросил бизнесмен.

— В каком смысле?

— Ну, покуда истина не воссияет…

— Да, наверно. До окончания следствия.

— Это хорошо. Вы мне сразу понравились.

— Вы мне тоже.

— Вот и ладушки… — Тайгачев глубоко затянулся и нараспев произнес: — Если предметом твоего изучения становятся люди, то в основе метода должно лежать сочувствие… Так один философ сказал.

— Действительно, мудро, — согласился Сашка

и принялся за второй бутерброд.

— Что вас интересует? Спрашивайте…

— Расскажите, как провели вчерашний день.

— Встал очень рано. Меня пригласили принять участие в телевизионной передаче «Утро». Потом работал в офисе. Часа в два позвонила Маша. Очень просила, чтобы я приехал…

— Очень?

— Да… Говорила: соскучилась и все такое…

— А вы что, не баловали ее своим вниманием?

— Если честно, я всех своих девушек редко награждаю собой, чтобы крепче любили.

— У вас их много?

— Сейчас — три…

— А Маша?

— Маша была четвертая.

— Сообщите координаты оставшихся в живых. — Махорин достал из кармана блокнот.

— Это нужно? — Тайгачев кисло сморщился.

— Желательно.

— Ладно… — Алексей Казимирович продиктовал имена и телефоны.

— Давайте завершим этот список вашей женой, — мягко, без всякого нажима предложил Сашка.

Тайгачев хмыкнул и, открыв бумажник, протя-

нул семейную визитную карточку.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с Малютиной?

Алексей Казимирович откинул голову, потер ладонью в области сердца, нервно кашлянул и сказал:

— Это произошло лет пять тому назад… Я отдыхал на вилле приятеля в Дуболтах. Вы любите Прибалтику?

— Ни разу не был.

— Теперь заграница…

— Увы!

— Там раньше существовал дом творчества Союза писателей СССР. В нем проходил семинар молодых поэтов. И Маша принимала участие… Как-то вечером прямо на берегу моря они устроили, я думаю, скорее для себя, показательные выступления. Представляете: платиновая рябь залива, солнце катится за горизонт, запах сосен, огромный костер… Они сидели на больших бревнах и по кругу читали стихи. А мы просто гуляли и подошли, привлеченные зрелищем. Юные, одухотворенные лица… И как раз очередь Маши… Она встала, протянула руки к огню… До сих пор помню эти строки…

О, освежающая прелесть

Холодных красок и дождей!
Вот запахов осенних прелость
Струится в комнате моей.
За ночь обдумано так много
Я чувствую, пора писать.
Прощай, суровая берлога,
Подушка мятая, кровать…
Приносит красное светило
Мне искупление грехов.
Знать, снова осень наступила —
Пора прозрений и стихов.

Тайгачев несколько раз полной грудью вдохнул и выдохнул воздух, всхлипнув, произнес:

— Какие у нее грехи?.. Девушкой была… Но прозрение в ту осень, действительно, наступило… Мы две недели не расставались. И в перерывах между любовью — говорили, говорили… И я ей сказал: «Все! Эпоха наивного романтизма и подпольного капитализма завершилась. Теперь поэзия никому не нужна. Ты хорошо разбираешься в литературе. Открывай свое издательство. Я помогу…» И у нее дело пошло. Сначала выпустила серию романов «История женских страстей». Они мгновенно раскупались. Наши сентиментальные

бабы заливали страницы слезами… Так появился первоначальный капитал. Маша даже вернула мне долг. Я не хотел брать, но для нее это, видимо, был принципиальный момент. Она стала полностью материально независимой от меня. И просто любила…

— А вы?

— Я тоже был к ней очень привязан. Но я не могу жить с одной женщиной…

— Почему?

— Потому что люблю ягоды разных сортов, — чеканя каждое слово, произнес Тайгачев.

Махорин задумался. Он был холост… Девушки почему-то обходили его своим вниманием. К тому же сильно выматывала работа. Для похоти нужна праздность. А чувства?.. Они дремали где-то в глубине души… И тоскливо стало Сашке…

— Вам ее жалко? — спросил Махорин.

— Все там будем, — холодно ответил Тайгачев.

4

Следователь еще раз окинул взглядом свои записи и, обращаясь к адвокату, сказал:

— Все его враги? Ты что, Коля, обалдел? Хочешь, чтобы я эту шайку проверял? Да у меня на это жизни не хватит!

Сидоров усмехнулся и произнес:

— Намек я твой понял. Будет у тебя круглосуточная персональная охрана. Автомобиль, деньги… Отряд бравых молодцов — на побегушках… Что тебе еще надо?

— Ничего! — взвился Панков. — Не втягивай меня в эту историю! Как ты представляешь такую работу? Эти господа-товарищи… — следователь постучал ручкой по листу бумаги, — сами на мокрое дело не пойдут. У каждого наверняка железное алиби. Значит, кого-то нанимали… Дайте хоть за ниточку уцепиться. Постой, весной, кажется, на Тайгачева покушение было. Машину обстреляли, гранату бросили… Вы выяснили, чьи это происки?

Адвокат снова ехидно усмехнулся.

— Тебе как своему человеку по секрету скажу: ложный ход. Это домашняя заготовка, чтобы

во время предвыборной кампании внимание к шефу привлечь.

— Да пошли вы!.. — следователь замахнулся и чуть не стукнул карлика кулаком по темени. — Вы же сами бандиты… Может, вы и это убийство подстроили. А я должен отвлекающий маневр осуществлять…

Из коридора донеслась какая-то возня. Открылась дверь, заглянул участковый:

— Иван Петрович, патологоанатом звонит. Возьмите трубочку…

Панков подошел к параллельному телефону. Внимательно выслушал сообщение и только в конце подвел итог:

— Ясно! Спасибо за оперативность. — Потом выразительно глянул на адвоката, зло сказал: — Так вот, Сидоров. Убийство произошло приблизительно в шесть часов утра. А еще гражданка Малютина была на третьем месяце беременности. Что теперь запоешь?

Казалось, карлик впервые растерялся.

— Точно? Не блефуешь?

— Завтра можешь ознакомиться с актом судебно-медицинской экспертизы.

— Неужели он и мне не сказал правду? — пробормотал адвокат. — Нет. Не верю. Тут что-то

не так…

— Вот и разбирайся сам со своим хозяином, кто из вас кого за нос водит. — Панков выглянул в коридор и зычно крикнул: — Махорин, веди подозреваемого сюда!

Тайгачев так и зашел с дымящейся сигаретой, за ним топал смущенный Сашка.

— Алексей Казимирович, — не скрывая ехидства, начал следователь, — вы знали, что гражданка Малютина ждала ребенка?

— Да, — сухо кивнул бизнесмен.

— А от кого?

— Надо полагать, от меня.

— Она пыталась как-то узаконить ваши отношения?

— Да. Маша хотела, чтобы мы поженились.

— А вы?..

— А я ответил, что не могу жениться на всех женщинах, которых любил.

— А она?

— Сказала, сделает аборт.

— И…

— Полагаю, выполнила свое обещание.

— Алексей Казимирович, я, видимо, не новость вам сообщаю. Однако, официально должен довести до вашего сведения. В ходе следствия

установлено: этот выстрел убил два живых существа.

Тайгачев отшатнулся, гримаса ужаса исказила его лицо.

— Сволочи! — воскликнул он. — Сволочи! Боже, как таких земля носит… — Ноги его подкосились, он плюхнулся в кресло, но как-то быстро затих, собрался и спросил: — И что теперь будет?

— Я предлагаю вам чистосердечно признаться в содеянном, — спокойно предложил Панков. — Если раньше на вас указывали только улики, то теперь появился мотив. Вы меня понимаете?

— Я не убивал, — тихо ответил Тайгачев и, почему-то взглянув на Махорина, добавил: — Честное слово.

— Ладно. Так и запишем, — усмехнулся следователь, кивнул милиционерам: — Мера пресечения — содержание под стражей! Выполняйте!

И тут же дюжие молодцы подскочили к бизнесмену, заломили за спину руки, защелкнули их металлическими браслетами.

— Следуйте за нами! — приказал старший наряда.

Тайгачев понуро побрел к выходу. Рядом с ним семенил маленькими ножками адвокат Сидоров и все пытался что-то прошептать хозяину на ухо.

Но тот шел прямо, не наклоняясь. И карлик не выдержал, громко пискнул:

— Леха, твою мать! Последний раз спрашиваю! Мне-то хоть правду скажи! Чтобы я знал, как действовать…

— Пошел ты!.. — огрызнулся Тайгачев. — Я два раза не повторяю… — И скрылся за дверью.

Следователь сел за стол, устало провел ладонью по лицу, спросил Махорина:

— Каковы впечатления?

— Сложные… — ответил Сашка.

— Я ведь тебе обещал… Ладно. Поработай пока с его связями.

— А со связями потерпевшей?

— Тоже… Хотя не усердствуй. Дело чистое. Даже суд присяжных приговорил бы его к электрическому стулу.

— Ну зачем убивать? Я не понимаю… Даже если она решила оставить ребенка, стоило ли из-за этого так ломать свою судьбу? Он ведь целый детский сад прокормить сможет.

— У богатых свои причуды, — глубокомысленно изрек Панков. — Это для нас с тобой точка отсчета — тарелка с супом. А у них совсем другая логика… Вот недавно в США — слышал, наверно? — кумир нации, звезда ихнего футбола, мультимиллио-

нер… Встретил бывшую… Заметь, *бывшую* жену на пороге ее дома — заметь, ее дома — с любовником… Выхватил нож — и искромсал обоих. А когда его американские менты арестовывали, так он чуть было не застрелился… Кажется, чего человеку не хватало? Он за свои деньги любую красавицу купить смог бы…

— Настоящую любовь не купишь.

— Это точно… И аффект — вещь серьезная! Он ведь самые здравые умы набекрень ставит… Так что побегай, посуетись. Но я думаю — все без толку. Дня через два, максимум — через неделю этот фраер расколется. Хочешь, на бутылку поспорим?

— Вы же знаете, я не пью.

— На бутылку пепси, — уточнил Панков и расхохотался.

5

Елена Владимировна, жена Тайгачева, оказалась на редкость красивой женщиной, выглядевшей гораздо моложе своих лет. Ее густые русые волосы были подняты над ушами, завернуты в большой узел и сколоты тяжелым золотым гребнем. Большие светло-зеленые глаза смотрели на Сашку без настороженности, почти приветливо, и только горькая, тонкая складка у губ говорила о том, что она глубоко переживает внезапное горе, обрушившееся на ее семью.

— Вы уже в курсе? — спросил Махорин.

— Да, — кивнула Елена Владимировна, — мне адвокат позвонил. Я собираю две посылки в тюрьму — вещевую и продовольственную.

— Передачи, — поправил ее Сашка.

— Правильно… — согласилась она. — Сидоров так сказал. Посмотрите, я составила список. Это все пропустят?

Махорин глянул на густо исписанный лист бумаги.

— Консервы не возьмут. Нужно самое простое — сало, репчатый лук, чеснок… Имейте в виду, общий вес — не более пятнадцати килограммов.

Можно передать электрокипятильник, ложка должна быть деревянная… Спортивный костюм лучше шерстяной…

— Он там долго пробудет?

Сашка пожал плечами:

— Как следствие пойдет.

Тайгачева то ли осуждающе, то ли озабоченно покачала головой, о чем-то задумавшись, ушла в себя, но потом словно очнулась, светским тоном предложила:

— Чай, кофе, коньяк?..

— Нет, спасибо. Ничего не надо. Я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Пожалуйста… — она указала рукой на мягкие кресла у журнального столика.

— Елена Владимировна, — Махорин смущенно кашлянул в кулак, — вы знали гражданку Малютину?

— Я знала о факте ее существования, — сдержанно ответила Тайгачева.

— Вы ревновали?

— Нет. Я ведь замужем за Алексеем пятнадцать лет. И он никогда не менял свой образ жизни. Тут одно из двух: либо нужно было сразу разводиться, либо принять его таким, какой он есть. Я выбрала второе…

— И никогда не жалели об этом?

— Ну, иногда… может быть… под дурное настроение… Но в целом — нет! Тайгачев сильный, умный, ласковый самец. Сама природа определила: у такого должно быть стадо самок. В его прайде я всегда оставалась самой любимой. Поверьте, это немало…

Женщина говорила совершенно серьезно, без всякой иронии, и от таких слов Сашке стало както не по себе.

Елена Владимировна чутко уловила его состояние, усмехнулась:

— Вы еще молодой человек. Со временем многое поймете… Махорин покраснел, разозлился и на себя, и на эту холеную, проницательную дамочку, которая, казалось, видела его насквозь. Уж больно хорошо разбиралась в мужиках! И, видимо, умела им угодить… Наверно, Тайгачев ее тоже ценил. Редкий, коллекционный экземпляр.

— Ладно… — Сашка решил резко поменять тему разговора. — Где вы находились сегодня ночью?

— Я? — Елена Владимировна удивленно полыхнула своим лазоревым взором. — У себя дома.

— А кто может это подтвердить?

— Подушка мятая, кровать… — печально произнесла собеседница.

Сашка даже вздрогнул. Совсем недавно он слышал эту фразу. Где? От кого?

— Значит, он уже читал вам ее стихи, — гневно воскликнула Тайгачева. И вдруг у нее будто нарыв в душе прорвался: — Да!.. Я ревновала, я ненавидела! И не ее молодое тело! Поверьте, мое не хуже! Я ревновала, потому что он считал эту дрянь самой умной и духовной женщиной из всех, которых встречал на своем пути. Так и говорил: «духовной»! А у этой истерички хватило наглости позвонить мне: «Я жду от Алексея ребенка. Мы любим друг друга. Отпустите его с миром...» Да я его никогда не держала! Именно поэтому он никогда и не собирался от меня уходить!

Махорин был ошеломлен и подавлен. Вот, оказывается, какое море страстей скрывалось за этим спокойствием и величием!

Тайгачева наконец осознала, что перешла через запретную черту. Она жалко, по-бабьи, шмыгнула носом и прошептала:

— Простите... Сорвалось...

Но Сашка уже зацепился за полученную информацию, и чутье сыщика повело его дальше:

— Значит, Малютина вам все-таки звонила.

— Звонила...

— Угрожала?

— Чем она может угрожать? Просила…

— Давно это было?

— Недели две тому назад.

— Вы мужу передали содержание разговора?

— Нет. Зачем его волновать.

— У вас есть в доме оружие?

— Газовый пистолет. Показать?

— Пока не надо. А у Тайгачева?

— Была какая-то заграничная игрушка…

— А сейчас она где?

— Не знаю… У него спросите.

Махорин задумался, побарабанил пальцами по столу.

— Значит, насколько я понял, у вас алиби нет?

Елена Владимировна тяжело вздохнула и уже спокойно, холодно произнесла:

— Ну, наверно, в вашем понимании — нет. Дети на даче с моей мамой. А вы что, меня подозреваете?

— Теперь да…

6

Панков внимательно выслушал сообщение Махорина и озабоченно произнес:

— Конечно, «треугольник» занятный. Тут еще баллистики подбросили информацию. Оказывается, орудие убийства — отличная иностранная система бесшумного боя. Выстрела практически не слышно… Мы, конечно, этим пистолетиком займемся. Может, найдем, каким путем он приехал.

— А Тайгачева сказала, что у мужа была какая-то заграничная игрушка, — встрепенулся Сашка.

— Да? — следователь цыкнул зубом. — Ну, давай тогда пофантазируем. Допустим, это его пистолет. Ключи от квартиры Малютиной у подозреваемого были свои. Сделать с них дубликаты его жена могла запросто. А дальше традиционная схема: нанимает убийцу, тот действует по разработанному плану. Правда, уж больно умело, никаких следов… Тайгачева — за решетку, а то и вообще к высшей мере. Все состояние — я думаю, немалое — остается у этой Елены Прекрасной. Лихо!.. Надо ехать в Бутырку…

За сутки пребывания в следственном изоляторе с главой «Российской промышленной биржи» произошли разительные перемены. Тайгачев осунулся, похудел. В глазах появилась мутная тоска, левое веко нервно подрагивало.

— Дайте закурить! — жалобно попросил он.

— Извините, у нас только «Пегас», — усмехнулся Панков.

— Все равно… Пожалуйста… — Алексей Казимирович торопливо выхватил из пачки сигарету, наклонился к огоньку зажигалки, жадно затянулся несколько раз подряд, потом затравленно произнес: — Это кошмар. Никогда не думал, что у нас такие тюрьмы…

— А я тебе что говорил, — уже без злобы, снисходительно хмыкнул следователь. — Вот когда вы капитализм построите, мы на ваши налоги создадим комфортабельные «казенные дома». А пока, извините, пользуйтесь пережитками социализма.

— Выпустите меня под залог! — взмолился Тайгачев. — Я любые деньги внесу…

— Во-первых, отсюда вы ничего не внесете. Кто-то должен за вас заплатить. Ваша супруга вправе распоряжаться семейными средствами?

— Вправе, вправе! — торопливо подтвердил

бизнесмен.

Панков и Махорин выразительно переглянулись.

— Вот вы давеча на меня обижались, — примирительно проворковал следователь. — А у нас с Александром Сергеевичем возникла версия, которая, возможно, вас оправдает. Только для этого… — Панков достал из кейса пластиковый пакет с орудием убийства, — вы должны нам чистосердечно признаться: этот предмет принадлежал вам?

— Да, — не задумываясь, охотно ответил Тайгачев. — Мой пистолет, мой…

— Так. Тогда оформляем сей факт соответствующим документом, — равнодушно, по-деловому пробубнил следователь и раскрыл папку, где лежал заранее подготовленный бланк. Алексей Казимирович его сразу подписал.

— Для пущей достоверности сообщите, из каких источников вы приобрели такую замечательную штучку?

Тайгачев назвал имя известного торговца, у которого в Москве был магазин охотничьего оружия.

— Зачем он вам понадобился? — не удержался Махорин.

— Для самообороны.

— А почему бесшумного боя?

— Не люблю резких звуков.

— Вы стреляли из него?

— Опробовал как-то в лесу, на даче.

Следователь все эти показания внес в официальные бумаги, снова велел Тайгачеву расписаться. Затем самодовольно потянулся и сказал:

— Алексей Казимирович, у нас есть такое предположение: убийство «заказала» ваша жена с целью мести и последующего завладения вашими капиталами. Она знала о беременности гражданки Малютиной, страстно ненавидела ее и боялась, что вы к ней уйдете. В ходе следствия мы это выяснили абсолютно точно. Ваше мнение?

Тайгачев недоверчиво покачал головой, затем грустно сказал:

— Нет. Оставьте Елену в покое. Это святая женщина. И к тому же… — Он замялся. Видимо, понимал, что сейчас произнесет роковую для себя фразу, но все-таки набрался решительности и сказал: — В тот вечер пистолет был со мной, он лежал в кармане плаща…

— Ну!.. — Панков только развел руками. — Это тоже можно внести в протокол?

— Вносите, — понуро прошептал Тайгачев.

— Вы понимаете, что практически подписываете себе смертный приговор?

Алексей Казимирович пожал плечами:

— Такой расклад… Может, вы наконец поймете — я веду честную игру. И попытаетесь разобраться.

— Тогда помогите нам. Вы ведь лучше знаете свое окружение. Человеку, который все это придумал, очень хорошо известна ваша личная жизнь. И вы ему крепко насолили.

Тайгачев кисло сощурился:

— Сам думаю — голова пухнет. Из всех кандидатур наиболее вероятная — Байбаков Дмитрий Васильевич, мой заместитель по Партии интеллектуальной свободы.

— Сокращенно — ПИС? — иронично осведомился Панков.

— Вот именно… Пис-пис… — наконец улыбнулся Алексей Казимирович. — Мы с ним знакомы с детства. Учились в одной школе, потом в одном вузе. Вместе начинали бизнес… Ему известны все тонкости моей души. Но мы с ним как Моцарт и Сальери. Я чувствовал: он мне завидует, рвется вперед. Но сам факт моего существования никак не давал ему избавиться от комплекса «ведомого»… — Тайгачев смахнул пот со лба. — Боже,

какую чушь я несу! Не мог он этого сделать, не мог!

— Почему?

— Потому что есть такая смешная болезнь — совесть. И Дима заражен ею от рождения. По наследству передалось, от деда, который все муки перенес, на виселицу пошел, но товарищей по подполью не выдал.

— Это когда же произошло?

— Давно, в тысяча девятьсот сорок третьем году…

— Ну, вы бы еще декабристов вспомнили. Вот мы поручим нашему психоаналитику капитану Махорину повстречаться с этим «больным» и поставить свой диагноз…

7

Дмитрий Васильевич Байбаков, высокий, нервный, худой мужчина, с длинной шеей и большим кадыком, затравленно смотрел на Сашку и слушал его рассказ как-то невнимательно, вполуха, словно все это было ему давно известно и малоинтересно.

— Да, да… — закивал он, когда Махорин завершил свое повествование. — Это, конечно, несчастье. Чем же помочь Тайгачеву? Может, от лица партии обратиться в прокуратуру? Вчера состоялось заседание политбюро и, поскольку я был сопредседателем, то мне поручили исполнять обязанности Алексея Казимировича.

— Значит, последние события невольно помогли вашей карьере?

Байбаков дернулся всем телом, щеки его залил алый румянец.

— Как вы смеете такое говорить? — И вдруг он сообразил: — Кто-то вам уже подсунул эту «версию»? Ну, ладно… Лучше я сам расскажу. Да! У нас с Тайгачевым были разногласия. И я просил его уступить лидерство.

— Почему?

— Потому что он занимается политикой от скуки, от полноты сил. А для меня это страсть. — Байбаков вскочил, возбужденно заходил по кабинету. — Я говорю с вами откровенно, как с врачом… Такая ситуация… Да! Да?.. Я рвусь к власти…

— Для чего? — удивился Махорин.

— Сам не знаю. В школе нас заставляли выучить наизусть отрывок из романа «Война и мир». И я выбрал внутренний монолог князя Андрея перед Аустерлицким сражением. Помните?.. — Байбаков подошел к окну и, не поворачиваясь, начал тихо говорить: «Я не знаю, что будет потом, не хочу и не могу знать. Но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что для одного этого я живу. Смерть, раны, потеря семьи — ничего мне не страшно. И как ни дороги, ни милы мне отец, сестра, жена, — пусть это звучит страшно и неестественно, — но я всех их отдам сейчас за минуту славы и торжества над людьми…»

В кабинете повисла зловещая пауза. Наконец Байбаков обернулся и, глядя на окаменевшее лицо Махорина, произнес:

— Отчего вы молчите? Следуя законам жанра,

вы должны сказать: «Теперь понятно, почему вы разыграли с Тайгачевым эту злую шутку».

Сашка усмехнулся — у него действительно мелькнула подобная мысль.

Байбаков тоже горько хмыкнул и пробурчал:

— Волхвы не боятся могучих владык… Вы, конечно, обязаны проверить все варианты. Только по-дружески, как бывший юный следопыт, хочу предупредить. Не я ваш подопечный. И хотя Леша Тайгачев давно стоял на моем пути, не я его спихнул. Так уж судьба рассудила…

Махорин побарабанил пальцами по столу.

— Вы человек богатый?

— Состоятельный.

— Значит, заплатить специалистам за проведение такой акции могли?

— Естественно.

— Тогда, я думаю, интересоваться вашим алиби бесполезно.

— Как хотите, — опустошенно произнес будущий президент и устало плюхнулся в кресло.

Сашка помолчал, обдумывая следующий ход. В работе сыщика есть такие мгновения, когда следует охватить мысленным взором все возможные пути преследования преступника и выбрать один — наиболее вероятный, чтобы не бросать-

ся в разные стороны, не утонуть в мелочах, не отвлекаться на ложный след. Как это сделать? Можно ли этому научить? Наверно, нет… Ведь в конце концов помимо устоявшихся навыков и приемов в каждом ремесле присутствует талант, который издревле народ именовал «дар Божий». Вот и сейчас прислушался Махорин к себе и словно услышал таинственный голос: «Александр Сергеевич, а ведь не врет этот честолюбивый парниша. Слаб он в коленках для таких решительных действий. А посему мечта его никогда не осуществится. Затопчут его другие носороги на пути к заветной вершине…»

Вздохнул Махорин, с жалостью посмотрел на Байбакова и спросил:

— У вас служба охраны есть?

Дмитрий Васильевич утвердительно кивнул.

— Хочу с ее руководителем пообщаться.

— Пожалуйста. Налево по коридору. Там табличка.

Сашка распахнул дверь — и увидел Никиту Петрова. Лет десять тому назад, еще до университета, они служили с ним в Афганистане, в одной десантной роте. Петров был детиной огромного роста и отличался удивительной физической силой. Однажды их БРДМ подорвался на душман-

ской мине. В таких случаях, как правило, погибал несчастный водитель, а умная «десантура» загорала на броне: в худшем случае — контузия или ушибы. Но в тот раз машину завалило на бок, и она придавила ноги молоденькому лейтенанту — любимцу солдат, балагуру и весельчаку. И тогда Никита Петров в каком-то яростном, злом порыве ухватился за горячую скобу и приподнял тяжелый кусок искореженного металла.

— Вот это встреча! — воскликнул Махорин, еще не зная, радоваться ему или огорчаться.

Петров вскочил из-за стола, бросился ему навстречу.

— Александрушка! Кореш мой золотой! Мне передали по «внутряку», что опер сейчас придет. А это, оказывается, ты… Вот ведь, куда только нашего брата судьба ни разбросала. А я слыхал, ты на юриста учился.

— Все правильно, — подтвердил Сашка.

— Так что же, ты с университетским дипломом в сыскари подался? — изумился Петров.

— Увы… — Махорин развел руками.

— Да, ты всегда у нас романтиком был, — ласково пророкотал Никита. — До сих пор твои стихи помню: «Вселенная — черный ящик. Звезды — небесные маки. Идут по земле ребята. В рубашках

цвета хаки…» — Петров оглушительно захохотал, потом как-то неожиданно сник и грустно добавил: — Шли-шли и пришли… Ладно, Саша, ты ведь ко мне по делу притопал. Давай, спрашивай. Видишь, наш Казимирович в какой переплет попал. Надо выручать…

— Думаешь, он не виноват?

Никита брезгливо сморщил губы и нехотя произнес:

— Я Тайгачеву уже третий год служу. Кое-что о нем знаю. Он не псих, не истерик. Баб, как явление, любит трепетно. Каждая новая женщина для него, словно неизвестная планета. Он ее изучает, осваивает, а потом инстинкт исследователя зовет его дальше — к новым мирам и открытиям. Конечно, убиенная Машка Малютина была девицей вздорной, малость чокнутой. От нее даже вибрация какая-то исходила. Я с ней стоять-то рядом боялся: все казалось, вот-вот потолок на голову рухнет. Но шефу она нравилась… Не представляю, как это можно было довести его до такого состояния, чтобы он своей даме, да еще после священного полового акта, башку прострелил. Хотя, конечно, чужая душа — потемки…

— А жена Тайгачева из ревности могла такую шутку подстроить?

Петров задумался, сверкнул очами.

— Елена Владимировна — человек серьезный, страсти в ней бушуют, это точно. И на Малютину у нее зуб был… Она меня про Машку расспрашивала. Деньги у нее, чтобы нанять специалистов, имеются. Это все, как говорится, объективные данные. А дальше сам изучай… Все в этом мире возможно…

— Ты философом стал, — улыбнулся Махорин.

— Яс этими «новыми русскими» такого нагляделся, — угрюмо ответил Никита. — Ни во что теперь не верю, ничему не удивлюсь.

— Хорошо. — Сашка достал из кармана пиджака блокнотик, заглянул в него. — Следующая версия — политические интриги. Вот, по весне, на Тайгачева покушение было. Что думаешь об этом? — Для Махорина было очень важно, как Петров ответит на этот вопрос.

Никита усмехнулся:

— Ты, Сашок, меня не проверяй. Мне адвокат Сидоров линию поведения четко отработал. Он, правда, не знал, что мы с тобой на одних фронтах кровь проливали. И поэтому я тебе врать не стану, но и лишнего ничего не скажу… На мой взгляд, на политической шахматной доске Тайгачев пока фигура слабая. Никому он не мешает…

— А внутри партии?

— Это ты на Байбакова намекаешь? — Никита развел руками. — Был между ними конфликт.

— И что?

— Все. Больше ничего тебе сообщить не могу.

— Да-а-а… — протянул Сашка. — Не густо… — Вдруг его осенило: — Слушай, Петров, а ты действительно очень хочешь, чтобы твоего шефа выручили?

— Вообще-то, если честно, мне все равно, от кого деньги получать, — неожиданно дерзко ответил Никита. — Так, Александрушка, и запиши в свой блокнотик… Водку ты пить научился?

— Нет.

— Ну, давай хоть пивка рванем. — И Петров потянул свою могучую лапу к дверце холодильника.

8

Следователь Панков веером разложил на столе Сашкины рапорта и смотрел на них взглядом азартного картежника, словно думал-гадал: а что же там, в прикупе?

Рядом с ним, склонив головку набок, похожий на престарелого пионера-отличника, расположился адвокат Сидоров.

Сам Махорин сидел напротив этой мудрой парочки и ждал, что они скажут, как оценят его работу, куда дальше пошлют.

— Н-да… — наконец изрек Панков. — Все это психология, для книжек. Я же исхожу из того, что факт убийства Малютиной господином Тайгачевым мною практически доказан. А тебя, Николай Васильевич, пригласил так… из любви к искусству. Что скажешь?

— Зерно истины здесь есть, — пропищал карлик, указав на Сашкины документы.

— А вот интересно, Сидоров, если я жену Тайгачева арестую или Байбакова, ты их защищать будешь? Они ведь, наверно, тоже твои клиенты? — ехидно осведомился Панков. — Ох, и служба у вас!..

— Это у вас служба! — взвился адвокат. — А у нас порыв, вдохновение!..

— Ну да… — примирительно хохотнул следователь. — Я — исковый пес, а ты — бобик, выступающий на арене цирка. Вот и вся разница… Ладно… Какие мне указания Шурику давать? Командуй!

Сидоров выставил вперед подбородок, пристально посмотрел на Махорина.

— Я слышал, что Александр Сергеевич мастер «мозговой атаки». Предлагаю поиграть. Пусть капитан Махорин наступает. Я буду защищаться. А тебе, Иван Петрович, остается роль рефери. Полагаю, ты нас для этого и свел…

— Правильно, правильно! — засмеялся Панков и оживленно потер руки. — Угадал, Сидоров? Угадал!.. Значит, правила такие. Условно будем полагать, что Тайгачев не виноват. Убийство Малютиной совершила некая иная «злая сила». Попробуй-ка, голубчик Махорин, нащупать ее контуры. Описать, так сказать, портрет… Интересное задание?

— Конечно, — не стал возражать Сашка. — Значительно легче, чем по городу шастать.

— Вот-вот… У нашего сыщика голова умная, поэтому ноги не так устают.

Махорин задумался, углубился в себя, минут десять сидел молча. Следователь и адвокат с уважением отнеслись к этой «медитации» оперативного работника. Притихли, присмирели. Понимали: любой творческий процесс — это таинство.

Наконец Сашка тяжело вздохнул и сказал:

— Тот, кто совершил или заказал убийство Малютиной, несомненно хотел навредить Тайгачеву. Почему он выбрал такой экстравагантный способ? Вот ключевой вопрос… Ведь за те же деньги можно было самого Алексея Казимировича пристрелить в подъезде. Видимо, «злая сила» преследовала иную цель. Какую? Допустим, убрать из бизнеса, из политики…

— Активным бизнесом Тайгачев в последнее время не занимался. Он передал все дела группе директоров и только контролировал процесс… — Отбил первую «атаку» Сидоров. — Чтобы убрать из политики, и «подъездный» вариант вполне подходил.

— Значит, обязательно хотели, чтобы Тайгачев остался живым, — подхватил эту мысль Махорин. — Длительный судебный процесс… Компрометация партии…

— Один — ноль, — нехотя согласился адвокат. —

Правда, партия эта пока игрушечная. Никому она по большому счету не мешала… Ладно, начинай с центра поля.

— Вариант номер два. Кто-то хотел одновременно наказать и Малютину, и Тайгачева.

— Ну и шлепнули бы их обоих в подъезде, — раздраженно пробурчал Сидоров. — Для чего устраивать такую тонкую инсценировку.

— Это слишком просто. Да, Малютину можно сразу убить. А Тайгачев должен помучиться. Тут чувствуется коварный женский характер…

— Думаешь, она. А может — другая любовница. Так сказать, гаремный бунт.

— Последний удар — мимо ворот, — махнул маленькой лапкой адвокат. — Елена, конечно, по всем параметрам способна на такую выходку. Что касается остальных дамочек, то у них просто «бабок» не хватит на подобное мероприятие. Да и зачем? Они, по-моему, отлично уживались в одной семье.

— Ладно, — примирительно сказал Панков. — Будем считать, два-ноль. Еще какие-нибудь соображения есть?

Махорин нервно покусал губы и задумчиво произнес:

— Вообще в этой истории есть нечто мистиче-

ское. Меня не покидает чувство, что кто-то нас одурачил. Причем всех: и Тайгачева, и его жену, и Байбакова, и следователя, и адвоката, и оперативного работника…

— О, вот это уже глубоко! — усмехнулся Сидоров. — Против этого и возразить трудно. Иван Петрович, на Бога уголовные дела заводятся?

— Не кощунствуй, Коля. — Панков осуждающе посмотрел на лилипута, потом перевел взгляд на Махорина и добавил. — А ты, Александр Сергеевич, не дури. Не ожидал от тебя… И в наказание поручаю тебе завтра проработать связи Малютиной. Мы это направление как-то упустили. А там может быть интересная информация…

9

Издательство, которое возглавляла Мария Федоровна Малютина, располагалось в отреставрированном старинном особняке. В вестибюле в черной траурной рамке висел ее портрет. Огромные глаза, пышные волосы, маленькие пухлые губы… Кроткое, романтическое создание… И только больная складочка у рта, правда — едва приметная, придавала ее нежному лицу выражение зверька, умеющего кусаться.

— Ужасно! Даже не верится, что она мертва! — услышал Махорин за спиной взволнованный голос.

Сашка оглянулся. Перед ним стояла высокая стройная девушка.

— Вы Александр Сергеевич? — спросила она.

— Так точно…

— А я Зернова Вероника Павловна. Заместитель директора издательства. Вы со мной по телефону говорили.

— Да. Я хотел бы осмотреть кабинет Малютиной.

— Пожалуйста. После того, как мы узнали о случившемся, туда никто не входил.

Зернова, покачивая бедрами, пошла по коридору, подвела Сашку к двери и, достав из кармана джинсов ключ, сказала:

— Я сразу забрала его из коробочки. И никому не давала.

— А что, кто-то хотел воспользоваться?

Вероника Павловна несколько смутилась, но потом, видимо, решила не играть в прятки и, энергично тряхнув головой, произнесла:

— Приходил молодой человек, который Тайгачева охраняет…

— Петров? Никита?

— Да, он. Хотел войти в кабинет. Сказал, что ему нужно забрать некоторые личные вещи Алексея Казимировича. Но я заявила, что до прихода милиции никого не пущу. Правильно поступила?

— Абсолютно, — ободряюще улыбнулся Махорин и как бы между прочим осведомился: — Этот молодой человек был настойчив?

— Весьма… — Вероника Павловна многозначительно повела бровью.

— Интересно, — хмыкнул Махорин и приказал: — Открывайте!..

Светлая, просторная комната. Рядом с окном — большой письменный стол. Вдоль стены — книжные полки. Холодильник, платяной шкаф.

На полу — пушистый ковер.

— Позовите еще кого-нибудь, — попросил Махорин. — Может, мне придется составлять протокол. Вы будете понятыми…

Пока Зернова ходила в редакцию, Сашка подошел к телефону и набрал номер Петрова.

— Никита, привет.

— Салам алейкум, — хмуро ответил бывший афганский кореш.

— Старые раны ноют. Наверно, к дождю.

— Я сейчас нахожусь в кабинете Малютиной. Тебе чего тут нужно было? Приезжай, вместе поищем…

Никита тихо матюкнулся:

— Вот Верка… вот… Язык как помело! Между прочим, ее Казимирович тоже трахал. А Машка это узнала. И между ними совсем недавно скандал произошел. Ты этот факт на всякий случай включи в общую расстановку сил.

— Ладно, ладно… — рассмеялся Махорин. — Ты не увиливай. Ты мне правду говори. А то я тебя включу в список подозреваемых.

— Ох, Александрушка, шустрый ты больно. Ничего от тебя не утаишь… Дневник я хотел забрать. Машка Малютина вела дневник. Тайгачев после того, как все произошло, в доме его не

нашел. Попросил адвоката по возможности его обнаружить.

— А что в нем? Какая-нибудь компра на Тайгачева?

— Ну, как он говорит, ничего особенного. Просто Машка была девицей взбалмошной, истеричной. Последнее время она с Казимирычем несколько раз ссорилась из-за известных тебе обстоятельств. А так как дневнику она доверяла все свои мысли, чувства и переживания, то Тайгачев опасается, что он может сыграть роль своеобразной улики против него.

— Ясно, — подвел итог Махорин. — Спасибо за откровенность.

— Не за что, — пробурчал Петров. — Все равно, если он там— найдешь. Чего зря выкручиваться? Желаю успеха!.. — В трубке раздались короткие гудки.

— Мы пришли… — деликатно напомнила о себе Зернова; она стояла на пороге рядом с очаровательной блондинкой. — Это Зиночка, наша корректорша.

— Очень хорошо, — ответил Сашка. — Тогда начнем…

В верхних ящиках стола лежали канцелярские принадлежности, какие-то рукописи. В нижнем

отсеке Махорин обнаружил коробочку «Тампакса», нераспечатанные целлофановые пакетики с колготками, набор трусов «неделька». Увидев все эти «богатства», Вероника Павловна и Зиночка скромно потупились.

— Я ищу дневник Малютиной, — строго сообщил Сашка. — Вы знали о его существовании?

— Да… — ответила Зернова и густо покраснела.

— Как он выглядел?

— Такой красивый небольшой альбомчик в сафьяновом переплете.

— Вы его не брали? — совершенно невинным тоном спросил Махорин.

— Нет, что вы! — воскликнула Вероника Павловна, нервно сцепила изящные длинные пальцы, хрустнула суставами. — Здесь, в кабинете, его вообще нет…

— Откуда вы знаете? — уцепился Сашка за последнюю фразу.

— Потому что… потому что… — Зернова затравленно покосилась на корректоршу.

— Зиночка, вы свободны, — распорядился Махорин. И, когда девушка скрылась за дверью, пристально глянул на Веронику Павловну: — Ну?..

— Я сама его искала, — с трудом выдавила из

себя Зернова.

— Зачем?

— Не знаю, как вам объяснить… В общем, я хотела… Это такой деликатный момент… — Под носиком у Вероники Павловны появились крошечные капельки пота, она ломала пальцы, кусала губы — измучилась совсем, бедная.

— Ладно, я вам помогу, — сжалился Махорин. — Мне известно про вашу связь с Тайгачевым. И про вашу разборку по этому поводу с Малютиной.

— Ах!.. — облегченно всхлипнула Зернова и плюхнулась в кресло, достала из кармана джинсов платочек. — Маша была не права. Я не собиралась отбивать у нее Алексея Казимировича. Так получилось… случайно…

— Как?

— Ну… Однажды Тайгачев пришел сюда, в издательство. Маши не было… Я принимала его в этом кабинете. Мы немного выпили. И вдруг ему захотелось… У Алексея бывает так. Он очень возбудимый мужчина! Поверьте, я просто не смогла отразить его натиск. Все происходило прямо вот тут — на ковре. Этот порыв был настолько внезапным, что мы даже не закрыли дверь. И не заметили, как вошла Маша…

— И что было дальше?

— Ужасно! Ужасно! — Зернова снова захрустела суставами. — Мне даже вспомнить об этом страшно…

— Ну-ну, немного осталось, — приободрил ее Махорин.

— Да… — простонала Вероника Павловна. — Тайгачев встал, поправил свою одежду. Улыбнулся и сказал Малютиной: «Маша, ты отлично подбираешь кадры». Поцеловал ее в щеку и вышел. Малютина стояла, будто окаменевшая. Потом она обернулась ко мне. Во взгляде была такая ненависть, что я отшатнулась… И вдруг она бросилась на меня, словно зверь. Расцарапала лицо, рвала волосы… Повалила на пол, била ногами… Затем неожиданно успокоилась и говорит: «Вера, прости. Я знаю, ты ни в чем не виновата. Ступай… Побудь неделю дома, пока все заживет». Достала из сумочки пачку долларов — протянула мне. Но я даже подойти к ней боялась…

— А потом?

— Потом все как обычно. Мы работали и даже не вспоминали об этом эпизоде. С Тайгачевым у меня никаких контактов больше не было.

— И все-таки вы искали дневник?

— Да… — Зернова жалко улыбнулась. — Мы все знали о его существовании. Иногда Маша остав-

ляла его здесь. Как-то мне удалось полистать… Это удивительный по своей откровенности документ. И, конечно, я была уверена, что наш «случай» Малютина тоже описала…

— И теперь дневник пропал. Кто был заинтересован в его исчезновении?

— Ну, наверно, все его герои… — после легкого раздумья ответила Зернова. — Маша в шутку говорила, что когда-нибудь его опубликует. А во всякой шутке… сами понимаете…

— Как вы думаете, кто в этом «произведении» был главным действующим лицом?

— По-моему, все-таки Тайгачев. Малютина его любила безумно. Она ведь сирота, воспитывалась в детском доме. Алексей Казимирович был для нее и отец, и муж, и духовный наставник…

— При всем при том, что он ее постоянно предавал?

— Знаете, у Тайгачева своеобразная философия. Он считает, что может любить многих женщин. — Вероника Павловна поправила выбившийся из прически локон, томно вздохнула и добавила: — Это у него очень убедительно получалось…

10

И снова Бутырская тюрьма. Следователь Иван Петрович Панков и Саша Махорин очередной раз допрашивают Тайгачева. Вид у Алексея Казимировича жалкий, подавленный…

— Господи!.. — затравленно кричит он. — Дневник? Что дневник?.. Ну, пытался я его найти. Да, в нем было много интимного. Мне не хотелось, чтобы его обнародовали… Но из-за этого не убивают! Потом, я повторяю, между нами не было никакой серьезной размолвки. Последняя наша ночь — это чудесная ночь любви! Маша была нежной, страстной… Ничто не предвещало трагического исхода!

— А она вам не говорила: вот, дескать, дневник пропал? — спросил Махорин.

— Нет… Она шептала совсем о другом.

— Однако утром вы сразу вспомнили про дневник.

— Да поймите вы! Я проснулся в луже крови! С пистолетом в руках! Рядом лежала мертвая женщина. Еще теплая… Конечно, я растерялся…

— Нет, — недоверчиво покачал головой Панков. — По-моему, вы действовали очень разумно.

Вы сразу решили избавиться от важной косвенной улики.

Тайгачев тихо выругался, обреченно покачал головой.

— Вы приписываете мне какую-то дьявольскую расчетливость. Но тогда объясните, в чем вообще смысл этого поступка… Вот я убил Малютину. Из своего пистолета. И что? На что я, по-вашему, надеялся? Как собирался скрыть содеянное?

— Сейчас объясню, — спокойно ответил следователь. — Никакой логики вначале не было. Вы с Малютиной поссорились. Она сообщила вам, что не станет делать аборт. Может быть, намекнула про издание дневника. Вы действовали в состоянии аффекта… И только потом начали соображать. Логично?

— Логично, — устало согласился Тайгачев. — Но неверно.

— Докажите… — усмехнулся Панков. — Помогите следствию и себе. Подскажите хоть одну более-менее правдоподобную версию. Укажите на какую-нибудь настораживающую деталь. Ведь нет же ничего!

— Иван Петрович! — встрепенулся Махорин. — Вот вы тут интересную мысль высказали!

— Какую такую мысль, — отмахнулся Панков.

— Может, Малютина действительно кому-нибудь передала свой дневник. Если она шантажировала Алексея Казимировича, то это создавало ей некую гарантию безопасности.

— Никто меня не шантажировал! — воскликнул Тайгачев. — Бред какой-то…

— Ну хорошо. Пусть не шантажировала. Дневника нет. Значит, либо кто-то его похитил, либо Малютина сама кому-нибудь его отдала. Кому?..

— Кому? — Тайгачев сразу преобразился. — Кому? Другие издательства были для нее конкурентами. Там ее ненавидели… Близких подруг у Маши не было. Хотя, постойте… Существовала какая-то наперсница школьных лет. Тоже поэтесса… Они с Машей в одной литературной студии занимались. Не то суфражистка, не то лесбиянка… Дура патологическая… Но Маша ее мнение ценила… Как же ее звали? Галя? Валя? Не помню… — Алексей Казимирович с надеждой посмотрел на Махорина. — Саша, голубчик, найди ее! Через детский дом попробуй. Может, это действительно ее козни. У них с Машкой что-то в детстве было… Лесбиянки мужиков ненавидят… Это месть! Она отомстила и мне, и ей…

11

Заведующая детским домом, долговязая, тощая старуха, выглядела строго и величественно: серебряные волосы, собранные в аккуратный пучок, высокий породистый лоб; васильковые, правда, изрядно полинявшие глаза прятались за стеклами дорогих очков; одета старомодно, но опрятно, даже изысканно. И вообще Клавдия Евсеевна — так ее звали — чем-то напоминала гимназическую классную даму, а не попечительницу приюта.

— Машу Малютину? Конечно, помню… — проскрипела заведующая. — Чудесная девочка! Одаренная… Видимо, и наследственность у нее была хорошая. Правда, витал над ней некий злой рок. И гибель эта трагическая… в чем-то закономерна. Ладно, дело прошлое… Я вам расскажу… Ее родила четырнадцатилетняя «Джульетта». Ребенок был слабенький, но очень милый. У мамашки глазенки загорелись: какая симпатичная куколка! А потом явилась молодая бабушка новорожденной, расфуфыренная, вся в бриллиантах, и заявила: «От ребенка отказываемся, он нам ни к чему! Конечно, недоглядела, упустила дочь…

Но дело поправимое. Я специально ее в Москву рожать привозила, чтобы никто из нашего окружения не знал…» Так вот и бросили Машку на произвол судьбы. Хорошо еще, в наш детский дом попала — у нас все-таки традиции, со старых времен сохранились…

— Неужели так просто можно отказаться от практически здорового ребенка? — удивился Сашка.

— Что вы, голубчик! Вы же сами юрист! Или вы этого не проходили? — воскликнула Клавдия Евсеевна. — Тут такие «декамероны» бывают… Железные нервы нужны. Вот намедни одна парочка отказалась от новорожденного. И знаете, почему? Им, оказывается, обломилась длительная заграничная командировка, а ребенок будет мешать. И эта «интеллектуалка», не моргнув глазом, заявляет: «Вернемся — родим себе другого!» А мужа успокоила: «Считай, я аборт сделала».

— Да вы что, ей-богу! Нужно было к ним на работу сообщить! — совсем обалдел Махорин.

— Нет, голубчик! Вы бы меня потом и привлекли… Закон охраняет тайну таких «родителей». Вот ведь нелепость! «Мать», отказавшаяся от младенца, даже пособие и частично оплачиваемый отпуск «по уходу» за брошенным ребенком

умудряется получить… Эх, да что там говорить! Задавайте свои вопросы…

Махорин был настолько ошеломлен таким началом разговора, что никак не мог собраться с мыслями. Наконец он «отдышался» и спросил:

— Значит Малютина до окончания школы все время жила здесь, в вашем доме?

— Да… Сначала она была хилым, болезненным ребенком. Мы ей и фамилию такую придумали, от слова «малютка». Потом как-то переросла все хворобы, вытянулась… Училась очень хорошо! К книге сразу потянулась. Затем начала сочинять стихи. Я сама словесница, во всем ей помогала. Помню, как мы радовались, когда первую ее подборку опубликовали в «Юности».

— С кем она дружила?

— Отношения ровные были со всеми. Особо никого не выделяла… Вообще Маша была замкнутая, немного нервная.

— А вот она ходила в литературную студию…

— Да. Во Дворце молодежи была такая. Она в ней несколько лет занималась.

— Там у нее, по моим сведениям, подруга появилась.

Клавдия Евсеевна сморщила лобик, брезгливо повела губами.

— Ира Ланская… Я ее не любила. Девочка изломанная, какая-то ненормальная. Но Маша к ней действительно тянулась. Родители Ланской — состоятельные люди. Отец, по-моему, дипломат. Ира ввела Машу в свою семью. Там к ней очень уважительно относились. Я даже разрешила Малютиной ночевать в их доме. Ланские готовили свою дочь в университет и Маше позволили заниматься с ее репетиторами. Так они вместе и поступили на филологический факультет. Только Малютина, когда занялась этим… бизнесом, учебу бросила.

— Она приходила к вам?

— Последние годы очень редко. Как-то мы стали отдаляться друг от друга. Я не обижалась… Это естественно… У нее появился мужчина. Маша его страстно любила. Зачем ей старуха!

— Малютина вела дневник. Она вам его не передавала?

— Нет. Я же сказала, мы почти год не виделись.

— Так… — Махорин достал блокнот. — Назовите, пожалуйста, еще раз имя ее подруги.

— Ирина Ланская…

И вдруг Сашку будто молнией по темечку ударило.

— Как?! — Он открыл ту страницу, на которой

со слов Тайгачева был запечатлен список его «гарема», последней в списке значилась — Ланская Ирина Михайловна.

— Ну, дела!.. — ошеломленно воскликнул Махорин, чуть не рухнув со стула.

12

— Алексей Казимирович, — Махорин старался говорить спокойно, но голос его прямо трепетал от волнения. — В вашем деле вскрылись неожиданные обстоятельства. Поэтому, прежде чем выйти на нового свидетеля, я хотел бы тщательно опросить вас.

Тайгачев с жадностью курил предложенную Сашкой сигарету, торопливо кивнул и боязливо посмотрел на дверь, за которой скрылся охранник — тюрьма уже наложила на него свой отпечаток.

— Алексей Казимирович, я установил, что ваша любовница Ирина Михайловна Ланская являлась близкой подругой Малютиной.

Тайгачев от неожиданности поперхнулся дымом. Сигарета выпала из его пальцев, но он даже не удосужился поднять ее с пола.

— Что? Что вы сказали?

— Да-да… Таинственная незнакомка, которую вы изволили назвать «суфражисткой или лесбиянкой», — это и есть Ира Ланская.

Казалось, изумлению Тайгачева не было предела.

— С ума сойти! С ума сойти! — как заведенный, повторял Алексей Казимирович. — Она никогда не упоминала о Маше, даже словом не обмолвилась…

— При каких обстоятельствах вы познакомились?

Тайгачев прикрыл ладонью глаза, словно вспоминая, но Махорин прекрасно понимал, что все этот «донжуан» замечательно помнит. Он помнит каждую свою женщину. Помнит, где, когда и в какой позе… Помнит неповторимый судорожный изгиб ее рта. Помнит издаваемые любовные стоны — эту чудесную мелодию страсти… Все он помнит… Просто сейчас до предела ошеломлен последним известием и никак не может выйти из шока.

— Ну-ну, Алексей Казимирович! — одернул его Сашка. — Время-то идет!

— Да-да, извините… — Тайгачев словно очнулся. — Сейчас… Сейчас расскажу… Значит, так. С Ланской я встречаюсь около года. Она действительно весьма оригинальная и странная девушка. Но в этой странности скрыта некая дьявольская привлекательность. Как бы это лучше определить… Короче, у меня все время было такое чувство, что она «берет» меня. А я ей просто

«отдаюсь». Вот так!.. Меня эта игра необычайно увлекала, давала совершенно новые, острые ощущения… Ведь нормальный мужчина никогда не сможет до конца понять чувства женщины. А тут… было нечто подобное… Она не ждала нежности и не хотела, чтобы я ласкал ее. Она сама доводила меня до экстаза и упивалась властью над моим телом…

— Познакомились-то как?.. — напомнил Махорин.

— Да-да… — Тайгачев наконец поднял с пола потухшую сигарету, Сашка дал ему прикурить. — Она сама пришла в мой офис. Секретарша подала визитную карточку Ланского, сказала: «Там его дочка в приемной. Говорит, по личному делу…» Папенька Ирины в наших кругах человек известный. Я распорядился пропустить…

Алексей Казимирович на мгновение замолчал, взгляд его затуманился — перед ним словно возникла картина.

— Она вошла… И я сразу был поражен ее внешностью. В лице Ирины удивительно сочетались мужественность и женственность. Знаете, это лик инопланетянки, Аэлиты… Огромные, темные, немигающие глаза. Когда она смотрит на тебя, даже мороз по коже проходит… У меня в

кабинете есть диван. Ирина села на него. Долго молчала, разглядывая меня, как породистого жеребца. Скажу честно, может, впервые в жизни я перед женщиной растерялся, язык к гортани прилип… Ведьма! Воистину ведьма! Наконец она говорит: «Много слышала о ваших достоинствах, Алексей Казимирович. Идите сюда…» Я, словно под гипнозом, пошел к ней. Она обняла меня, не спеша поцеловала в губы. Старательно, долго… У меня закружилась голова. Никогда такого не было! Потом Ланская отстранилась, снова уставилась своими страшными глазищами и, будто убедившись, что я достоин того, сказала: «Поедем ко мне…» Так начался этот странный роман. После нашего первого контакта Ира иронично произнесла: «Да, описание соответствует действительности». Я тогда не понял, к чему относится эта фраза, но теперь начинаю догадываться…

— Как часто происходили ваши встречи?

— Очень редко… Она запретила ей звонить. Сказала: «Когда захочу, найду сама…» И находила! В самых невероятных местах. Однажды специально прилетела в Париж, где у меня шли деловые переговоры. Представляете, на одну ночь…

— А вам не хотелось видеть ее чаще?

— Честно признаться, нет. После свиданий с Ириной я ощущал полный упадок сил. Казалось, она высасывала из меня всю энергию. Это выбивало из ритма, мешало работе. Сколько раз убеждал себя прекратить эту связь. Но стоило услышать в трубке ее чуть хрипловатый голосок — я мчался как угорелый на этот зов. Она обладала надо мной колдовской, магической властью.

— Малютиной вы что-нибудь об этом рассказывали?

— Нет. Никогда. Я с женщинами подобной информацией не делюсь.

— Ас мужчинами? — не удержался Махорин.

— Иногда… — усмехнулся Тайгачев. — Из эстетических соображений.

— Петров, ваш охранник, знал о Ланской?

— Знал…

— Байбаков, ваш заместитель по партии?

— Тоже…

— Сидоров, адвокат?

— В курсе…

— В общем, по секрету всему свету.

Сашка достал свой знаменитый блокнот.

— Когда вы последний раз виделись с Ланской?

— Недели две тому назад.

— Вы во время первого допроса продиктовали ее телефон. По нему можно договориться о встрече?

— Наверно. Ира живет в квартире родителей. Ее отец сейчас в Женеве, работает в какой-то постоянной комиссии ЮНЕСКО.

13

Следователь Панков внимательно, с нескрываемым любопытством слушал доклад Махорина о последних результатах его работы.

— Я побывал в университете, встречался с преподавателями, с некоторыми сокурсниками Малютиной и Ланской… — Сашка сделал выразительную паузу. — Все отмечали, что между ними, несомненно, существовала чувственная связь. Но Малютина лучше училась, у нее были явные успехи в творчестве… Ланская завидовала. Пыталась всячески подчеркнуть свою власть над ней. И вдруг эта поездка в Прибалтику… Малютина встретила Тайгачева. Она вернулась в Москву совсем другим человеком. Одна аспирантка — тогда она, естественно, была студенткой и в общежитии жила в одной комнате с Машей — так вот, она рассказала о том, как невольно стала свидетельницей жуткой ссоры, которая произошла между Ланской и Малютиной. Ланская называла подругу… — Сашка заглянул в блокнот: — Пардон, цитирую… «Предательницей, похотливой сукой, неблагодарной шлюхой». Конец цитаты… Некоторое время они совсем не общались. Но

потом как-то неожиданно снова сошлись. Та же аспирантка сообщила, что краем уха слышала приблизительно такой разговор.

Ланская. Я же предупреждала тебя. Все они сволочи. Им нужно, чтобы женщина поклонялась их фаллосу. А по-моему, нет ничего на свете омерзительнее.

Малютина. Нет, ты не права. Близость с мужчиной — это упоительное чувство, особенно если ты его любишь.

Ланская. Что значит «любишь»? Он превратил тебя в рабу своих желаний. И ты покорилась… Нашла наконец смысл жизни. Неужели для женщины этот смысл — принадлежать самцу или ребенку?

Малютина. Это бессмысленный спор. Как мы можем обсуждать вкус яблока, если ты ни разу его не пробовала.

Ланская. А вот возьму и попробую. И надкушу именно твое «райское яблочко»!

Малютина. Нет, Алексей мой! Он принадлежит мне и только мне?..

Махорин закрыл свой блокнот, многозначительно посмотрел на следователя.

— Ну как? — с торжеством спросил он. — Впечатляет?

— Занятно, — ответил Панков. — Но это опять-таки лирика, житейская муть… Версию! Версию давай!

— А версия такая. Ланская стала любовницей Тайгачева. Она выполнила свое обещание — надкусила «райское яблоко». И, видимо, ей понравилось. Теперь уже Ланской мешает Малютина. Она хочет безраздельно владеть Тайгачевым.

— Тайгачев — вольный мустанг! — усмехнувшись, возразил следователь. — Никто его не обуздает…

— Не торопитесь, Иван Петрович. Вы забываете его последние показания. Ланская — демоническая женщина, она имела на Алексея Казимировича сильное влияние. Но Малютина ждет от него ребенка… Тут что-то есть! У Ланской мог быть ключ от квартиры Малютиной. Она наверняка знает, что у Тайгачева есть пистолет… Истина где-то рядом! Я ее вот-вот нащупаю…

Теперь уже Панков от души расхохотался. Он достал из сейфа фляжку коньяка, разлил ее по стаканам.

— Выпей, Шурик, — добродушно предложил он. — А то от этих амурных историй у тебя уже шарики за ролики зашли. Ты не забывай, что даже если это инсценировка, то твое надкушенное

«райское яблоко» лет на пятнадцать законсервируют в жестяную банку. Стреляли в Малютину, а целились в Тайгачева. Ты же сам вывод сделал…

— Да, правильно, — тяжело вздохнул Махорин и отодвинул от себя стакан. — Вы же знаете, я не пью… Но дневник Малютиной точно у Ланской. Я это нутром чую.

— Нутро — инструмент таинственный, ему можно доверять, — выпив и свою, и Сашкину порцию, крякнув, подвел итог Панков.

14

— Быстро вы меня нашли, — слегка улыбаясь, сказала Ланская и уставилась на Сашку своими блестящими черными цыганскими очами. Махорин не выдержал ее взгляда, опустил глаза. «И правда — ведьма, — подумал он. — Откуда только такие берутся. Не зря их раньше на кострах сжигали…»

Ирина усмехнулась, словно прочитала его мысли. Игриво сказала:

— Присаживайтесь, господин оперативный уполномоченный… — И снова хохотнула: — Уполномоченный… Интересно, кем же вы уполномочены? Я ведь филолог. Мне интересно знать происхождение понятий.

— Я уполномочен государством, — стараясь быть строгим, ответил Сашка.

— О, это великая сила! В свое время ее придумали мужчины, чтобы поработить женщин. Вы обращали внимание, что в нашем языке есть слова «учительница», «повариха». Но нет «президентши» и «министерши».

— По-моему, это не мешает некоторым представительницам слабого пола занимать указанные

должности.

— Слабого?! — возмущенно воскликнула Ланская, пряди ее длинных рыжих волос зашевелились, словно змеи. — Это мужчины воистину слабый пол! Ведь в душе каждого из вас подсознательно живет страх. В юности вы панически боитесь, что у вас ничего не получится. В среднем возрасте — переживаете, что соперник окажется счастливее в сексе и карьере. А потом опять начинаете переживать, что ничего не получится… Вот и вся ваша примитивная психология!

Теперь успокоился Махорин. Его позабавил этот монолог. В нем прозвучали нотки истеричности. И Сашка сразу осознал свое превосходство, образ колдуньи исчез. Перед ним была обыкновенная баба, которая просто выпендривалась, строила из себя маленькую Наполеонку, а на самом деле отчего-то страдала, была кем-то обижена и поэтому бесилась, сама не понимая этого.

— Ладно, — сказал Махорин. — Мы продолжим этот спор на досуге. А сейчас, как вы понимаете, я на работе.

Ланская насупилась, побледнела. Она поняла, что этот мухортенький, неяркий самец разгадал ее загадку. И от этого стало еще противнее…

— Вы знали Марию Федоровну Малютину? —

деловым тоном произнес Махорин.

— Да. Одно время мы были в довольно близких отношениях.

— Вам известно, что она погибла?

— Я догадывалась об этом. — Ланская сморщилась, словно проглотила горькое лекарство, издала какой-то странный звук — не то вой, не то стон, потом хриплым голосом спросила: — Алексей Казимирович Тайгачев, надо полагать, находится в тюрьме?

— Увы… Уже пятые сутки.

— Вот как, вот как, серенький козлик… — зловеще пропела Ланская. — А ведь девушка козлика очень любила…

— Кого вы имеете в виду? Себя или Малютину?

— Попрошу глупых вопросов не задавать!

— Ты чего психуешь! — разозлился Махорин. — Я пока с тобой приватно беседую, дружески. А то ведь прямо сейчас состряпаю ордер на обыск квартиры, вызову наряд… Дневник Малютиной у тебя?

Ирина вздрогнула, совсем скисла, промямлила:

— У меня…

— Прошу предъявить вещественное доказательство, — строго потребовал Сашка.

Ланская встала, пошла в спальню и вскоре вернулась с большим пакетом.

— Вот, пожалуйста, — сказала она. — Я, собственно, и не собиралась его прятать. — И, брезгливо дернув плечом, добавила: — Пусть Тайгачев спасибо скажет. А то бы полжизни парился на нарах.

Сашка выхватил из ее рук сверток, распечатал его и достал изящную красную книжицу. Он начал читать последние страницы. И сразу, охватывая сердце ужасом, стала перед ним истина. Махорин дочитал до конца. Тяжело вздохнул… Какая-то боль поселилась в груди. И вдруг Сашка вспомнил, что эта версия в самом начале следствия промелькнула у него в душе. Но он тогда отверг ее, как супернелепую, абсолютно нелогичную, а ведь оказалось — самое оно.

— Так.. — выдавил из себя Махорин. — А теперь, гражданка Ланская, поясните, как этот документ оказался у вас.

— Сразу уж и «гражданка», — усмехнулась Ирина. — Мне Малютина сама этот пакет передала.

— С какой целью?

— Две недели тому назад я ездила к отцу в Женеву. Маша дала мне доллары и попросила, чтобы я оставила этот пакет в швейцарском бан-

ке с условием, чтобы через пятнадцать лет он его отослал в самый престижный русский литературный журнал.

— Вас не удивила такая просьба?

— Ну, скажем так — насторожила… Вообще-то Малютина всегда была экстравагантной девицей. От нее все, что угодно, можно ожидать. Но тут… — Ланская зловеще оскалилась. — Она не знала о моей связи с Тайгачевым. А я интуитивно почувствовала, что в этом пакете таится какая-то угроза Алексею. Я его распечатала…

— И что? — Сашку прямо трясло.

— Ничего… — спокойно ответила Ирина. — В банк я положила чистую тетрадь. Привезла Маше квитанцию…

— И стала ждать, когда все это произойдет?

— Ну-ну… — отпрянула Ланская. — Не надо так страшно таращить глаза, товарищ уполномоченный. Во-первых, Малютина известная психопатка, и такой прыти я от нее не ожидала… Одно дело написать: известно — бумага все стерпит. Другое дело — осуществить задуманное…

— И вы с любопытством наблюдали за этим экспериментом? — Махорин вскочил, с трудом сдерживая себя, выкрикнул: — Вы чудовище! Чудовище!..

— Нет, — меланхолично ответила Ланская. — Я не чудовище. Я просто наконец осознала себя… женщиной.

15

Тайгачева привезли из следственного изолятора в прокуратуру. На Алексее Казимировиче был тот же костюм, в котором его забрали из квартиры Малютиной. Тайгачев был помыт, выбрит. Короче, правосудие попыталось возвратить его обществу в первозданном виде.

Следователь Панков с пристрастием оглядел «клиента» и с некоторым сожалением произнес:

— Гражданин Тайгачев, мы изменяем вам меру пресечения. Это подписка о невыезде. Ознакомьтесь и поставьте свой автограф.

Алексей Казимирович поспешно подмахнул документ и вопрошающе глядя на Махорина.

— Нашли настоящего убийцу?

Сашка хмыкнул и протянул ему дневник Малютиной.

— Читайте… В конце концов эти строки предназначались вам.

Тайгачев впился глазами в страницу. Такой знакомый, немного детский, аккуратный девичий почерк… Ему казалось, он слышит знакомый голос…

«Здравствуй, Алешенька… Вот мы и снова

встретились. Много лет прошло… Меня уже давно нет на свете, а ты теперь старый, потрепанный и никому не нужный. Прежде всего женщинам… А ведь это для тебя самое страшное… Ты уже, наверно, отсидел положенный срок за мое убийство. Озлобился, проклиная судьбу… Не огорчайся. Ты заслужил свое наказание. Потому что, если разобраться, ты самый убийца и есть.

Конечно, ты никогда ничего мне не обещал. Ты говорил, что должен любить многих женщин — это закон твоей жизни. Но у меня, оказывается, свой закон. Я могу любить только тебя и не в силах делить тебя с другими. Когда я представляю, как ты прикасаешься к ним губами, говоришь свои любимые ласковые слова, нежно проводишь языком по шее, словно алчный зверь, осторожно подбираешься к соскам… Такая мука — почти наяву грезить этим видением?

Да, я знаю, как ты можешь… Каждый закоулочек женского тела получит свою долю удовольствия. Но разве это любовь? Любовь не в тех сластолюбивых точечках, которые так ловко могут находить твои трепетные пальцы. Хотя и в них тоже… Я воистину безумно люблю! То есть вопреки разуму, понимая, что это бессмысленно, глупо, унизительно… Но ничего не могу с собой поделать? Я

обожаю твои широкие сильные плечи, мускулистые руки, запах твоего тела… Мне нравится, что ты всегда такой разный: то романтичный, то игривый и озорной. Иногда — томный, задумчивый и вдруг — агрессивно-страстный, до предела возбужденный, нетерпеливый…

Я не могу жить без тебя. Но и с тобой я жить не могу. И выход из этого тупика только один… Я так обожаю тебя, любимый, что хочу принять смерть из твоих рук.

А теперь я расскажу тебе, любимый, как я все это сделала. Я вызвала тебя к себе. Это была наша последняя ночь. Ты помнишь ее, Алешенька? Я утомила тебя, я насытила тебя… Перед сном — твой последний традиционный бокал холодного шампанского. Я незаметно кладу в него маленький, быстрорастворимый шарик. Это очень дорогое американское снотворное. Оно полностью разлагается в крови. Ни одна экспертиза не найдет его следов в твоем организме.

И вот ты уже безмятежно спишь. Долго смотрю на твое прекрасное лицо. Тикает будильник, он отсчитывает мои последние часы. Все, пора! Я встаю, надеваю старые перчатки и иду в прихожую. Из кармана твоего плаща я достаю пистолет — маленькую изящную игрушку, которую ты так

любил Теперь я возвращаюсь в спальню и осторожно вкладываю пистолет в твою ладонь. Иду на кухню, выбрасываю перчатки в мусоропровод.

Теперь я ложусь, рядом с тобой. Ствол пистолета упирается в мой висок. Без двух минут шесть… Через мгновение в квартиру войдет горничная. Я протягиваю руку и своим пальчиком медленно нажимаю на твой, лежащий на спусковом крючке… Бах!..

Все! Меня уже нет! Я не стою на твоем пути, но и ты больше не будешь принадлежать другим женщинам… Я была последняя в твоей судьбе…»

Тайгачев поднял голову. Махорин думал, что он заплачет. Но глаза Алексея Казимировича горели каким-то сухим, странным огнем.

— Дура… — тихо сказал он. — Подлая дура… Идиотка…

— Это все, что вы можете сообщить по данному факту? — не скрывая презрения, спросил Панков.

— А вы что ждали? — вскипел Тайгачев. — Что я начну выть? Рвать на себе одежду?.. Ей что, плохо жилось? Ладно… Каждый человек вправе распоряжаться своей жизнью. Но кто ей позволил ломать мою судьбу?

Алексей Казимирович выхватил из кармана

пиджака носовой платок, долго сморкался в него, похрюкивая, постанывая, сопя. Наконец он утих и ледяным тоном осведомился:

— Я свободен?

— Да, — ответил Панков. — Если понадобитесь, вас вызовут.

Тайгачев встал и торопливо вышел.

— Вот гад! — воскликнул следователь. — И ведь не привлечешь его! Нет такой статьи…

— Ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона, — задумчиво продекламировал Махорин.

— Что? — не понял Панков.

— Это Пушкин. Из «Египетских ночей».

— При чем тут Пушкин, — отмахнулся следователь. — Слушай, а ты вроде говорил, у тебя была такая версия…

— Да. В самом начале. Я тщательно изучил протокол экспертизы. В нем утверждалось: никаких следов пребывания в квартире посторонних лиц не обнаружено. Ну, я тогда и подумал: «Если в помещении находились два человека и один из них довольно убедительно утверждает, что он не стрелял, значит — стрелял другой…»

— Логично, — хмыкнул Панков. — А чего промолчал?

— Ну, потом повалили новые факты. Беремен-

ность Малютиной… Кстати, она пишет в своем дневнике. — Сашка полистал страницы. — Вот… «Я пришла в институт, чтобы сделать аборт. Здесь мне показали кинофильм, снятый с помощью ультразвука. Двухмесячный эмбрион — это маленький человечек. Головка, носик, ручки и ножки уже сформировались. Он переворачивается и сосет пальчик… И вдруг к нему тянется острый инструмент. Мы видим, как протестует младенец. Как в безмолвном крике открывается его ротик… Нет. Если ему суждено умереть, пусть погибнет во мне. В спокойной, привычной обстановке…»

Махорин даже всхлипнул и, стыдясь своих слез, бравурным тоном провозгласил:

— Ну и дело нам с вами досталось, Иван Петрович! Кошмар!

— Да уж… — пробурчал Панков.

— Тут еще ее последнее стихотворение написано. Красными чернилами.

— А может, кровью, как у Есенина.

— Может и так…

Махорин прокашлялся и медленно, проникновенно прочитал:

Прощай, любимый мой!

Я не прошу забыть.
Я знаю, ты не в силах сделать это.
Вопросом вечным: «Быть или не быть?»
—
Глядит зрачок холодный пистолета.
Прощай, любимый мой!
Ты разбудил во мне
Источник страсти, нежности и ласки.
Прощай, любимый мой!
Ты был в моей судьбе
Подобием какой-то чудной сказки.
Но сказкам долго жить не суждено.
Срывает ветер пестрые лоскутья.
Прощай, любимый мой!
Решила все давно…
Но что-то жду,
Как витязь на распутье.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНОБРОВКИН

ПОСЛЕДНЕМУ — КОСТЬ

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ[1]

В окно билась, наполняя камеру тоскливым жужжанием, тяжелая зеленая муха. Алексей Порфиров лежал на нарах и, неудобно вывернув голову, наблюдал, как она мечется по прямоугольнику мутного стекла, за которым темнели толстые прутья и наклоненные внешними краями книзу полоски металлического жалюзи. Иногда муха ненадолго затихала, точно переводила дыхание, и вновь отчаянно впиливалась в окно. Бейся не бейся, а здесь и подохнешь…

Заболела шея, и Алексей отвернулся к стене. Над изголовьем — рукой дотянуться можно — вышкрябана на побеленной штукатурке голая баба с расставленными ногами. Промежность была раздолбана — указательный палец с ногтем заныривал. Ниже красовались семерка в рамке из цепей, кличка художника «Кнур» и год «1985». Недавно здесь сидел, может, перед Алексеем. И получил мало, всего семь лет. Порфирову следователь обещал десять. Двенадцать — вряд ли: слишком молод Алексей, а червонец — кровь

---

[1] Примечания: 1

Последовательность глав авторская.

из носу сделает. Не надо было с ним заводиться. Крутой мужик — этот старший следователь по особо важным делам Камычев, здоровый такой, откормленный — щеки об воротник трутся — и бить умеет: одним ударом под дыхало вырубил Алексея, когда тот попытался защищаться. Зря только получал, все равно те двое, предатели, раскололись и свалили на него. Теперь за всех отвечать придется. Ну и черт с ними…

Закололо в почке. Нет, это не следователь, это уже здесь, в камере, «попкари» подкинули за соседа. Псих какой-то, думает, если вдвое старше, значит, сильнее. Алексей и вправил ему мозги. Начал потихоньку, как у следователя научился, а потом разошелся, позабыв, что хоть и в глухом месте, да не в том.

А, вообще-то, здесь хорошо. Тихо, лениво, особенно в последние дни, когда перестали водить на допросы. Поел — поспал, поел — валяйся на нарах. Жратвы бы еще подкинули — и совсем было бы хорошо. Ничего вроде не делает целыми днями и ест больше и чаще, чем дома, а все время голодный.

В лесу сейчас пошла малина. Присядешь у куста, приподнимешь загнутые книзу стебли, а под ними сырая тень и запах гниющего дерева.

И козявки ползают: черные, темно-коричневые, бледно-зеленые. Влажные фиолетовые ягоды почти не видны, осторожно дотронешься до них — падают в ладонь, пятная красным соком. Бережно соберешь их с шершавой ладони губами, вдыхая дурманящий аромат. Наевшись, начинаешь собирать в лукошко. На день рождения Алексея мать всегда пекла пирог с малиной. Он получался толщиной в три-четыре пальца, темно-коричневый сверху и подгоревший снизу и с боков, внутри желтоватое тесто и темная прослойка ягод. Можно обрезать низ и боковины, а можно и прямо так есть — все больше.

Хорошо, если мать испечет пирог и привезет в суд. Сосед говорит, что разрешат свидание во время перерыва или когда приговор зачитают. Разрешат, чего там, у него же сегодня день рождения. Алексей попытался вспомнить, когда последний раз получал подарок. Так и не вспомнил. А в этом году получил бы паспорт, но на кой теперь нужна эта бумажка? Лучше бы мать пирог привезла. А что, если вообще не приедет? С нее станется…

Параша воняет. Выносили и мыли недавно, а все равно воняет. И муха жужжит. Настырная, сволочь.

Порфиров рывком поднялся и, вскрикнув, схватился за поясницу. Сосед вроде бы улыбнулся ехидно или показалось? Отворотил морду битую — его счастье. Зато мухе теперь хана. Алексей подождал, пока она опустится ниже, подпрыгнул и хлопнул ладонью по стеклу. Ближе к большому пальцу хрустнуло и брызнуло липким. Алексей брезгливо потер ладонь о стену.

Опять нары — комковатая маленькая подушка, тощий матрац, вытертое одеяло — и все это пропахло казенным, хлорным запахом. Ничего, зато никто не трогает. Порфиров достал из кармана мятую пачку «Примы», высыпал из нее окурки, выбрал самый длинный, закурил, придерживая двумя спичками, чтобы не обожгло пальцы. Четыре затяжки — и припекло губы, кинул зажатый между спичками бычок в сторону параши.

Десять лет — это, наверное, много. Но когда выйдет, все будут бояться. Сильнее, чем боялись Вовку Жука, ведь тот всего два года отсидел. И будут поить самогоном, а пацаны еще и заглядывать в рот, слушая байки о зоне. То-то позавидуют…

Заскрипел, будто зубами грызли стекло, ключ в замке. Алексей расслабился, наслаждаясь последними мгновениями покоя. Если плотнее сжать веки, то и «попкаря» — дежурного надзирателя

— вроде и не существует, и никто не заставит подниматься с уютных, пригретых нар.

— Порфиров, на выход.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лешка Порфиров закрыл за собой дверь, постоял на крыльце, привыкая к утренней свежести. Их дом был последним в проулке, за огородом начинался лес, где между деревьями и в кустах застряли клочья тумана, оттеняя густую зелень хвои и красно-желтое пламя листьев. Первый день осени. Алексей недовольно сплюнул тягучую слюну, отсчитал подошвами три ступеньки, уклонился от скулящей Маньки, повисшей свечкой на цепи, вышел в проулок. В животе делился теплом горячий чай, во рту кислило от ржаного хлеба, и хотелось и не хотелось идти в школу.

У соседнего двора он громко с переливом свистнул. Не успел затихнуть свист, как из дома, получив от матери толчок в спину и угрозу быть выпоротым, вылетел Гришка Тюхнин, Тюха-толстый, средний из братьев и третий из семерых детей Ильи Тюхнина. Жуя на ходу яблоко, Гришка подошел к дружку, поздоровался.

— Чего она? — спросил Лешка.

— А-а, ну ее… — привычно отмахнулся Тюха, запихал в рот огрызок и, чавкая громко, так, что заглушал топанье обуви о деревянный тротуар,

доел яблоко, выплюнув косточки.

Гришка Тюхнин был толстым и неповоротливым, с шишковатой головой, словно обрубленной сзади и без шеи вросшей в сутулую спину, поэтому казалось, что ходит он, чуть подавшись вперед грудью и приподняв плечи. Смотрел всегда исподлобья и никогда не оглядывался, поворачивался всем телом, а при ходьбе махал обеими руками вперед-назад, как при езде на лыжах, что бесило недавно отслуживших в армии парней и вызывало ухмылку у женщин.

В Гришкиных руках появились еще два яблока. Щедростью он не отличался, поэтому Алексей отвернулся и сглотнул слюну, а выйдя на улицу, ведущую на главную, ускорил шаг.

— Пойдем быстрее, а то опоздаем.

— Ну и что.

Яблоки по очереди побывали у мясистого носа, где их тщательно обнюхали и осмотрели, одно, большее, было втиснуто между пухлыми губами и с хрустом надкушено кривыми желтыми зубами, а другое, с червоточиной, предложено Порфирову.

Алексей как бы нехотя взял, потер о штанину. Терпкая антоновка отбила чувство голода, возникающее всегда, когда видел жующего человека.

Выплюнув косточки, с надеждой произнес:

— Закурить бы.

— Нету. — Гришка дважды цыкнул, втягивая меж зубов воздух, поковырялся в них ногтем. — Батя вчера пьяный был, стянул у него пачку, а мамка нашла. Ох и всыпали! — закончил он хвастливо.

Они повернули на главную улицу. Дощатый тротуар сменился асфальтом. Мимо, обдав копотью, проехал груженный бревнами КамАЗ.

— Вовка Жук, — сказал Тюха. — Вчера пьяный поломал забор бабке Алке: видел, передок пошкрябанный?

— Знаю, — нехотя ответил Алексей. Так же нехотя буцнул зазевавшуюся курицу. Она закудахтала, нарезала полукруг, шустро перебирая ногами. Лешка плюнул в ее сторону.

Двухэтажная средняя школа высилась в центре поселка, напротив конторы леспромхоза. Построенная из красного кирпича и с серой шиферной крышей, она имела небольшой двор, на котором была оборудована спортплощадка: вырыты ямы для прыжков, установлен турник, гимнастическое бревно и два столба с баскетбольными щитами. Двор был огорожен низким забором, увенчанным широкой планкой, чтобы

не отламывали верхушки штакетин. Вдоль забора росли два ряда деревьев и кустарник. У входа в школу построились буквой «П» школьники и родители, а на широком крыльце табунились учителя во главе с директором. Андрей Петрович, по прозвищу Гусак, подергивая сухой головой на длинной шее, толкал речь, как обычно рваную и малоприятную.

Порфиров и Тюхнин, стараясь не привлекать внимания, подошли к своему классу, прислушались.

— …Вот!.. Гибнет картошка! Есть будет нечего!.. Тяжелые погодные условия. Да!.. Мы все должны… каждый школьник… директор колхоза со своей стороны… кхе-кхе…

— Смотри, — Гришка толкнул локтем, — новенькая, английскому будет учить.

Новая учительница стояла чуть в стороне от преподавателей, удивленно прислушивалась к директорской речи. Ничего не поняв, испуганно посмотрела на коллег, на школьников. Покорное внимание слушателей сбило ее с толку, на лице учительницы появилось замешательство, но вскоре сменилось иронией, а потом жалостью.

— Красивая… — подумал вслух Лешка.

— Городская, — уточнил Тюха.

— …Но, понимаете, самое… но не мы. Вот!.. Я со своей стороны…

Тюхнин воспользовался паузой — гоготнул. По рядам школьников пробежал смешок. Людка Краснокутская, староста класса, зубрилка и ябеда, обернулась и укоризненно посмотрела на Гришку. Тот потянул ее за дальнюю косичку, чтобы отвернулась.

— Но я… — продолжал директор.

— Дурак! — взвизгнула Людка.

Громкое ржание семиклассника Мишки Дудина заставило зауча Лидию Ивановну выйти вперед и прикрикнуть:

— Дудин! Краснокутская! — Дождавшись тишины, она закончила за мужа: — С пятого по десятый класс завтра в восемь собираются здесь с ведрами и едут на картошку. У остальных занятия по расписанию. А сейчас всем зайти в школу.

Порфиров, соскучившись за лето по школе, с радостью толкался среди учеников. Знакомый коридор с запахом свежей краски, лестница на второй этаж, коричневая дверь с синей табличкой «8-й класс». За этой дверью Лешка проведет последний год в школе. Самая дальняя от учителя парта в ряду, что вдоль стены с окнами, радиатор, на котором зимой будет отогревать задубевшие

без варежек руки.

— Ну?! — послышалось рядом.

Это Тюха вытягивает из-за последней парты в соседнем ряду Вовку Гилевича, а тот пытается удержать место, ссылаясь, что занял первым. Но у Гришки разговор короткий — удар в грудь.

— Моя парта, — заявил он, с сопением устроившись за ней.

— Я чего сел? — заюлил Гилевич, морщась от боли. — Хотел предложить тебе что-то…

— Садись, — разрешил Тюха, показав на место рядом с собой. — Ну?

— Отец с дедом позавчера уехали к родне в Белоруссию. А я знаю, где спрятан ключ от шкафа, в котором ружье и патроны лежат.

— Ну?

— Можно на охоту сходить.

— А патронов много? — вмешался Лешка.

— На троих хватит.

В класс вошла новая учительница. Она подождала, пока все усядутся и успокоятся. Какое-то время смотрела на школьников пытливо, будто выискивала знакомых. Они отвечали кто радостным взглядом, кто настороженным, кто просто любопытным.

— Меня зовут Юлия Сергеевна. Я буду вашим

классным руководителем, а также преподавать английский язык. Сейчас я сделаю перекличку, познакомимся с вами. — Она опустилась на стул, раскрыла журнал. — Артюхова.

Алексей, выглядывая из-за плеча рослой Краснокутской, любовался учительницей. У нее была короткая прическа со спадающей до бровей челкой, если бы так постриглась поселковая женщина, над ней бы смеялись, а Юлии Сергеевне — ничего, красиво, и придает характерную городским заносчивость и самоуверенную элегантность, в сравнении с которыми напыщенность заучихи казалась индюшиной. И если Лидия Ивановна иногда появлялась в простеньких и не очень чистых Лешкиных мечтах, то такая, как Юлия Сергеевна, не поместилась бы там, таких он только по телевизору видел. Поэтому глядел на нее со стыдливым любопытством, воровато пряча глаза, когда она поворачивала голову в его сторону, будто подсматривал, как она обнажается. Увлеченный, не видел и не слышал, как вставали и садились одноклассники, не услышал и своей фамилии.

— Порфир! — окликнул Гришка.

Алексей вздрогнул и неуклюже поднялся. Голову склонил, чтобы не видно было лицо, красное,

точно застукали на горячем. Руки заелозили по парте, спрятались в карманы пиджака, но мешали и там, и успокоились за спиной, на жестких рубцах откинутого сиденья парты. Стоять пришлось дольше, чем другим: наговорили уже ей, а тут еще он — растяпа! Долгожданное «садись» ударило по плечам, загнало в угол, за широкую мосластую спину Краснокутской. Теперь Лешка не видел и учительницы. Не заметил, что Тюхнин стоял так же долго, решил, что его одного мучила, что теперь не докажешь учительнице, что он, Лешка, хороший, вот только…

Ученики загомонили, потянулись к выходу.

— Пошли, Леха, — позвал Тюхнин. — Ты чего?

— Ничего. — Он вяло выбрался из-за парты.

— На охоту идешь?

— Да.

Ружье было двуствольным, двенадцатого калибра, черные поблескивающие стволы пахли маслом. Алексей держал их в руках, ждал, когда Гилевич вытянет из мешка приклад и цевье. Собирать ружье решили здесь, перед выходом на Пашкино болото — огромный луг среди густого леса километрах в пяти от поселка. Вовка Гилевич умело сочленил стволы с прикладом, щелчок — цевье надежно скрепило их. Патронов было

семь штук, остальные, как сказал Гилевич, на волка, с картечью, брать не имело смысла. Зарядив ружье, он вышел первым из леса и, стараясь ступать бесшумно, направился к небольшому глубокому озерцу. Таких озер на лугу было десятка два, но начать решили с этого, расположенного в узкой части, чтобы поднятые выстрелом утки сели в дальнем широком конце.

Гилевич крался с ружьем наперевес, изображая индейца на тропе войны, и не разбирал дороги, позабыв, что одет во все новенькое. Чистый и наглаженный, но в мешковатом, на вырост костюме, с прилизанным на ровный пробор чубом, но конопатый и курносый, постоянно хвастающий носовым платком, но вытирающий сопли рукой, был Вовка будто слеплен из двух человек: чистюли-горожанина и деревенского разгильдяя, и сейчас, в роли отважного охотника, вздрагивал от каждого шороха и как всегда выглядел до смешного глупо. Он не дошел до озерка и половину пути, когда из-под ног взметнулся бекас и, крутясь по спирали, устремился по наклонной вверх. Вовка чуть не выронил от испуга ружье. Он долго соображал, что это такое, а затем пальнул из обоих стволов. Бекас продолжал крутить спираль в сторону дальнего конца луга, презри-

тельно посвистывая крыльями.

— Мазила! — обругал Гришка и потянул ружье к себе.

Оглохший от выстрелов Гилевич не отпускал и громко оправдывался:

— Ты видел, как он?! Из-под ног, гад! Я не понял сразу!

— Ружье давай, моя очередь.

— Подожди, у меня еще патрон!

— После Лехи стрельнешь, — Тюхнин заломил стволы, шумно дунул навстречу сизому дымку, вставил патроны.

Опять Алексею тащиться сзади и наблюдать с завистью. Гришка оторвался метров на тридцать. Нес ружье как дубинку и напоминал первобытного человека, особенно когда замирал полусогнутый и руками почти касался земли, точно поднимался с четвереньек, или когда по-звериному, всем телом, поворачивался на подозрительный звук. Лешка загадал, что если не будет следить за Тюхой, тому не повезет, поэтому переключился на клюкву. Красные сверху и белые снизу ягоды густо усыпали кочки, можно было набрать полную горсть, не сходя с места. Жаль, много не съешь: кислые, оскомину набивают.

Бах! Тюхнин шлепнулся на задницу, быстро

вскочил и выстрелил во второй раз куда-то в камыши, а не в тройку уток, взмывшую над озером.

— Есть! А-а-а!.. — кричал Тюха и размахивал свободной рукой, подзывая друзей.

Алексей смотрел на темную поверхность воды, в которой отражались облака, и не мог понять, чему радуется Гришка.

— Вон она — видишь? — показал Гришка. — Я ее хлоп, а она крыльями как забьет — ив камыши. А я еще — готова!.. Держи ружье. — Он начал раздеваться.

Порфиров вытянул из стволов стреляные гильзы, вдохнул пороховую гарь и не спеша вогнал патроны. Ничего, он сейчас двух уток срежет.

— Кто это тебя? — спросил Гилевич Тюхнина.

Белая рыхлая спина Гришки была покрыта темно-синими полосами, двойными, как отрезки железной дороги, и припухшими, видать, недавно заработал.

— Батя, — буднично произнес Гришка и швырнул на землю штаны, — пьяный, скакалкой. — Он опустил босую ногу в воду, побултыхал. Вода была холодная, и Тюха посмотрел на Вовку: не послать ли вместо себя? Пожалел. Наверное, за ружье. Поежившись, Гришка упал грудью в воду,

по-поросячьи взвизгнув и обрызгав дружков.

— Кабан! — прошипел Лешка. Так и хотелось повести стволы чуть вправо и нажать холодные рубцы курков.

Тюхнин, придерживаясь за камышину, болтыхал ногами, боясь дотронуться ими до топкого, илистого дна, и вытаскивал забившуюся между стеблей утку. Плыть с ней было неудобно, поэтому схватил зубами за крыло и волок за собой, загребая по-собачьи руками и пузыря большими черными трусами. Псина толстомордая!

Лешка отвернулся, чтобы избавиться от искушения выстрелить, посмотрел на дальний конец Пашкиного болота. Туда надо. И без этих двоих.

— Ну, я пойду, а вы здесь подождите.

Тюхнин выпустил из зубов серую, с потускневшим оперением птицу, смахнул прилипшую к губам пушинку.

— Мы там будем, — показал Гришка в сторону опушки, откуда начали охоту, — утку жарить.

— Хорошо. — Лешка старался не смотреть на него и на птицу с раздробленным, темно-коричневым клювом.

Стволы холодят пальцы, приклад присосался к вспотевшей ладони, ноги легко несут тело по кочковатой земле, покрытой желтой травой. На

этом озере ничего не будет: близко, а на следующем… Алексей пригнулся, сдвинул большим пальцем предохранитель. Пока в руках не было ружья, хотелось лишь доказать дружкам, что стреляет лучше их, а теперь появилось еще и азартное желание подержать руками убитую тобой добычу. Он представил, как срежет обеих уток на взлете, как, брызнув перьями, они кувыркнутся в воздухе и шлепнутся на землю, и он подойдет к ним, еще живым, бьющим крыльями, и каблуком сломает шеи. А сейчас надо ступать очень тихо: утки сидят именно на этом озерце. Стволы плавно поднялись, мушка заскользила по рябоватой от мелких волн воде. Отклонившись корпусом, Лешка выглянул из-за камыша. Пусто. Он сплюнул от обиды и выпрямился.

Распугали уток. Вечно ему не везет. Если бы взял ружье вторым, так нет — всегда этот… у, морда! Хотелось бросить ружье и пойти к опушке, где появился дымок костра. Но ружье не отпускало, манило желанием убить кого-нибудь. Надо только подальше уйти, за островок деревьев, что как бы отделяет часть луга. Там уж точно будет в кого выстрелить.

Но и в дальнем конце Пашкиного болота уток не нашел.

Устав, присел отдохнуть на кочку. Несколько ягод клюквы приглушили злость и обиду. Он пошкреб ногтем желтоватые, подсохшие комочки грязи на брюках и подумал, что хорошо, что завтра не надо на занятия, а то бы досталось от матери, ведь больше не в чем идти.

Шорох рядом заставил подхватить ружье с земли. Метрах в пятнадцати по мелководью чапала крыса: высоко поднимая лапы, шлепала ими по воде, неторопливо перебираясь к холмику сухого камыша. Усы, с капельками на концах, свисали книзу, мокрая шерсть прилипла к телу, отчего крыса казалась облезлой. Порфиров со злобным торжеством поймал ее на мушку. Палец лег на курок, преодолел упругость свободного хода. Крыса почуяла опасность, обернулась. На Алексея уставились темные провалы глазенок, между которыми шевелился темный комок носика. Прямо в него прицелился Лешка. Взгляды человека и крысы встретились, злость столкнулась с яростью — и громко рвануло. Удар в плечо чуть не свалил Алексея. В том месте, где стояла крыса, на взбаламученную воду опускались белые пушинки качалочек и, сталкиваясь, звенели. Нет, звенит в ушах от выстрела. Вода побурлила немного и вытолкнула на поверхность черно-красное месиво.

Чудилось, будто и оно звенит, но тише.

И тут Порфиров услышал жалобное, с присвистом, шиканье крыльев — пара чирков снялась с соседнего озерка и потянула низом навстречу солнцу. Птицы растворились в лучах, казались светящимися пятнами, и Лешка выстрелил почти наугад. Когда проморгался, смахивая выступившие от напряжения слезы, чирков уже не было.

Чертова крыса! Был бы еще патрон, всадил бы в облезлую гадину, чтобы размазалась по дну. Но стрелять больше нечем, поэтому закинул ружье на плечо и пошел напрямую, по топким местам, на дым костра.

Тюхнин и Гилевич пыхтели «Беломором» и поплевывали в огонь. Гришка снисходительной улыбкой отпраздновал промахи дружка, принялся подгребать жар толстой веткой. Костер постреливал, отбрасывая красные искры. В центре его лежал большой ком глины, которой была обмазана утка. Лешка прислонил ружье к дереву, опустился на траву. Прямо перед глазами, колеблясь в струях нагретого воздуха, оказались мокрые между ног и на заду штаны Гришки, сидевшего на корточках. Угостившись у Гилевича папиросой, прикурил от вынутой из костра веточки и нерешительно, с заискиванием попросил:

— Вовчик, дай патрон.

— Не-а.

— Не даст, просил уже, — подтвердил Тюхнин.

Алексей раздраженно сплюнул и уставился на огонь. От костра шел дразнящий аромат мяса. Чтобы перебить его, заглушить голод, курили почти без перерыва, до тошноты. Где-то на лугу призывно крякнуло, но никто даже не посмотрел в ту сторону. Они таращились на комок глины, нехотя перекидывались ничего не значащими фразами и часто сплевывали кислую от курева слюну. Это напомнило Лешке виденную ранней весной кошачью свадьбу: молодая кошечка, забравшись на дерево, жалобно мяукала, а пятеро матерых котов окружили его и смотрели на нее с вроде бы безразличными мордами. Страстное их желание выдавала потеря осторожности: подпустили человека на удар.

— Ну, чего — может, хватит? — не выдержал Лешка.

— Рано. — Тюхнин потыкал комок палкой. Обугленный конец ее крошился, упираясь в затвердевшую, потресканную, похожую на скорлупу грецкого ореха глину. — А может, и готова… А-а, спеклась уже! — не утерпел и Гришка.

Палка смела угольки с глины, вытолкала ко-

мок из костра. Глиняный панцирь отдирали с перьями и шкурой, обнажая влажное серо-красное мясо.

— Мне две ножки: я убил. — Гришка отрезал перочинным ножом с разболтанным лезвием нижнюю часть утки, разделил пополам верхнюю.

Порфиров и Гилевич, выхватывая пальцами горячее мясо из похожих на корытца обломков панциря, быстро справились со своими долями и смотрели, как ест Тюхнин. Тот жевал медленно, хрустел косточками, громко чавкал и размазывал рукой стекший на подбородок жир и слизывал его с грязных пальцев. Лешка отвернулся, потому что голод мучил сильнее, чем когда ждал. Он попросил у Вовки папиросу. Закурили. Гилевич пыхнул пару раз и, загнав папиросу в угол приоткрытого рта, прислушался.

— Чего там?

— Дятел — ответил Гилевич, выплюнув папиросу, и проверил пробор на голове, будто от этого зависела меткость.

Птица сидела на высокой сушине, темное с белыми полосками и красной головкой тельце выделялось на бледно-желтом стволе. Длинный клюв очередями сообщал о занятости дятла. За-

ряд дроби размазал красную головку по стволу, сорвал клочки сухой коры и желтое облачко трухи.

— Все, теперь можно идти домой, — произнес Тюхнин, поднимая безголовую тушку. Показал ее стрелку, сыто отрыгнул и добавил: — Поохотились на славу, гы-гы!..

Порфиров отвернулся, чтобы не видеть тщедушное тельце в жирной, грязной пятерне.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Картошка гулко рассыпалась по брезенту. Сегодня крупной привез, работали на хорошем поле. Не забыть бы перенести ее, когда подсохнет, в погреб. В загончике хрюкнула свинья, в щель протиснулся пятачок, с шумом втягивающий воздух. Тоже жрать хочет — наверное, мать не покормила. Лешка кинул свинье несколько картофелин, вышел из сарая.

Мать с Андреем на руках стояла на крыльце. Младший брат кривил беззубый рот в плаче.

— Где ты шляешься, скотина?! Сколько тебя можно ждать?!

Лешка молча зашел в дом.

— Я жду его, жду, тут еще этот — когда ты заткнешься, скотина?! — Она затрясла ребенка на руках. — Аа-а-аа-а…

Алексей зашел в кухню, сказал:

— Есть хочу.

— Картошка на печке. Сала отрежь… Аа-а-аа-а… Картошки привез?

— Да, — ответил он, нарезая желтое, с запахом истлевших тряпок сало.

— Отца нигде не видел?

Лешка видел его часа два назад, тот выходил с мужиками из магазина, несли водку и вино.

— Нет.

— Пьет, скотина: получка сегодня, — догадалась мать. — Ешь быстрей и иди ищи его, деньги забери, а то обворуют пьяного. Аа-а-аа-а… — Она пошла в спальню, слышно было, как положила Андрея в люльку.

Люлька была старой, ее сварили из железных прутьев еще для Алексея. Давно отслужив свой срок, она жалобно скулила, просясь на покой. Это повизгивали ушки, надетые на стертые наполовину крюки стоек. Стойки — дюймовые трубы, загнутые вверху вопросительным знаком, а снизу приваренные к погнутым от времени полоскам — постукивали по полу при качании. Люлька скулила и стучала, брат захлебывался в реве, сестры смеялись и кричали, но все это не мешало Лешке. Почти не пережевывая, он глотал горячие картофелины и заедал тонко нарезанным салом. Откусывал его маленькими кусочками, чтобы хватило на всю картошку. Зато хлеба можно есть от пуза. Запил полулитровой кружкой чая, заваренного в большом чайнике. Размоченные чаинки неприятно липли к зубам и небу, приходилось отковыривать ногтем. Отрезав

горбушку хлеба на дорогу, с трудом выбрался из-за стола: наломленная на поле спина болела, так бы и сидеть, наклонившись вперед, или ходить полусогнутым и не спеша.

— Ты еще здесь? — заглянула на кухню мать.

— Иду! — Алексей хлопнул входной дверью так, что Манька заскочила в будку и не полезла, как обычно, ласкаться.

Он знал, где искать отца — неподалеку от магазина, на одной из полянок поросшего деревьями холма, увенчанного памятником погибшим на войне. И не ошибся. Отец и еще трое из его бригады, развалившись на фуфайках и подставив бурые от загара лица заходящему солнцу, дружно гудели ноздрями, а рядом валялись пустые бутылки, пара банок рыбных консервов и ломти обклеванного воробьями хлеба. Интересно, деньги в брюках или в фуфайке? Из фуфайки труднее будет достать. Алексей наклонился, всунул пальцы в прорезь кармана брюк. Сквозь тонкую материю ощущалось тепло ноги. Только бы не проснулся, только бы…

От харчания рядом Лешка вздрогнул и выдернул руку. Один из мужиков перевалился на бок, завозил ногой по земле. Вроде бы спит… Теперь второй карман. Брюки с этой стороны обтяну-

лись, и ладонь пришлось просовывать снизу. Запутавшись в складках, Алексей психанул и полез не церемонясь. Пальцы уткнулись в плотный комок. Стараясь забрать все сразу, вытянул деньги. Десятки и двадцатипятки и много, значит, все. Позабыв об осторожности, Лешка шагнул к кустам. Взгляд его зацепился за лежащего на боку мужика: у того из кармана торчал уголок помятой десятки. Тихо наклониться, сжать уголок кончиками пальцев, легкий рывок — и деньги твои. А если проснется, убьет. На пару с отцом убивать будут. Вспотевшие ладони проехали вверх-вниз по собственным брюкам, правая оторвалась от них и повисла над чужими…

Оп! Спит? Спит — порядок. Три шага к кустам на затаенном дыхании и — похлестывание веток по щекам — бегом. Победный смех рвался наружу. Закричать бы, чтобы все узнали, подивились его смелости!

Мать пересчитала деньги.

— Все? — покосилась она на сына.

— Могу карманы вывернуть. — Лешка опустил в них руки, демонстрируя готовность. Две десятки — стянутая у мужика и бессрочно одолженная у отца — лежали в сарае, в укромном сухом местечке.

— Не надо. — Мать отложила из пачки двадцатипятирублевку, остальные понесла прятать. Через минуту вернулась с платком и сумкой в руках. — За Андрюшкой присмотри, пока в магазин сбегаю, — она виновато отвела глаза, — хлеба купить. Я мигом.

В люльке среди груды пеленок плакал и сучил кривыми ножками младший брат. Одной ручонкой он держался за вогнутый, захватанный до черноты прут и пытался то ли встать, то ли перевернулся на бок. Тельце ворочалось, а непропорционально большая голова будто вмерзла в подушку. Почти год ему, а не только ходить и говорить, даже голову держать не умеет. Увидев у носа погремушку, Андрюшка отпустил прут, жадно вцепился в нее, сразу же засунул в рот. Губы пиявками присосались к кольцу, морщинистое личико разгладилось. Правда, ненадолго. Обслюнявленная игрушка скатилась на грудь — несъедобная, — и опять визгливый крик, иногда перебиваемый хрипением.

— И-а-а!..

Лешка качал, качал, пока не понял, что сам заснет быстрее. Резко толкнув люльку, так, что чуть не соскочила с крючков, пошел во двор. Сестры играли возле сарая в куклы: рассаживали

на поленья перевязанные веревками кульки из тряпок.

— Верка, иди Андрюшку качай!

— Сам качай! — огрызнулась сестра.

— Я кому сказал?! Или получить хочешь?!

— Мама тебе велела. — Она нехотя и постоянно оборачиваясь шла к крыльцу. — А я не должна. — Заметив, что сестра берет ее куклу, закричала с Лешкиной интонацией: — Валька, не трогай, а то получишь!

— Я свое откачал. — Алексей подтолкнул сестру в спину.

Вера была на четыре года моложе его, родилась после возвращения отца из армии. Алексей нянчился с ней и со второй сестрой Валей, начиная с Ани разделил обязанности со старшей, а с четвертой, Оли, и вовсе отказался — хватит с него!

Андрюшка не давал заснуть, орал почти не замолкая до прихода матери. Она торопливо выложила из сумки на кухонный стол хлеб и бутылки вина, приговаривая:

— Сейчас, мой маленький, сейчас…

Пластмассовая пробка с хлопком ссунулась с горлышка, вино забулькало в стакан.

— Принеси тряпочку, — приказала мать Лешке.

Когда он вернулся, стакан был пуст, а мать быстро пережевывала хлеб. Взяв у сына лоскут пожелтевшей марли, выплюнула в нее хлеб, завязала узлом так, что образовался катышек с мякишем внутри, который облила вином.

— Сейчас, мой маленький… — приговаривала она, по-новой наполняя стакан.

Пропитанный вином катышек заполнил Андрюшкин рот, щеки округлились, задвигались.

— Ну, вот, мой хорошенький, теперь не будем плакать и заснем… Ух ты, мой крикунишка!.. Ну, вот и спим, вот и умничка! — Мать вернулась на кухню, вынула из-под хлеба кулек с дешевой карамелью. — Это Леше. На, — швырнула она на кушетку две конфеты, отложила и себе пару, а остальные отдала дочери. — А это вам, поделите поровну.

Верка схватила кулек и побежала во двор, пряча в карман штуки три конфеты, а мать опустилась на табурет у стола.

— Лешенька, иди посиди с мамой. — Она разлила остатки вина из бутылки в два стакана, попробовала карамель. — У-у, вкусная!.. Садись, сыночек, выпей с мамой, сегодня получка — можно капельку.

Алексей смотрел, как стакан в руке матери

наклонялся все больше и больше и лил бурую жидкость в приоткрытый рот, как верхний край стакана, коричневый и надбитый, закрыл темный провал на месте четырех верхних зубов, а потом красный кривой шрам, соединяющий губу с ноздрей. Пустой стакан оторвался ото рта, нижняя губа поползла вверх, придавая лицу надменность.

— Ух! Бр-р!.. А ты чего не пьешь?! Пей, сыночек, оно хоть и горькое, а все легче… — приговаривала мать и хрустела карамелью.

Алексей привычно, не морщась, опорожнил стакан. Закусывать не стал, решил припрятать конфеты на худшие времена. Спать ему перехотелось, поэтому посидел немного с матерью, а затем сказал:

— Ну, я пойду.

— Иди, сыночек, гуляй, пока молодой. — Мать подперла щеку кулаком и, медленно раскачиваясь, глядела на стену перед собой. Глаза ее увлажнились, заблестели, оживляя некрасивое, одутловатое лицо. Прядь наполовину седых волос выбилась из-под платка, прилипла к вспотевшему лбу. — Иди, мой родненький, иди…

Смотреть фильм Лешка не собирался. Они сходили с Тюхой за сигаретами, на обратном пути

заглянули в клуб, поиграли в бильярд пока их не прогнали старшие, и собрались уже идти домой, когда увидели Юлию Сергеевну. Она нерешительно постояла в дверях, подошла к сидевшему за столиком киномеханику. Звякнули деньги, Коська оторвал билет.

— Без мест, — ответил он на тихий вопрос учительницы.

— Пойдем в кино, — предложил Лешка Тюхнину.

— Не хочу.

— Я куплю билеты.

— Тогда пойдем, — сразу согласился Гришка.

Учительница стояла в проходе с завклубом, они о чем-то говорили. Завклубом засмеялась и ушла, а Юлия Сергеевна осмотрела зал, решая, где сесть. Задние ряды занимали взрослые парни и девушки, в следующем — Порфиров и Тюхнин, еще ближе к экрану — две молодые супружеские пары. Учительница села неподалеку от них.

С заднего ряда кто-то свистнул и истошно заорал:

— Коська, кинуху давай!

Вопль повторялся раза три, и, наконец, в зале потух свет. Вверху за стеной застрекотал аппарат, на белом полотнище засветились черно-белые

кадры кинохроники. В последних рядах зачиркали спички, заалели огоньки сигарет. Порфиров и Тюхнин тоже закурили. Сизый дым заклубился в луче кинопроектора. Тот же голос, что орал, теперь комментировал происходящее на экране:

— О-о! Гы-гы!.. Гля, как он целуется с тем! Гы-гы!..

Ближе к Лешке послышался убеждающий шепот:

— Ну, чего ты?! Иди, не бойся!.. Я тебе говорю: сразу согласится, она же городская, они все шлюхи!

— А если нет? — сомневался Ленчик, поселковый придурок, великовозрастный детина с вечно открытым слюнявым ртом на прыщавой морде.

— Согласится — не боись! Ты только смелее — за пазуху сразу… Ну, пойдешь или нет? А то я попробую.

— Ладно, схожу. — Ленчик под неодобрительное шиканье выбрался в проход, прошелся к экрану, вернулся к ряду, в котором сидела учительница.

— Смелее, Ленчик!

Придурок сел рядом с Юлией Сергеевной. Алексей видел, как он наклонился к ней, что-то сказал. Учительница брезгливо отшатнулась, пересела

подальше. Ленчик тоже пересел, попытался обнять. Звонкая оплеуха развеселила задние ряды.

— Чего бьешься, дура! — возмутился Ленчик.

— Это она ломается! Смелей давай!

Лешка опустил голову, обхватил ладонями подлокотники, до боли сжал, сминая сигарету и обжигая пальцы. Сзади опять заржали. Он еще больше ссутулился, будто хотел показаться самому себе моложе и меньше, чем был. Левая щека задергалась в тике.

— Так ее, Ленчик!

Раздался звук еще одной оплеухи, мимо Лешки простучали каблучки, тяжело охнула дверь. Затем прошаркали неторопливые шаги, сзади тихо пороптали, кто-то стукнул Ленчика по спине и буркнул:

— Под ноги смотри, бык!

Щека все дергалась. Алексей сдавливал ее пальцами и боялся поднять голову, иначе бешенство плеснет наружу, и он ударит придурка, не подумав о последствиях. И не справится с ним. Да и дружки Ленчику помогут: по кулаку скинутся — домой не доползешь.

Когда пришел домой, там не спали. На кухне отец сидел перед пустой бутылкой, а мать дерганой походкой сновала около стола, держа на

руках спящего Андрюшку. Значит, батя дерется. Лешка вдоль стены прокрался к хлебнице.

— …Я тебе сколько раз говорил, сука, чтоб не лазила по карманам?! Ну, отвечай! — допрашивал отец.

— А ты хотел пропить все, а мы — голодные сиди?!

— Мои деньги, что хочу, то и делаю! — Широкая ладонь хлопнула по столу так, что бутылка зашаталась. Одуревшие от выпитого глаза уставились на щербинку на горлышке и, казалось, не замечали сына, резавшего хлеб.

— Накось выкуси — его деньги! — Мать сунула под нос отцу кукиш. — А дети чьи? Не твои?.. Наплодил, так корми! Или, думаешь, твое дело только кобелиное?! А вот тебе! — Кукиш встрял в нос.

Медленно, как будто толстую свеклу тянули его из земли, высунулся Порфиров-старший из-за стола. Табуретка, поддетая ногой, отлетела к печке. Одним шагом отец оказался у выхода из кухни, перекрыв дорогу к бегству.

Лешка глянул на окно. Закрыто. Под стол? Достанет. Значит, под кушетку. Сунул отрезанный кусок хлеба в рот, чтобы освободить руки, и прилип к стене, ожидая.

Мать пятилась к печке, прикрывая голову

Андрюшкой. Удар пришелся между плоских, обвисших грудей. Они вскинулись и опали, согнутые ноги поджались к животу, задирая халат, платок съехал на глаза — мать будто собиралась крутануть сальто назад, но, начав, передумала и врезалась головой в угол, образованный стеной и полом. Андрюшка вылетел из пеленки и бултыхнулся в ведро с помоями. Грязная мыльная вода и картофельные очистки плеснулись через край. Кривые ножки судорожно постучали по дужке ведра и затихли.

Лешка, с хлебом во рту, подскочил к ведру, выхватил за ноги брата. К синюшного цвета спине прилипла желто-красная обертка от конфеты, вода обтекала бумажку, устремлялась в ложбинку над позвоночником, капала с безжизненно покачивающихся головы и рук.

— И-и-и!.. — взвизгнула мать, поднимаясь с пола, и вцепилась ногтями в щеки отца, бурые и запавшие, словно неумело натянутые на широкие скулы.

Он очумело мотал головой и отступал боком, пока не осел на кушетку. Маленькие кулаки падали на курчавую голову, мстя за побои, сегодняшние, прошлые и будущие.

— Ирод, ребенка убил!.. На тебе, на тебе, на!..

Алексей держал брата за ноги, не зная, что делать. Он легонько потряс тельце, перехватил за пояс, перевернул. Большая голова неестественно запрокинулась, точно шея была сломана, маленькие глаза пустели белками, из приоткрытого рта текла грязная жидкость. Лешка положил младенца на стол, попытался сделать искусственное дыхание, но никак не мог вспомнить, где надо надавливать на тело, поэтому давил руками живот. Андрюшкины руки покорно вминали торчащий пупок в мокрый живот и отлетали к столу.

— Дай сюда! — закончив расправу с мужем, оттолкнула мать Лешку. Она похлопала ребенка по спине, затем плеснула ему в рот остатки вина из бутылки и стакана.

Заострившееся, сине-зеленое личико скривилось, хриплый кашель одолел препону в груди, вырвался наружу, вытягивая за собой надсадный рев.

— А-а-а!.. — на одной ноте тянул младенец и казался еще живее, чем был до падения в ведро.

Алексей проглотил размякший кусок, что был за зубами, вынул ломоть изо рта, вытер мокрой ладонью губы. Удачный сегодня денек: столько раз попадал в переплеты, а так и не сподобился быть битым. Чтобы не сглазить, не стал слушать,

как мать ругает отца, ушел от греха подальше — спать.

В комнате, кроме его односпальной кровати, стояла такая же для младших сестер и двухспальная для старших. Девочки безмятежно посапывали. Алексей лег, доел в темноте хлеб, мечтая, как разделается когда-нибудь с Ленчиком: будет макать прыщавой мордой в канаву с вонючей водой. Заснуть никак не удавалось, два раза выходил в сени по нужде. Минуя кухню, видел, что родители сидят в обнимку перед постепенно допиваемой бутылкой вина, а младший брат свернулся калачиком на кушетке и прижимает ко рту светло-коричневый марлевый узелок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— ...Убийца! Изверг! Как земля носит такого выродка! — надрывалась Тюхиничиха. Голос у нее крепкий: стая ворон, что пряталась от дождя в кронах росших в конце проулка тополей, прекратила карканье-перебранку и прислушалась к чужой.

— Это у тебя выродки! — отвечала Лешкина мать.

— Убивать его надо, покуда всех на тот свет не отправил!

— Своих дави, сука толстозадая!

Зад у матери Тюхниных действительно был о-го-го: в калитку боком заходила.

— Ах, ты!.. — Дальше, как бревна из поднятого и неудачно застропленного пучка, громыхнулись матюки, отборные, подогнанные так лихо, что предыдущий стыдливо увядал при следующем.

— Пошли домой, — позвала мать Лешку, убедившись, что переругать соседку никогда не сумеет. — Рожу умой, — приказала она на кухне, — давай полью.

Набрав в кружку воды, подошла к склонившемуся над помойным ведром сыну.

— Палку-то выброси.

Лешка озадаченно посмотрел на обломок штакетины в руке, кинул к печке.

— Что, наквасили Тюхнины нос? — с усмешкой спросил отец.

— Это я им наквасил, обоим — и Ваньке, и Гришке! — дрожащим то ли от смеха, то ли от слез голосом сообщил Лешка.

— Правильно, бей их всех, не то тебя будут бить!.. А чего подрались?

— А чего они?! Я иду, а они пристали! Гришка первый ударил…

— Хлеб где? — перебила мать.

Алексей испуганно замолк, пытаясь вспомнить, куда делась авоська с хлебом.

— Там, наверно…

— Обормот, — мать небольно стукнула его по лбу и пошла на поиски.

Лешку прямо распирало от желания рассказать запомнившееся из драки, похвастаться. Запомнилось, в общем-то, самое незначительное, в основном, когда били его, но так хотелось поделиться торжеством! Не получилось: отец передумал слушать.

— Иди зови девок обедать.

Лешка не замечал, что нос горит и пощипывает,

что спина ноет, а руками больно пошевелить, он был счастлив, как никогда в жизни. Сумел! Сум ел-таки! Сколько лет ждал, сколько ночей подолгу ворочался в постели, мечтая об этой минуте. Нет, мечты были скромнее. В них он сначала разделывался с Гришкой, а потом уже с Ванькой, по отдельности. А ведь случайно все вышло, он и не ожидал, что так все кончится.

Вчера он и Гришка первыми закончили рядки. День был пасмурный, небо сочилось моросью — дождь не дождь, так что-то среднее: и с поля уйти нельзя, и работать. Перепаханная земля с жадностью всасывала сапоги и с болью чавкала, отпуская их; картофелины выскальзывали из рук, норовили поглубже спрятаться в липкое месиво; одежда промокла — бочку воды можно выжать.

— Пошли костер распалим, погреемся, — предложил Лешка.

Тюха убедился, что учителя в другом конце поля, возле отстающих, согласился.

— Пошли. И картошки напечем.

Огонь с трудом справлялся с сырым валежником, недовольно шипел и жутко дымил. Дым зависал под нижними ветками деревьев, ел глаза. Лешка грел красные и непослушные от холода руки над костром и время от времени сдувал с

кончика носа капли, сбегающие со лба.

Вскоре к ним присоединился Гилевич, угостил стянутыми у отца папиросами. Гилевич-старший набирал их сразу пачек по сто, а Вовка умело вскрывал их и забирал из каждой по паре папирос, боясь стянуть сразу пачку, потому что отец, вернувшись из Белоруссии, пересчитывает, память у него что надо, а рука тяжелая.

— Ив этом году не успеют убрать, — сказал Вовка, садясь на перевернутое вверх дном ведро. — Поле только начали, а с той стороны дороги второе, пошире этого будет. Теперь дожди зарядят, погниет картошка.

— И черт с ней, кабаны поедят, — равнодушно произнес Лешка.

— Черт-то с ней, да неохота по грязи лазить. Скорей бы дождь настоящий пошел, а то третий день кисель этот.

Разговор потух, словно залитый моросью. Закурили еще по одной.

Докурив, Гришка разворошил жар, перевернул картофелины.

— С одной стороны готово. — Он подкинул в костер бересты, которая горела, испуская копоть и шевелясь, как живая.

— Мухомор идет, — сообщил Вовка, сидевший к

полю лицом, и швырнул недокуренную папиросу в огонь.

Мухомор — Игорь Андреевич, директорский сынок, преподаватель физкультуры и военного дела — решительно шагал к троице учеников. У края леса под деревом, ожидая его, горбилась в большом брезентовом плаще, накинутом поверх пальто, Юлия Сергеевна.

— Будем сидеть, пока картошка не испечется, — приказал Лешка.

Гилевич ожидающе посмотрел на Тюхнина. Тот подкидывал выпавшие из огня ветки и молчал. Тогда Вовка, будто пересаживаясь, отодвинулся дальше от костра, но не ушел.

— Чего сидите?! Картошку кто будет собирать?? — Игорь Андреевич снял фуражку, запустил пятерню в волосы, приглаживая их. Редкие и мягкие, они не желали быть зачесанными кверху, сползали на лоб, на глаза. И сейчас непослушная прядь, придавленная фуражкой, топорщилась между бровей.

— Погреемся и пойдем, — спокойно ответил Лешка.

— Да?! А ну, быстро на поле! — На бледном носатом лице учителя зарябили красные пятна. — Я кому сказал?!

Гилевич схватил ведро и, забирая чуть вбок, чтобы не проходить мимо учительницы, торопливо засеменил на поле.

— А вам что — особое приглашение?! — Учитель раскидал ногой костер, растоптал картофелины. Они вывернули белые рассыпчатые сердцевины, вкусно запахло.

Поняв, что жратвы не будет, Тюхнин лениво поднялся, так же лениво обогнул на порядочном расстоянии Игоря Андреевича, но направился прямо на Юлию Сергеевну.

— А ну, пошел! — Учитель за шиворот приподнял Лешку, ударил коленом под зад.

— Ну, ты?! — огрызнулся Алексей. Увернувшись от следующего удара, прошипел: — Мухоморище!.. — и тихо матюкнулся.

Игорь Андреевич сделал вид, что не слышал оскорбления, увлеченно затоптался на головешках и картошке.

— Пока каждый не соберет сто двадцать ведер, никто с поля не уйдет!

Мимо учительницы Алексей прошел со склоненной головой, боясь увидеть на ее губах насмешку. Заметил лишь черные, не по ноге большие сапоги, облепленные жирной темно-коричневой грязью. Еще уловил еле слышный,

дурманящий запах незнакомых духов.

Юлия Сергеевна была свидетельницей его позора, значит, кто-нибудь должен был заплатить за это. Ближе всех оказался Тюхнин. Он, отмахивая руками, чертил лыжню на перепаханном поле, выбирая рядок. Красные уши Гришки наполовину спрятались за воротник фуфайки, а воротник прятался за складкой, которая вспучивалась на сутулой спине. Лешка целил в эту складку, но Гришка, почувствовав опасность, шагнул чуть шире, и ведро ударило ниже лопаток и вскользь.

— Ты что?! — отпрянув в сторону и затравленно поглядывая, произнес Тюхнин.

Лешка ждал сопротивления, хотя бы намека на него, чтобы заехать ведром по толстой морде. Тюха понял и трусливо попятился.

— Ну, чего ты?!

— Предатель! — процедил Лешка сквозь зубы и пошел занимать рядок.

Он выковыривал негнущимися пальцами клубни из холодной и липкой жижи и думал о грозящем возмездии. Гришка — это ерунда, с ним справиться — что два пальца обмочить, но есть еще Ванька, старший из братьев Тюхниных. Он родился на год раньше Лешки и успел вымахать на голову длиннее, был рыжим и худым, с кост-

лявым вытянутым лицом, совсем непохожим на братьев и сестер, единственный пошел в отца, а не в мать. Учился он в ПТУ в райцентре и на выходные приезжал домой. Лешка давненько не дрался с братьями, терпеливо сносил тычки от старшего и первенство младшего в классе. А теперь вот сорвался. То-то ему будет от Тюх. Тревога настолько заполнила голову, что забыл прихватить картошки домой.

Весь вечер Алексей провалялся в кровати, прикидывая, как лучше помириться с братьями, чтобы и не унижаться сильно, но и не получить по соплям, не собирался и в воскресенье выходить из дому, да мать погнала в магазин. Туда проскочил благополучно, а на обратном пути, свернув в переулок, заметил Тюхниных. Братья стояли у калитки, ждали. Увидев Порфирова, Ванька выкинул окурок и вытянул левую руку из кармана. Будет драка. Ожидание ее было тяжелее боли, но все равно шел укорачивая шаги, надеясь оттянуть драку, на чудо, которое поможет избежать ее. Попросит прощения, сигарет даст пачку — глядишь, передумают. Ну, двинет Гришка разок — нельзя же без ответа оставить удар ведром, — лишь бы Ванька не полез. В метре от братьев остановился, на всякий случай прикрыл живот

авоськой с хлебом. Если разговорит их, собьет драчливый пыл и не ляпнет ничего лишнего, то, может, и обойдется, проскочит между битых.

Гришка опередил — как бы продолжил диалог на поле:

— Так ты бить, да?! А на тебе!

Больше всего не любил Лешка, когда били по носу. Кровь начинает хлестать — размазывать и сплевывать не успеешь, а боль острая, иглой пронизывающая от темени до пяток. Зато у этой боли был плюс: мгновенно превращала страх в бешенство. Гришка кувырнулся от первого же удара. Ванька стоял дольше, махал мосластыми руками, а после того, как получил авоськой по голове и свалился, скреб ими мокрые доски тротуара, пытаясь встать. Не получилось: носок Лешкиного сапога врезался в провал открытого рта раз, другой, заполнив глиной ржавого цвета, а потом пятнал ею костлявую морду, где попадет.

Бешенство уже отпускало, когда Лешкину спину обожгло так, что аж дыхалку забило. Гришка лупил штакетиной, только что оторванной от забора, с согнутым гвоздем на треть ниже фигурной головки. Целил гвоздем в глаз. Алексей не помнил, как штакетина оказалась у него. На Тюхнйно счастье гвоздь теперь был почти у рук

и сломалась штакетина слишком быстро. Тут еще мать Тюхниных выскочила и начала вопить. Хорошо, что Лешкина мать услышала и вышла на крыльцо на подмогу.

Победа — это здорово, но если о ней не знают приятели, уменьшается вдвое, а может, и в трое. Лешке не терпелось похвастаться перед одноклассниками, однако сделать это удалось не скоро: после обеда дождь полил как из крана и не унимался несколько дней. В среду колхоз махнул рукой на картошку, и с четверга начались занятия в школе. Алексей опоздал на первый урок, поэтому о победе рассказал Гилевичу на переменке.

— А Гришка говорил, что это они тебе вломили, — возразил Вовка.

— Как они?! — не мог прийти в себя от удивления Лешка. — А почему же у него вся морда в синяках? Об меня набил, что ли?

Переменка закончилась, в класс зашли ученики и Гришка с ними. Он будто не замечал Порфирова.

— Так кто кого побил в воскресенье, а, боров? — подступал Алексей к врагу.

Гришка сопел, вдавливая голову все глубже в плечи, и, как бы поправляя волосы над ухом,

прикрывал ее рукой от удара. Глаза его с надеждой косились на дверь. И таки вымолил у судьбы отсрочку — в класс вошла учительница.

— На переменке пойдем за школу, — пообещал Лешка, согнав с Тюхниной физиономии улыбку. Пусть целый урок сидит и колотится от страха, побудет в той шкуре, в какой по его вине частенько доводилось бывать Порфирову.

Юлия Сергеевна, стройная и глазастая, самоуверенная и немного насмешливая, поздоровалась с учениками и забавно поморщила носик на разбойно-крикливое ответное приветствие. Как она была непохожа на поселковых женщин! Алексей боялся на нее глянуть. Ему чудилось, что в классе их двое — он и она, и Юлия Сергеевна все время смотрит на него, стоит ему поднять глаза, как встретится с ее взглядом, теплая волна пробежит по Лешкиному телу, отдастся щемлением в нижней части живота, и будет стыдно и счастливо.

— Порфиров!

Он вздрогнул и быстро встал.

— Читай дальше… Слушать надо. Сначала читай.

Он посмотрел в непонятно когда открытый учебник, на темные полоски иностранных слов и чувствовал, как уши наливаются кровью.

— Ну, почему не читаешь? Текст на двенадцатой странице… Садись… Тюхнин, читай.

— Я тоже не умею, — ответил, не поднимаясь, Гришка.

— Читай, как умеешь.

— А я никак не умею.

Учительница тяжело вздохнула, поморщила носик, спросила у сидящего перед Тюхой Гилевича:

— А ты умеешь?

— Да! — Вовка быстро затарабанил, почти не глядя в учебник.

На передних партах прыснули. Лешка подумал, что так же, если не дольше, смеялись бы и над ним. Ну, Тюха!..

Шел дождь, но за школой собрались все мальчишки-восьмиклассники и несколько человек из других классов. Покуривая прикрытые ладонями сигареты, ждали поединка.

— Ну, так кто кому дал в воскресенье? — повторил вопрос Порфиров.

Тюхнин смотрел по-бычьи, из-под лба, глаза бегали по сторонам, точно предстояло драться со всеми и выбирал, с кого начать. И от этого трусливого ничтожества Лешке приходилось столько терпеть! На — получи за все!

Тюха сломался быстро. Спрятав разбитую морду в ладони, замер, не сопротивляясь. Кровь из разбитой губы стекала на подбородок, а оттуда — на бледно-голубую рубашку. Вдруг Гришка развернулся и побежал. Метрах в десяти остановился и крикнул совсем по-детски:

— А вот и не догонишь!

Дружный хохот был ответом на предложение погоняться. Гришка сник и, размазывая по мокрому лицу кровь, побрел через кусты к дыре в заборе.

Порфиров с непонятной тоской смотрел ему вслед. Казалось, теряет что-то дорогое, нужное, но что — не мог понять.

— Молодец, Леха! — хлопнул его по плечу Гилевич.

— Ну?! — зло скинул его руку Алексей. Презрительно сплюнув, он прошел между расступившимися школьниками. Все они когда-то лебезили перед Тюхой, а теперь поздравляют победителя и со злорадством смотрят вслед бывшему тирану и его, Лешки, бывшему другу. Так и хотелось вернуться и бить их, бить…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В последний день четверти шел снег. Алексей сидел перед осколком зеркала, установленным на подоконнике, пытался уложить мокрые после бани волосы в мужскую прическу, а то кудри, как у девки, хоть налысо стригись.

Во дворе залаяла Манька.

— Мам, тетка Галька идет.

— Какая? — спросила из соседней комнаты мать.

— Смирниха.

— Приехала, никак? — Мать пошла встречать гостью.

Галина Степановна, мать Светки Смирновой, полная рыжеволосая женщина, заполнила дом высоким громким голосом.

— Привет, подруга! Ну, как поживаешь?.. Да, на праздники приехала. Решила, вот, тебя навестить… А это Лешка? Ты смотри, какой вымахал! И не узнаешь!.. Ну, как учишься? Небось одни двойки?

— Эту четверть хорошо закончил, учительница похвалила, — похвасталась за него мать.

— Моя тоже хорошо учится, отличница. А

растет! Приеду в следующий раз, а она уже замужем! — с довольной улыбкой произнесла Смирнова и вытянула из кармана иностранной куртки бутылку водки.

Глаза матери радостно заблестели.

— Сейчас я грибков маринованных наберу, сальца нарежу… — заметалась она.

— Да сядь, поговорим сначала, водка никуда от нас не денется.

— А чего там, за столом и поговорим… Порфиров! — позвала она мужа.

Налила и Алексею. Пил как воду — привык уже. А потом отламывал маленькие кусочки хлеба, долго мял пальцами и проглатывал шершавые шарики, слушая разговор старших.

Мать, выпив, оживилась.

— Ой, Галь, ты прям вылитая Алла Пугачева!

Смирнова благосклонно улыбнулась и кивнула головой, подражая певице.

— Представляешь, захожу в райцентре в ресторан, заказываю покушать, сто грамм коньяка, жду. Смотрю, вся кухня вывалила, уставилась на меня. Официантка принесла заказ и спрашивает: «Извините, вы не Алла Борисовна?» Не хватало, чтобы Аллочка по таким забегаловкам ходила! За кого они принимают ее?! — наигранно возму-

щалась Смирнова, чисто по-женски, основываясь только на схожести рыжих шевелюр и одинаковом количестве лишних килограммов, помогала известной певице нести бремя популярности. — То же мне, ресторан! Вот в Германии!.. — Она после развода с мужем работала три года вольнонаемной, парикмахером, в группе советских войск в ГДР и любила при каждом удобном и неудобном случае напомнить об этом.

Лешка с интересом слушал о незнакомой, недосягаемой заграница, о речных пароходах, на которых сейчас работала Светкина мать, о Черном море, куда после профилактического ремонта отправится ее судно, о мужиках из экипажа, от которых отбоя нет. Он выпил полрюмки, выделенные отцом, и мечтал о других городах и странах, о том, как когда-нибудь побывает там.

— Ну, а вы чего молчите? Рассказывайте, как живете! — закончила Галина Степановна.

— А что мы? — грустно ответила мать. — Живем — и все.

— Райкин мужик завтра работает, не знаешь? — спросила вдруг Смирнова.

Райка, младшая сестра матери, работала фельдшером в леспромхозе, а ее муж — электриком.

— Не знаешь, отец? — переадресовала мать

вопрос.

— Вроде с утра должен дежурить.

— А зачем он тебе?

— Да так… починить кое-что надо…

Зачем она спрашивала о муже тетки Райки — Алексей узнал на следующий день. С утра опять валил мокрый снег, и, чтобы не сидеть дома, Лешка пошел к родне посмотреть телевизор. Пор-фировский телевизор не работал уже месяца три, надо было везти в райцентр, чтобы поменяли кинескоп, но когда были деньги, не до телевизора было: каждый день такое кино в доме — хоть зрителей выноси.

Родственники жили богато: мотоцикл с коляской, цветной телевизор, новая полированная мебель во всех комнатах, ковры на стенах, хрусталь в серванте. И еды у них всегда было навалом и всякая, даже магазинные колбаса и сыр. Лешка старался приходить к ним в гости так, чтобы попасть за стол.

Дожидаясь обеда, он сидел перед телевизором на ковровой дорожке — так удобней. Рядом, на диване, устроились два двоюродных брата и сестра — круглолицые и розовощекие, как молочные поросята. Старший из братьев, пятиклассник Сергей, в последнее время часто прибегал к Леш-

киной защите, а за это всячески старался угодить. Он выпросил у матери конфет для двоюродного брата, показал новую игру, подаренную ему на день рождения, и постоянно тараторил, объясняя происходящее на экране, будто Лешка сам не понимал.

В сенях послышался знакомый голос. Светкина мать заглянула в комнату, поздоровалась с детьми и ушла с хозяйкой на кухню. Алексей обратил внимание, что у Смирнихи заискивающее выражение лица, она все время теребила носовой платочек, как делает и Светка перед контрольной или сочинением. Вскоре тетка Райка вернулась в комнату и достала из тумбочки, набитой лекарствами, две металлические коробки, в которых позвякивали инструменты, потом еще раз пришла за ватой и пузырьками с какой-то жидкостью. Слышно было, как хлопком закрыли дверь на кухню.

Сергей почему-то перестал болтать, завертел головой, наблюдая за матерью, к чему-то прислушался, когда она заперлась с гостьей. В глазах его появился необычный огонек. Двоюродный брат пересел на пол, шепотом предложил Алексею:

— Пойдем в игру поиграем.

— Сейчас, досмотрим.

— Пойдем, не пожалеешь, — выдохнул ему на ухо Сергей.

Лешка нехотя последовал за братом в соседнюю комнату. Игра была слишком детской, о чем и было сказано хозяину.

— Подожди, я тебе такое покажу-у! — многозначительно потянул Сергей.

В комнату заглянула сестра, и он принялся объяснять правила игры. Лешка слушал вполуха, но изображал повышенное внимание, поняв, что сестра пришла шпионить. Когда она вернулась к телевизору, Сергей прошептал:

— Иди за мной, но тихо-тихо!

Выкрашенная белой краской дверь имела в верхней половине две стеклянные вставки, закрытые изнутри цветастыми занавесками. У планки, разделявшей стекла, где сходились занавески, внизу образовались узкие треугольные щели. Через правую Лешка увидел широкую спину склонившейся над столом тетки Райки.

— Шире, — произнесла она.

И тут Алексей заметил, как сбоку от тетки шевельнулась нога, согнутая в колене, отклонилась в сторону, открывая толстое белое бедро. Тетка наклонялась и выпрямлялась, бедро открывалось больше или меньше, несколько раз видны

были светло-рыжие курчавые волосики. Глухой стон заставил Лешку перевести взгляд Дальше. Сперва подумал, что рот завязан полотенцем, но потом разглядел, что полотенце было вставлено, как кляп, и придерживалось рукой Смирнихи. Концы его иногда дергались. Тетка Райка отошла в сторону — и Лешка увидел все.

Кончик его языка медленно перемещался по верхней пересохшей губе, потом спрятался, сдавленный губами, и помог протолкнуть в глотку свербящий комок воздуха. Рядом хрипло дышал двоюродный брат.

— Ага, а я расскажу маме!.. — послышался сзади шепот.

Лешка вздрогнул, обернулся. Двоюродная сестра улыбалась ехидно: дотронешься — закричит. Сережка расплющил указательным пальцем нос и губы, умоляя молчать.

— Тихо! — шептал он, увлекая сестру за собой. — Что я тебе дам!.. У тебя такого никогда не было!

— Что дашь? — упиралась сестра.

— Ну…

Алексей не дослушал, сколько стоит молчание, вернулся к телевизору. На экране мелькало что-то, играла музыка, младший из братьев чему-то

смеялся, размахивая ручонками, а Алексей видел и слышал совсем другое. В ушах стояло приглушенное мычание, а перед глазами вспыхивали розовые клочки ваты и слипшиеся от крови волоски, подрагивающий живот и холодная сталь медицинских инструментов. Тут еще сестра, одетая в короткое платьице, вернулась на диван и начала баловаться шариками от подшипника, катая их по натянутому подолу, и стоило повернуть голову чуть влево, как видны были голубенькие трусики с двумя складками внизу.

Шумно отворилась кухонная дверь, осторожные шаги добрались до соседней комнаты, скрипнула кровать.

— Сейчас чаю принесу, — послышался голос тетки Райки.

Вскоре она принесла чай, зазвенела ложечкой в чашке. Тетка прошла позади Лешки к серванту, сунула деньги в кувшинчик, стоявший в дальнем углу на верхней полке. Алексею казалось, что тетка все знает и смотрит на него с укоризненно-гадливой ухмылкой, решает, выгнать ли пинком под зад или потыкать носом, как нашкодившего щенка. Не поднимая головы, он встал с дорожки и пробормотал невнятно, будто со словами выползал свербящий комок, проглоченный у двери:

— Пойду я.

— Обедать не останешься?

— Нет.

— Как хочешь, — буднично произнесла тетка Райка. — Да, матери напомни, чтоб долг занесла.

— Напомню, — справившись с отвращением, сказал Лешка.

Проходя через соседнюю комнату, увидел лежащую на кровати Смирниху. В одной руке чашка, в другой платочек, которым терлись красные, постаревшие глаза. Ноги немного раздвинуты, ниже колен покрыты волосиками того же цвета, что и там, на ногтях облезлый педикюр.

Зато на улице Алексей не видел никого и ничего. Под ногами вдавливался грязный снег, стельки промокли, он шел не разбирая дороги.

— Леха, чего не здороваешься? — послышалось сзади.

— Привет, — буркнул, не оборачиваясь.

Очнулся у почты. Там, на остановке, урчал старый, с облупившейся краской, желтый автобус, приезжающий три раза в день из райцентра. У передней двери, оперев о ступеньку большую сумку, стояла Юлия Сергеевна, разговаривала со Светкиной бабкой, а внучка шагах в трех от них делала вид, что не подслушивает. Она заметила

Лешку, проследила, на кого он смотрит. Пусть знает, лишь бы учительница не догадалась.

Юлия Сергеевна неуклюже забралась в автобус, заняла место у заляпанного грязью окна. Голова в берете замерла в рамке из темно-желтого металла, напоминая плохо проявленную фотографию. Вот учительница повернулась, посмотрела сквозь Порфирова, маленький носик поморщился и затемнился отраженными деревьями. Алексей взглядом проводил автобус до поворота, пошагал домой.

— Леш, помоги Свете, — попросила бабка.

Алексей забрал у одноклассницы набитую продуктами сумку, пошел медленнее, чтобы не обгонять женщин.

— Поехала ваша учительница к родителям на праздники. Тоже надо: с вами ой как намучаешься! — сообщила бабка. — Хорошая она у вас, культурная и красивая.

— Никакая она не красивая, — обиженно возразила Светка. — И синяк под глазом.

— Это поленом стукнуло, когда дрова рубила. Нет бы прийти помочь! Пять мужиков в классе, а ни один не додумался…

Порфиров невнимательно слушал ее ворчание. Значит, он не увидит учительницы до конца

каникул — целую неделю!

— Ишь, воронье на шабаш потянулось, полицаи проклятые! — прошипела бабка.

Во двор Гилевичей, к которому они приближались, зашли дед и бабка Яцюки.

— Отпустили иуду! — продолжала бабка. — Опознал его кто-то в Белоруссии, сообщил куда надо, что этот холуй фашистский вытворял. То-то он столько лет туда не ездил, боялся, выродок!

Дед и баба Смирновы были в войну под немцами. Деревню их сожгли при отступлении, и они перебрались сюда. А вскоре в поселок пригнали немецких пособников с семьями. Первые годы Смирновы даже не здоровались с ними, время притупило ненависть, однако не вытравило полностью, поэтому Светкина бабка ругалась, пока не дошла до калитки своего дома.

— Зайдешь, Леш, чайку попить?

Алексей вспомнил чайную чашку и постаревшие глаза над ней.

— Не хочу.

Не стал есть и дома: не мог сесть за кухонный стол. И на мать не мог смотреть.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Свист за окном оторвал Алексея от работы. Ладно, подождут лыжи до настоящего снега, все-таки сегодня праздник — Седьмое ноября. У калитки поджидали братья Тюхнины. Они уже свыклись с Лешкиным верховодством, а он зла не помнил.

— Пошли смотреть деда Гилевича, — предложил Гришка.

Во дворе Гилевичей собака была закрыта в будке, а на крыльце чернела крышка гроба. В комнатах пахло сосной и ладаном, большое зеркало было завешано одеялом. Возле гроба сидели женщины в черном, кто-то — Лешка никак не мог разглядеть боковым зрением кто, а повернуть голову не хватало сил, — расхаживал туда-сюда. В углу шептались две старухи, и звук был такой, будто мыши в соломе возятся. Алексей смотрел на белое с красной вышивкой полотенце, закрывающее голову покойника. Создавалось впечатление, что лежит набитый тряпками костюм. И руки не человеческие — восковые, точно без мяса внутри. В комнату зашли еще две старухи, потеснили Алексея.

— Пошли глянем, где он… — позвал шепотом

Гришка.

Алексей с трудом оторвал взгляд от полотенца и, сдерживая дурноту, быстро вышел из дома. Гришка повел в сарай. Внутри было тепло и сухо, пахло куриным пометом. На одной из стен светлело пятно.

— Здесь, — показал на него Тюха-старший. — Видишь — замывали кровь.

Лешка преодолел страх и дотронулся до стены. Шершавые бревна заскользили под кончиками пальцев. Пальцы задержались на колючих ямах, соскочили в углубление — след от вырванной щепки, более светлый, чем пятно, и с бороздкой поперек.

— Картечь. Волчья, — объяснил Гришка. — Из того ружья, что мы стреляли.

В сарай заглянула крысиная, шмыгающая физиономия Димки Титова, пятиклассника, соседа по проулку.

— Пшел отсюда? — шуганул его Лешка и выбрался из сарая.

— Матерь божья, царица небесная... — продребезжала рядом старушка, и Алексей увидел, как коричневая морщинистая рука описала у остренького подбородка незамкнувшийся треугольник.

Захотелось уйти подальше отсюда, избавиться от любимого, а теперь раздражающего запаха сосны.

— Айда в клуб, — предложил Алексей.

— Слышал, учительница утром вернулась? — спросил Гришка. — Уехать не смогла, билетов на поезд не было.

— Знаю.

Поэтому и шел в клуб, поэтому и болтался там до вечера и смотрел фильм, хотя знал, что ерундовый, поэтому и от братьев оторвался, выходя из зала, и пошел по ночным улицам в противоположном от дома направлении. И таки встретил.

Он уже возвращался, когда увидел на другой стороне улицы бредущую, пошатываясь, женщину, и не сразу поверил, что это Юлия Сергеевна. Она держала берет в руке, неуверенно ступала по дощатой мостовой, иногда останавливалась, придерживаясь за забор или дерево… Лешка шел сзади по своей стороне, готовый прийти на помощь.

Учительница прижалась к дереву. Постояла так, качнулась и чуть не упала. Лешка рванулся к ней по грязи, но на полпути остановился. От дерева слышались хрипение и ляпающие звуки, похожие на падение лепешек из-под коровьего

хвоста. Послышались плевки и злобное:

— Swine! Scoundrels? — Затем русский вариант: — Скоты! Быдло!

Алексей замер посреди дороги, глядя в ту сторону, куда побрела шатающаяся учительница. Стоял, пока не замерз.

На похоронах и поминках учительницы не было. Алексей посидел с мужиками в конце стола, хлебнул самогонки и отведал кутьи. Кутья была слишком сладкая — меду не пожалели, поэтому насытился быстро и уже без охоты, потому что не мог не есть, когда все за обе щеки уплетают, обглодал куриную ножку. И все время думал об учительнице. То было ночью, в темноте, а при свете Юлия Сергеевна не такая, не может быть такой. Надо увидеть ее и убедиться в этом.

Оставив Тюхниных за столом, Алексей пошел в клуб. Бильярд был занят. Лешка понаблюдал за желтыми шарами с черными колечками и цифрами, послушал щелканье киев и обычные маты при промахах. В фойе на подоконнике сидели десятиклассницы, весело хохотали, слушая Федьку Крикунова, верзилу с непропорционально длинными руками, и бросали призывные взгляды на Мишку Кузина. Мишка неделю назад вернулся из армии, еще не снял форму и время от

времени косился на погоны на плечах и значки на груди. Коська закончил продавать билеты, контролер бабка Пашка закрыла за собой дверь в кинозал. Сейчас принесут магнитофон, в фойе начнутся танцы. Лешка пошатался по комнатам, понаблюдал за танцующими, пошел в туалет, расположенный за клубом.

На обратном пути, когда проходили мимо лестницы, ведущей в будку киномеханика, увидел, как наверху открылась дверь. На площадку вывалился Вовка Жук и окликнул:

— Эй, закурить есть?

— Есть.

— Иди сюда, — пригласил-приказал Жук.

В облепленной афишами комнате стрекотала киноустановка. За узким столом сидели Коська и Петька Базулевич, молчаливый неповоротливый тугодум, будто собранный из геометрических фигур — параллелепипедов, цилиндров, пирамид — и ужасно волосатый, отчего напоминал обомшелый бульдозер. Даже воняло от него не сивухой, а соляркой: работал, как и Жук, водителем в леспромхозе. В центре стола выстроились бутылки с самогоном — три полные, заткнутые пробками из свернутых газет, а четвертая почти пустая. Рядом с бутылками лежал хлеб, сало и

пирожки с поминок.

— Садись, — Вовка указал на кушетку рядом с собой, — давай, что там у тебя.

Лешка положил на стол пачку «Примы». Вовка Жук закурил, навесил над бутылками плотное облако дыма. Пыхтел так заразительно, что к пачке потянулись и остальные.

— Дай еще стакан, — приказал Жук Коське. Разлив на четверых остатки из первой и вторую бутылку, предложил — Ну, глотнем по капельке, по капельке, чем поят лошадей. — Выпив, промокнул рот тыльной стороной волосатой ладони, процедил: — Х-хо-р-рош! Интересно, где она дрожжи достает?

— Олька, старшая ее, в райцентре на хлебозаводе работает, — ответил Коська, который почти не выбирался из будки, но знал все обо всех.

Жук проследил, как Лешка справился с самогонкой, поощрительно хлопнул по плечу:

— Достойная смена растет!.. В школе учишься? Какой класс?

— Восьмой, но должен в девятом, на год позже пошел.

— Молодец, аттестат зрелости получишь по заслугам! — хохотнул Жук.

— Новенькая, Юлька, тебя учит? — спросил

Коська. Дождавшись ответа, скривил по-обезьяньи мордочку, многозначительно бросил: — Что я вам сейчас расскажу!.. — Он несколько раз затянулся, интригуя слушателей, медленно выпустил дым, сплюнул с губ прилипшую табачину. — Кручу вчера семичасовой. Заходит Игорь Мухомор и ихняя, — кивнул на Лешку, — поддатые оба, с бутылкой. Сели, выпили, тары-бары. У меня тоже бутылка была, начали ее. Смотрю, Юлька поплыла, головой, как курица, клюет. Я еще подлил — потухла. Положили ее на кушетку, говорю Мухомору: «Действуй!», а сам побежал обилечивать. Возвращаюсь, смотрю, Игорь сидит сопли жует. Ну, я фильм быстренько запустил, Мухомора — к черту. Она ручонками подергала, побрыкалась — куда там, поздно уже!.. Потом говорю Мухомору: мол, давай. Вошкался он на ней, вошкался, вдруг слышу, засопел. Ну, я…

Лешка попал в подбородок, отчего Коськины челюсти лязгнули, как траки вездехода. Киномеханик, чуть не утянув за собой стол, грохнулся вместе со стулом на пол. В следующее мгновение Алексей прыжком перелетел с кушетки в угол, вжался плечами в стены и поднял кулаки, готовый драться до последнего.

— Сиди! — остановил Вовка Жук выламываю-

щегося из-за стола Базулевича. — И ты сядь! — прикрикнул на Лешку.

— Ах, ты, падла! Да я тебя… за что же он так, а?! — поглядывая на Жука ожидающим помощи взглядом, орал Коська. — Я тебе, щенок!..

— Хавальник закрой, — сказал ему Жук. — Получил — и ладно: меньше языком будешь ляпать. — Волосатая лапа сдавила бутылку, оставив на свободе только горлышко, наклонила его в стакан Коськи. — Меньше слов, больше жизни — пей!

Коська долго мял подбородок, проверяя, цела ли кость, порывался что-то сказать, злобно косил заячьи глаза на Лешку, а потом молча выпил. Пока собутыльники тянули из стаканов дымчатую жидкость, успел переварить обиду, затараторил по-новой, однако о женщинах как бы забыл, а если ненароком касался, то запинался на полуслове, ловил пугливым взглядом Лешкины кулаки и продолжал дальше.

А Лешка неожиданно для себя быстро захмелел. Он посматривал на соседа по кушетке, на широкую короткопалую руку, покрытую темными волосами и шрамами, на плечо, так распирающее пиджак, что швы расползались, на толстую бурую шею, на прижатое к голове ухо, на низкие

бакенбарды и усы подковкой, на массивный подбородок, словно разрубленный посередине. Да, Вовка Жук — мужик что надо! Сила! Петька Базулевич, вон, здоровее на вид, а слушается Вовку, боится. И Коська хороший парень, болтливый, но хороший. А учительница — дрянь! — чего о ней вспоминать?! Вот Жук…

— Прикуривай, Вов… Черт, спички падают… Нет, Вов, Коську больше не буду бить. Но если ты скажешь…

— …Приходи в гараж, шофера из тебя сделаю, — обещал Жук. — Ассом будешь!

— …В кино можешь бесплатно ходить, — лез целоваться Коська, — мы ведь теперь кореша — и все!

И ныряли со стола бутылки, и вязли в клубах дыма слова, и горечь от курева капала в стаканы. Прочь стакан! Вовка — друг!

Лешка долго не расставался с ним. Они куда-то шли, падали в подмерзшую, твердую грязь, подпирали заборы, прикуривая влажную сигарету, одну на двоих, которая все время тухла. Лешка не хотел ночевать у Жука, а тот настаивал. И все-таки отпустил домой, подарив перчатки.

— Бери, у меня еще есть… Кому сказал!.. Все равно возьмешь, в карман засуну. И смотри мне?..

Ты мне друг или портянка??

— Да, — мычал Алексей. — Вовчик, если кто, если кого…

Потом он шел один, часто втыкался руками в грязь, с трудом поднимался, чтобы снова упасть. Со слезами на глазах он доказывал темноте, что за друга — всех? А шлепнувшись, плакал, точно выполнил обещание.

Под руками хрустнул ледок, пальцы обожгло водой. Лешка зачерпнул ее двумя руками. Льдинки резали щеки, грязь затекала в рот. Отплевавшись, он размазал пригоршню жижи по лицу, чтобы остудить жар. Немного просветлевшим взглядом посмотрел по сторонам, пытаясь сообразить, где находится. Ага, вон дом учительницы. Зачем-то он был нужен… Ах. да?

Алексей завозил руками по шершавым складкам земли. Не то — слишком маленький, опять не то… вот! А вон и окно. Над занавеской виден был потолок с овалом света, падающим от ночника. Не спит? Очень хорошо? Лешка вцепился левой рукой в забор, а правой размахнулся.

По окну звонко разбежались трещины от центра к краям, посыпались осколки. Это за Мухомора? Еще бросок — разлетелось второе окно. А это за все — за все?

Свет в комнате погас. Надо бежать, а то увидит. Нет, Лешка не трус. Пусть только кто-нибудь попробует. Пусть только… Больно: земля твердая и холодная. Пора идти домой. Домой…

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«БЛЯДЬ» — полуметровыми печатными буквами было написано на доске. Юлия Сергеевна словно ударилась о притолоку и три метра до стола прошла, склонив голову. Руки учительницы мяли журнал, спина согнулась, заострила лопатками, подбородок подрагивал.

— Кто написал?

Класс тихо и тревожно дышал, ни скрипа, ни смешка.

— Что ж, если автор боится признаться… Дежурный, вытрите доску.

И только вдох и выдох, вдох и выдох.

— Неужели в классе одни трусы?

— Это я написал— Порфиров поднялся.

— На большее ты не способен. Вон из класса, — спокойно произнесла учительница.

Алексей с наигранной ленцой выбрался из-за парты. До стола пять шагов. Поднимет она голову или нет? Ну!.. А нос у нее некрасивый — будто сдавленный в переносице пальцами… Голова Юлия Сергеевны поползла вверх. И глаза некрасивые — узкие и злые.

Алексей скривил губы в презрительной улыбке

и тихо, но внятно, швырнул как заклятие в расширенные женские зрачки:

— Блядь!

Сдерживая смех, снял с вешалки фуфайку, буцнул ногой дверь. Все — рассчитался!

Дверь еще раз хлопнула, послышался стук каблучков в направлении директорского кабинета. Значит, выгонят из школы. Ну и черт с ними! Пусть даже сегодня выгоняют. Лешка развернулся и пошел в туалет. Возле двери на мгновение задержался. Здесь была его последняя драка в школе— драка, сделавшая его некоронованным королем этого двухэтажного здания. Он сел на подоконник, закурил. Пламя повернутой вверх спички немного не добралось до пальцев, сникло. Черно-белый, загнутый стежок полетел в унитаз.

Лешка знал, что рано или поздно эта драка должна была состояться. После его победы над братьями Тюхниными старшеклассники перестали цепляться к Порфирову и посматривали настороженно, а он прикидывал силенки каждого из них, понимая, что завис в неопределенном положении: неясно было, какое место он занимает в табели о силе среди учеников. Тут еще начал позволять себе больше, чем раньше, во что-то это должно было вылиться рано или поздно.

Вылилось хорошо для Порфирова и по самому короткому варианту. Он тогда потянулся к ручке, но дверь распахнулась от удара ногой изнутри и больно стукнула Лешку по пальцам. Даже не успев сообразить, кто перед ним, врезал на вспышке ярости. Десятиклассник Федька Крикунов, первый силач школы, прилип от удара к стене. Лешка испуганно замер. А-а, терять уже нечего! С левой, с правой — и Крикунов осел на корточки и закрыл голову руками.

— Хватит!

Порфиров тоже решил, что хватит, и зашел в туалет, где в проходе испуганно расступилась малышня.

Теперь он привык к шараханию учеников, когда шел по коридорам. Сначала это тешило, потом вызывало презрение: трусы! Иногда презрение выплескивалось в непосильный толчок в грудь или щелчок в лоб зазевавшемуся. И жертвы молча сносили.

Открылась дверь в туалет. Алексей по привычке дернулся спрятать сигарету в ладонь, но сдержался.

— Пошли со мной! — рявкнул Мухомор.

Почему бы не сходить? Порфиров ввалился вслед за преподавателем в узкий кабинет при

спортзале. Алексею приходилось бывать здесь раньше. Игорь Андреевич часто приглашал сюда самых резвых учеников для «воспитательной работы». «Воспитывал» со знанием дела — без синяков. Вот и сейчас он выдвинул ящик стола, вынул оттуда кожаные перчатки. Медленно, подергав каждым пальцем, надел одну. Лешка достал из кармана Вовкин подарок и, так же подергав пальцами, натянул перчатку.

— Ты чего?! — Мухоморская рука в перчатке замерла у длинного носа, будто защищая его от Лешки.

— А ты?

Красные пятна покрыли лицо и шею учителя.

— Твои выходки надоели всем! — Игорь Андреевич стянул перчатку, швырнул в стол. — Как ты посмел оскорбить учительницу?!

— А ты?

— Вон отсюда! Из школы вылетишь!

— Ну и ладно.

— Я с тобой поговорю в другом месте!

— Поговорим, — согласился Лешка. — Я тебе, Мухоморище, с огромным удовольствием наквашу харю! — Он неторопливо вышел.

— Ты!.. Ты!.. — слышалось сзади.

Он шел по гулкому спортзалу и ждал нападе-

ния. Не дождался и, выходя из спортзала, громко захохотал: все, даже учителя, боятся его!

Алексей бродил по центральной улице, всматриваясь в проезжающие автомобили. Темно-красный КамАЗ с желтым пятном грузовика у левой фары не повстречался ему. Чтобы без толку не маячить, пошел в клуб.

Коська копался в разобранной киноустановке. От нее воняло горелыми проводами, а от него — немытым телом и бражкой. Физиономия у Коськи была такая же помятая, как одежда на нем, а одежду будто корова пожевала.

— Деньги есть? — без надежды спросил киномеханик подрагивающим голосом.

Алексей достал из кармана пятерку, стянутую у отца в последнюю получку.

— Ну, Леха, ну!.. — Коська схватил деньги. — Спас, братуха! — и загрохотал по лестнице, крикнув снизу: — Посиди там!

Две большие бутылки вина сдружили их окончательно. Коська поддержал Лешкино решение бросить школу и предложил устраиваться учеником к нему. И сразу дал практический урок — заставил помогать в ремонте киноустановки. Коська давал указания, брызгая слюной, а Лешка долбил отверткой, пока не сломал еще что-то.

Тогда Коська махнул на аппарат рукой.

— Огнем пусть горит, ящик чертов! Не установка, а сенокосилка, все ленты порвала! — Он смачно зевнул. — Ой, спать хочу!.. Покемарим, Леха?

Лешку тоже разморило — то ли от вина, то ли от встряски в школе.

— Давай, — согласился он.

Они завалились на кушетку и заснули в обнимку, как братья. Разбудила их завклубом. Она стояла в дверях на фоне вечернего неба и из маленького ротика, краснеющего на ухоженном лице, вылетали совсем неухоженные слова:

— Коська, мать твою!.. Ты кино думаешь крутить?!.. Отсыпаешься, боров… а там народ ждет!..

Коська долго мотал головой и тер глаза, будто хотел навести резкость, чтобы лучше рассмотреть, кто перед ним стоит и лается. Вроде бы сумел и начал утвердительно кивать головой, отмечая кивком конец фраз, а при матах еще и правое ухо выставлял, наверное, чтобы оценить ругательство по достоинству. Когда завклуба на секунду замолкла, захлебнувшись трехэтажным прилагательным к слову «мать», Коська с дурным смехом ляпнул:

— Кина не будет: кинщик заболел! Ха-ха!..

— Как не будет?! Ах, ты!.. — Ах, ты!.. — Наругавшись досыта, объявила — Все, Коська, надоел ты мне! Пиши заявление — и катись к!..

Она хлопнула дверью и по железной лестнице покатились звуки спотыкающихся шагов.

— Выгонит, — посочувствовал Лешка.

— Не-а, — Коська лениво потянулся. — Она меня каждый месяц выгоняет. А кто кино будет крутить?.. То-то! — многозначительно помахал он указательным пальцем. — Ладно, ты иди, а я еще чуток харю подавлю, — бухнулся он на кушетку.

Домой Лешка пошел голодный и злой. Не успел разуться и снять фуфайку, как нарвался на ругань матери.

— Что, допросился, скотина, — из школы выгоняют?! Так тебе и надо! Живи дурак дураком!.. Что киваешь?!.. Я кому говорю?!

— Да иди ты! — огрызнулся Лешка, заходя на кухню.

— Ах ты, паскуда! — Мать ударила его мокрым полотенцем.

— Ну?! — оттолкнул ее Лешка.

Мать удивленно, по-рыбьи, захлопала губами и визгливым, скрипучим, точно несмазанным голосом крикнула отца.

Он зашел в кухню, вопросительно глянул на жену.

— Меня бьет! На родную мать руку поднял!

Отец без слов ударил.

В Лешкиных глазах так сверкнуло, будто в темноте с разлету налетел на столб. И сразу шибануло в голову бешенство. Он не соображал, что делает, когда почувствовал, как его кулак ткнулся во что-то твердое. Оказалось, в отцову скулу. А дальше все завертелось, словно катился с высокой горы. Запомнил только соленый привкус во рту, сладкий запах пота, своего и батиного, звон бьющейся посуды, упавшей с перевернутого стола, испуганные глаза матери и трясущееся, точно в ознобе, тельце Верки, которую чуть не сбил, когда выбегал из дома.

Очухался в лесу. Прислонившись лбом к холодному дереву, отдышался и прислушался. Погони не было. Лешка тяжело осел на твердую, чуть припорошенную снегом землю. В голове гудело протяжно и надрывно, как вентилятор в леспромхозовском гараже, стоило наклонить ее, как к горлу подскакивала тошнота. Левый глаз казался чужим, с трудом удалось разлепить ресницы. Деревья сразу расплылись, превратились в темную, мутную стену. Придется смотреть одним

правым. Ничего, места знакомые, не заблудится, уж дорогу к Вовке Жуку как-нибудь найдет.

Смерзшаяся, комковатая земля вдавливалась в босые ноги, больно била по пальцам, когда спотыкался. Алексей обхватил плечи руками, чтобы унять дрожь, но согреться не удалось. У Светкиного дома за сараем стоял стог сена. Забор скрипнул под Лешкиной тяжестью, спружинил после прыжка. Во дворе несколько раз гавкнул Полкан. Сено стало душистым, пьянило летними запахами. Лешка забрался поглубже, расслабился. Из левого глаза все время текло: то ли кровь, то ли слезы.

Все, домой Лешка больше не вернется, будет жить у Вовки. Работать устроится в леспромхозовский гараж, а нет — уедет в райцентр. Ванька Тюхнин говорил, что в общаге место найдется, и жить можно, сколько хочешь.

Хлопнула садовая калитка, послышались шаги. Возле стога что-то поставили на землю, наверное, корзину. Рядом с Лешкиной головой выхватили охапку, и в просвет между травинками он скорее угадал, чем разглядел Светку.

— Свет, — тихо позвал он.

Смирнова вскрикнула и выронила сено.

— Не бойся, это я, Лешка.

— Ты чего там сидишь? — справившись с испугом, спросила она.

— С батей подрался… Ты это, принеси сапоги старые или калоши, а то босиком холодно идти. Я потом верну.

— А куда пойдешь?

— Не твое дело. Найду куда. Ты сапоги неси.

— Сейчас. — Она бесшумно растворилась в темноте.

Вернулась не одна.

— Вылазь, Леша, — позвала Светкина бабка, — вылазь, не бойся… Пошли в дом.

На кухне она долго осматривала его голову, аякала и тяжело вздыхала, затем набрала в миску теплой воды из выварки, стоявшей на печке, заставила умыться и вымыть ноги.

— Смалютился, дурак старый, нашел кого бить! — Она смазала чем-то пахучим и липким опухоль вокруг Лешкиного глаза. — Чуть без глаза сына не оставил!.. Ну, иди ложись.

— Не могу, мне надо…

— Никуда тебе не надо, — перебила бабка, — ложись в постель. Или кривым хочешь остаться?!.. Не бойся, родителей твоих и на порог не пущу!

Алексей проспал всю ночь и, с перерывами, почти целый день. Снилось, что убегает от ко-

го-то, большого и черного, отбивается от собаки с уродливой мордой, похожей на человеческую, хлебает грязную воду из бурного ручья, текущего после проливного дождя по дну оврага. А утром с трудом выпил чашечку чаю. Зато в обед поел хорошо, и опять в удушливые сны врывались голоса и звуки, опять дрался и пил…

Светка весь вечер сидела у кровати, рассказывала всякую девчачью ерунду, но об учительнице ни словом не заикнулась, будто и в школу не ходила. Лешка смотрел на ее чистенькое личико и не мог понять, красивая она или нет.

На следующий день пришла Лешкина мать. Она долго разговаривала на кухне со Светкиной бабкой. Лешка сидел одетый на кровати, ждал. Он уже знал, что вернется домой. Поломается немного и вернется.

Отец был на работе. Мать посадила сына за стол, налила вина. Примостившись напротив, привычно раскачивалась из стороны в сторону и печально смотрела на сына.

— Мужик… — с тяжелый вздохом и долей гордости произнесла она, когда Алексей в три глотка опорожнил стакан.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Да, лихо тебе врезал Порфир-старшой! — сказал Вовка Жук. — Ты смотри: недели две прошло — да? — а глаз красный. Батя твой — тот еще мордоворот! Помнишь, Петруха, как летом он тебе наклевывал, пока я не встрял?

Базулевич невразумительно промычал в ответ.

— Ничего, Леха, вернешься из армии, тогда ты ему вешать будешь! — Жук прислушался, испуганно приказал: — Прячь бутылки и стаканы, директор идет.

Алексей спрятал две бутылки и стаканы за протектор, прислоненный к стене в дальнем конце гаража. Жук и Базулевич забрались под свои машины и самоотверженно зазвякали ключами.

Директор — коренастый мужчина с бульдожьими щеками и двойным подбородком — остановился у Вовкиного КамАЗа, позвал:

— Вылазь, Жук. Почему не выехал?

— Да это… тормоза травят. — Вовка смотрел под ноги, а руки держал по швам.

Директор принюхался.

— Опять пьяный!.. Значит, так… — он завернул

фигурный мат, — если сейчас не выедешь… — сделал паузу.

— Можно, конечно, и в другой раз доделать, — быстро согласился Жук.

— Вот-вот, доделаешь в другой раз, когда разрешу… И Базулевич тоже. Слышал, Базулевич?

— У-у, — послышалось из машины.

— И смотрите у меня, — пригрозил на прощание директор.

— Придется выезжать, — произнес Жук, стараясь не смотреть на Алексея.

А Лешка и не думал обвинять его в трусости: директор — существо из другого мира, где росчерк пера сильнее самых крепких кулаков, и даже в голову не приходило, что директора можно избить так же, как других посельчан.

— Видишь? — кивнул Вовка на директорский дом, когда проезжали мимо. — Особняк отгрохал! Мороз на улице, а у него форточки нараспашку: радиаторы греют, к котельной подключился. Вода прямо в доме, хочешь — горячая, хочешь — холодная. Ни тебе колодца, ни возни с печкой. Как в городе!

Выехав за поселок, остановил машину, поменялся с Алексеем местами.

— Сцепление плавно опускай.

— Помню. — Лешка медленно опустил педаль, автомобиль тронулся без рывка. Переключив передачу, Лешка с радостью произнес: — Поехали!

— Давай, не спеши и свободней сиди, не горбься. — Жук закурил сигарету. — В школу думаешь ходить?

— Неохота.

— Ходи. Все равно заставят учиться, так лучше пока молодой, пока голова свежая. — Он расплескал струю дыма о лобовое стекло. — Юлька-то наша драпанула, теперь у тебя проблем не будет… А это, — дым снова забился о стекло, — ты что — втрескался в нее?

После паузы Лешка кинул слово-заклятие, вынесенное для учительницы.

— Это точно, — согласился Вовка. — Вот на этой седушке, — он хлопнул по сиденью рядом с собой, — драл ее. Вот такими слезами, — отмерил половину указательного пальца, — плакала, просила, чтобы на станцию отвез. Да ты что, говорю, три часа в один конец! Она деньги сует. А что мне деньги, мне своих хватает! Ну, она давай себя предлагать. Тоже мне красавица — набор костей и пачка сухожилий!

— А чего ж ты тогда?

Вовка пожевал кончик сигареты, сплюнул та-

бачинку.

— Все они, городские, шлюхи. Только выпендриваться и хвостом вертеть умеют. Дома грязь, жрать нечего, дите обоссанное лежит, а она книжки читает или у зеркала вертится. А вломишь для порядка, сразу в милицию бежит.

— Это твоя первая?

— Ага… Лучше деревенскую бери. Пусть не такая красивая, зато спокойней с ней. — Он опять пожевал сигарету. — И жить надо подальше от города. Там, где кончаются железная дорога, электрификация и советская власть! — Жук зло захохотал. — Жизнь, Лешка, — это мясо: последнему — кость! А в городе последним всегда будешь ты, — жестоко закончил он и жадно затянулся. Потом окурок прочертил в воздухе красную дугу, зарылся в снег.

— Сейчас будет грунтовка в лес, поворачивай. И не круто, чтобы хвост прошел.

Алексей осторожно повернул, внимательно наблюдая в зеркало за колесами в конце полуприцепа. Машина пошла медленней и загудела натужней.

— Давай поменяемся, — предложил Вовка, и, не останавливая машины, пересели.

После того, как КамАЗ загрузили бревнами, в

кабину забралась Бандитка — бабища с лицом, похожим на перепеченный блин — круглым и в пятнах, рытвинах, лепестки шелухи. Наверное, никто в поселке, кроме леспромхозовской кассирши, не знал ее фамилии и имени, всем хватало клички. Бандитка стрельнула у Жука сигарету и запыхтела ею, смачно почмокивая.

— Что, надоело работать? — спросил Вовка.

— Да пошел он!.. — матюгнулась она неизвестно в чей адрес. — Дай еще одну. — Прикурила новую сигарету от окурка и добавила: — Не лошадь. Пусть сам пашет.

— Пять мужиков за ночь пропускаешь, а говоришь, не лошадь! — поддел Жук.

— Пошел ты… — беззлобно ругнулась она.

Лешка посмотрел на нее с восхищением: во баба! И курит, как мужик, затянется — искры летят!

— Бандитка, что там вчера возле вашего барака было? — спросил с усмешкой Жук.

— Пошли они!..

— Ну расскажи, чего ты?! — Жук заранее улыбался.

Вчера в леспромхозе давали аванс, и мужики, по появившейся с наступлением холодов привычке, направились в барак, где жили ссыльные

проститутки. Сослали их, скорее всего, по другим статьям, но в поселке в такие тонкости не привыкли вникать, поэтому величали по основной профессии — проститутками. Женам была не по душе новая привычка мужиков. Они бы еще вытерпели отсутствие мужей по ночам, но выпотрошенные карманы простить не могли, поэтому пришли к бараку на разборки.

— Чего рассказывать?! Бабы и есть бабы. — Бандитка потушила пальцами окурок, спрятала в карман фуфайки. — Вышла на порог — сразу смолкли. Митькина было выпрыгнула, ну, я ей и двинула промеж глаз. А чего?!

— Ничего! — согласился Жук. — Но, говорят, ты трусы сняла и трусами их, трусами!

— Брешут, я без трусов была.

Шофер и ученик захохотали.

— Ну-ну, а дальше?

— Чего дальше? Зашла я. Они стекла давай бить. Ну, я взяла швабру, вышла. Ну, дала им, пока швабра не сломалась.

Громкое ржание переполнило кабину.

— А об кого сломала?

— Об кого надо. Пошли они все!..

Бандитка матюгалась минуты три. Жук все это время захлебывался смехом, негромко похоха-

тывал и Лешка, с удивлением и восхищением поглядывая на попутчицу.

Когда у проулка, где стоял барак, высадили ее, Алексей спросил:

— А чего их к нам присылают? Больше некуда, что ли?

— По старой памяти. Здесь же тот самый сто первый километр, что за пятьсот верст от порядочных городов. Вот проституток и кидают сюда на перевоспитание… нас? — Вовка снова заржал.

Дальше ехали молча. Дорога змеилась по лесу, побелевшему от снега. В одном месте спугнули ворон, которые обклевывали дохлятину на обочине. Что это был за зверек — Лешка не успел разглядеть. Теплый воздух в кабине расслаблял, клонило ко сну. Чтобы взбодриться, Алексей закурил.

— А-а-а… — зевнул Вовка, показав черные, прокуренные зубы. — Что-то сморило меня. Садись за руль. — Они на ходу поменялись местами. — Не гони и на левую сторону не выезжай. Перед развалиной, что у райцентра, разбудишь. — Он прислонился плечом и головой к дверце и быстро заснул.

А Лешка вел КамАЗ. Руки сжимали теплое рулевое колесо, под ногами щелкали педали,

за спиной погрохивали на ухабах бревна. В кабине приятно пахло горелой соляркой и кисло — сигаретным дымом и сивухой. Лешкина шея быстро устала держать голову в одном положении, покалывало в позвонках. Время от времени он задирал вверх подбородок и вертел им влево-вправо, чтобы размять загривок. Но все равно машину интересно вести. Он уже не сомневался, куда пойдет учиться после школы: только шоферская работа, где, как говорит Вовка Жук, сам себе хозяин-барин.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Новый год Порфиров встречал у Гилевича. Вовкины родители уехали в райцентр к дочери, поэтому в доме, кроме Алексея, собрались братья Тюхнины, их старшая сестра Надька со своим парнем Мишкой Кузиным, Светка Смирнова и ее подруга и соседка девятиклассница Ленка Титова.

Подготовились к празднику основательно. Стол украшали две бутылки самогонки, стянутые Вовкой у родителей, две бутылки водки, купленные Мишкой, и пять вина от Лешки и Тюхниных. И еды было много: маринованные грибы, квашеная капуста, копченый окорок, кровяная колбаса, холодец, жареная рыба, картофельная бабка — постаралась Вовкина мать.

Парни сразу распили две бутылки вина и хотели еще пару давануть, но помешала Надька.

— Хватит, а то до Нового года нажретесь, праздник испортите. Идите лучше телевизор смотреть.

Алексей сидел на диване рядом со Светкой. По телику показывали цирк, соседка весело смеялась, дергала Лешку за рукав. Ничего — за-

бавно. Одного Гришку цирк не увлекал. Он было задремал, потом сходил на кухню и теперь напихивался чем-то, громко чавкая. Вскоре на кухню ушли Ванька и Мишка и не вернулись. Алексей ждал, ждал, не выдержал и сам пошел.

Приятели сидели на низеньких скамеечках у печки, курили.

Из-за сваленных у топки березовых поленьев выглядывало горлышко бутылки.

— Ты, Леха? — облегченно выдохнул Мишка. — Бери посуду, подсаживайся.

Ванька наполнил три стопки, выпили.

— …Они думают, если шибко грамотные, значит, все, — продолжал Мишка рассказывать Тюхнину. — А вот им! — Он хлопнул ребром ладони по локтевому сгибу другой руки. — Командир мне говорит, мол, построже с ними, Кузин, не церемонься, а не будет порядка, с тебя шкуру спущу. Ну, я и не церемонился. Остальные сержанты тоже. Так что в армии вам легко будет: офицеры любят деревенских. Это городских, особенно студентов — чмошников! — тех, как!.. — Кузин лихо, с армейским уклоном выругался. — Так им и надо. А то мастера только бегать и стреляться. Из-за одного такого… — Мишка скрипнул зубами. — Хорошо, командир заступился. Ну, говорит,

Кузин, был бы кто другой, пальцем бы не пошевелил, а тебя в обиду не дам, но смотри, больше не перегибай. — Он пососал потухший окурок, кинул в приоткрытую топку. — Наливай, Вань.

На кухню пришел Гришка, налили и ему. Выпив, Кузин спросил у Тюхи-старшего:

— Как там в ПТУ? Местные гоняют?

— Гоняют. На той неделе ввалился в комнату Задар…

— Старший? — перебил Мишка.

— Младшой… Выгнал из комнаты и завалился спать на мою кровать. Я пошел в другую комнату ночевать — повезло мне. Он ночью проснулся, говорит, похмеляйте. А Сенька вякнул, мол, где мы сейчас достанем, закрыто все. Задар и начал его бить. Бил, пока Егор бутылку не принес. Я утром захожу в комнату, а там кровищи!..

— И у нас такое было. Только старший приходил. Ну, парни— сила! — с восхищением вспомнил Кузин. — Ладно, буду в райцентре, поговорю, чтоб тебя не трогали. Я перед службой со старшим работал, бухали часто… Только это — выставить надо будет. Литра два — он конь еще тот.

— Конечно же, поставлю, даже три! — быстро согласился Ванька.

— Ну, тогда это, там еще бутылка есть, разливай и ее.

Четвертую допить не успели. Сначала пришел Вовка, а за ним притопали девки.

— Пьют, скоты! Я же тебе говорила! — сказала Надежда Лене.

— А ну, сюда бутылку. — Она стукнула Ваньку по затылку и забрала вино. Хотела ударить и Мишку, но сдержалась. — Ладно, давайте за стол садиться. Старый год проводим.

Новый год встречали самогоном: водка и вино закончились. Лешка собрался поесть от души, но за выпивкой как-то некогда было, а потом расхотелось. Он курил сигарету и, выпятив нижнюю губу, медленно выпускал дым, возводя зыбкую стену между собой и сидевшей напротив Светкой, чтобы спрятаться от ее поблескивающих глаз. Она почти без умолку хохотала, раздвигая мокрогубой улыбкой покрасневшие щеки до ушей, а в редкие перерывы задавала Лешке бестолковые вопросы. Слева от него сидела Лена, невнимательно слушала Ваньку и капризно просила что-нибудь подать: то колбасу, то воду, то сигарету. Она почему-то обращалась по очереди к Ваньке и Лешке, словно хотела их поссорить. Стерва. Еще и нос морщит, как Юлия Сергеевна.

Это с ее-то пятаком! Надька небрежно отталкивала лезшего целоваться, пьянеющего Мишку и все время ела. Перемешав в тарелке капусту, грибы и холодец, молотила их сосредоточенно, а глаза были пустые, точно смотрела не на еду, а внутрь себя. Ох, оставит она свинью без праздничного завтрака? Гришка и Вовка сидели в обнимку, спорили: Гилевич тарахтел, захлебываясь словами и икая, а Тюха взглядом исподлобья буравил Ленку и изредка ронял тяжелые, как две пудовые гири, слова. Разговоры слились в общий гул, накатывались волнами на Лешку, раздражая его, и откатывались, оставляя после себя липкую тоску. Хотелось зареветь или ударить кого-нибудь. Еще этот Светкин хохот — на вдохе, будто всхлипывает, а не смеется, — заткнулась бы, что ли?!

— Давай выпьем, — предложил ей.

— Я и так пьяная, — игриво сказала Светка, но придвинула к нему свою стопку.

Лешка с интересом наблюдал, как Смирнова со слезами на глазах давилась самогоном.

— Ой, Леш, не могу больше: противная!.. Пойдем лучше танцевать.

— Пойдем, — согласился он в надежде, что удастся разогнать тоску.

Светка прижалась к нему горячим телом,

маленькие груди вмялись в его нижние ребра. Волосы бы причесала, а то подбородок ему щекочут. Он топтался со Светкой по кругу, посматривая на экран телевизора. Там тоже танцевали и пили. Пили шампанское, из хрустальных бокалов. Мужчины были одеты в черные хвостатые пиджаки, напоминали ласточек, а женщины — по-разному, но очень красиво. Старые напоминали посельчанок — такие же толстые, а молодые — Юлию Сергеевну. А ведь и Светка худая. И сомлела уже, еле ноги передвигает, носом уткнулась в его рубашку и мнет ее пальцами.

Вскоре ему надоело танцевать, освободился от присосавшегося девичьего тела, пошел на кухню. За столом лишь Вовка и Гришка. Они чуть ли не целовались от взаимоуважения. Выпив с Лешкой, опять принялись доказывать, какие неразлучные друзья, словно две недели назад не Тюха расквасил Гилевичу нос. Собрались и Алексея подключить, но зашла попить воды Ленка и увела его танцевать.

Она была выше Смирновой, прижималась щекой к его щеке. От Титовой пахло приторно-сладкими духами и женщиной. Алексей и не заметил, как оказался с ней в другой комнате на диване. Ленкины губы раздвигали его губы,

жадно всасывали их, а Лешка сдвинул плечико ее лифчика вниз, ладонь теперь свободно влазила в мягкий кулек материи. Упругий сосок отскакивал от пальцев, а пойманный, нырял вглубь, становился одной высоты с пупырышками, окружавшими его. Ленка небольно покусывала его нижнюю губу, когда сильно сдавливал ее грудь, но едва он опустил руку ниже, добрался до тугой резинки трусов, сразу отпрянула и неожиданно бесчувственным голосом сказала:

— Убери руку.

Ну и пошла она в к черту! Посидел немного рядом, безучастно отвечая на вопросы, а потом сказал, что хочет пить, и ушел.

В кухне на столе появились еще три бутылки самогонки, причем одна уже была опорожнена на две трети. Гришка спал, придавив лбом тарелку с объедками. Тарелка наклонилась, и объедки сползли к волосам, прилипли к ним. Лешка толкнул Тюху в плечо, голова рассталась с тарелкой, размазала комья холодца по столу. Гришка что-то пробормотал невнятно, почмокал пухлыми губами, но не проснулся.

Алексей выпил и с непонятно откуда появившимся голодом набросился на еду. Черпал ложкой из всех тарелок по очереди, подбирая

свободной рукой выпадавшее на стол и тоже съедая. Ленка с бледным лицом сидела у печки, ждала, когда он насытится.

Самогонка и еда взбодрили его, захотелось еще помять женскую грудь. Едва он справился с лифчиком, как Ленка задергалась, болезненно скривив губы.

— Подожди, я сейчас, — и убежала в сени.

Она долго не возвращалась, не оказалось ее и в сенях. Лешка вышел на крыльцо. Колючий ветер резанул по глазам и ноздрям, шершавым клубком влетел в горло. Лешка вытер выступившие слезы. Над центром поселка висел белый купол — это от мощных прожекторов на территории леспромхоза. Бело было и во дворе Гилевичей — от чистого снега, падавшего целый день. Алексей сошел с крыльца, набрал полные пригоршни, остудил лоб и щетки, наполнил сводящим зубы холодом. У-ух!..

У сарая знакомо зашлепало. Точно — блюет, готовит курам наутро новогодний подарок. Титова казалась безногой, походила на туго набитый мешок, парящий над снегом.

В доме закончились танцы. На диване перед телевизором спал Вовка, а в ногах у него, прислонившись головой к спинке, посапывала

Смирнова. На кровати, свесив одну ногу к полу, храпел Ванька. Лешка пошел в дальнюю комнату — и замер в дверях.

В углу мерно поскрипывала кровать, шумно дышали и визгливо, совсем не Надькиным голосом, стонали и кряхтели. Лешкина глаза привыкли к темноте, и он увидел расставленные, как тогда, ноги. Между ними дергалось мужское тело с бледным тазом. Лешкины ноздри хапанули горячий запах пота, в голове зашумело, кровь застучала тяжело и гулко, как гидравлический молот в кузне, заглушила все звуки, прорваться сумел лишь протяжный хрип, который навис над замершими телами. Лешка торопливо попятился. Тела отодвигались, отодвигались, скрылись за косяком и, когда проходил мимо телевизора, появились снова, будто выткались из бликов, падающих с экрана.

— Леш!

Он вздрогнул от прикосновения женской руки.

— Проводи нас домой, — попросила Ленка.

— Зачем домой? — треснутым голосом спросил он. — Давай еще… давай выпьем.

— Нет, нам пора.

Уговорить не удалось. Чтобы не ударить Ленку, вылетел на кухню, где напоролся на стул. Буцнул

его — стул врезался в стену, упал. Теперь одна ножка торчала вбок. Прихрамывая, успокоенный Лешка пошел одеваться.

Сначала довел Ленку, потом Светку.

— Ох, какая я пьяная! — всю дорогу то ли сокрушалась, то ли хвасталась Смирнова.

У калитки он сгреб ее в охапку, поцеловал в холодные губы.

— Ты чего, Леш? — она отстранилась и опустила голову.

— Ничего! Спать иди! — обиженно произнес он.

И понесли Лешку ноги черт знает куда. Лез по сугробам, набирая снег в валенки, несколько раз падал, а под конец свалился в овраг. Лежал, уперевшись головой в ствол ивы, непослушными руками выбирал снег из-за пазухи, а над головой пощелкивали длинные тонкие ветки, раскачиваемые ветром. Домой вернулся протрезвевшим и болезненно-тихим в движениях, словно прихваченный радикулитом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Алексей устало сел на табуретку, отшвырнул на дальний конец стола мокрую тряпку. Натруженные плечи болели: помахал здорово.

— Все порубил? — Мать поставила перед ним большую. тарелку горячей картошки.

— Четверть поленницы осталось, завтра дорубаю, — буркнул он.

Картошка была темная, подмороженная: зима в этом году лютая. Лешка крошил вилкой парующие клубни, чтобы остыли, и, не дождавшись, отправлял в рот, вертел языком, пока не переставали обжигать, и жадно глотал.

— Потихоньку работай, не спеши, — быстро, словно тарабаня зазубренный стишок, приговаривала мать. Голос ее дрожал, а лицо покрылось красными точками, будто об ежика ударилась. — Картошечки положить еще?

— Нет.

— На нет и суда нет… А колбаски кровяной? Покушай, вкусная!

Свинью зарезали в начале декабря, но мясо неизвестно куда делось, съели, вроде бы, совсем ничего, а колбасу Лешка не видел уже с неделю.

— Давай.

Мать положила на стол маленький огрызок, такой сухой, что похож был на сучок вишни.

— Вкусная? — спросила мать, садясь напротив сына.

— Да.

— Что ж ты со шкуркой ешь, сними ее… Хлеба еще нарезать?

Алексею хотелось швырнуть ложку в тарелку и уйти: когда мать заткнется наконец?! Но она даже сидеть не могла спокойно. Руки ее, разбитые и со вздувшимися венами, метались по столу, двигали туда-сюда то кружку, то нож. Тонкие губы дрожали, беспрерывным потоком выталкивая дурацкие вопросы. Лешка не отвечал, и мать убежала к печке. Грюкнула кастрюля, зашипела плеснувшаяся на печку вода. Мать ругнулась и опять вернулась за стол. Алексей догадывался, чего она хочет, но старательно избегал разговора на эту тему, чтобы успеть насытиться.

— Лешенька, — не утерпела мать, — к тетке Нинке не сходишь? Десятку до получки попроси.

Началось. Он торопливо запихал в рот целую картофелину.

— А, Леш?

— Не даст.

— Ну, хоть трояк на хлеб.

— Сама иди проси, надоело!

— Мне она не даст… Лешенька, ну сходи. А то Андрейка вон никак не уймется… Ну, Лешенька!

— Отстань! — рявкнул он. Все — отобедал. Он оттолкнул тарелку с недоеденной картошкой, потянулся к кружке с чаем.

— Ну и ешь без хлеба! — заявила мать и забрала отрезанную ему горбушку.

Жаль, горбушке нашлось бы место в животе. И не одной. Ничего, зато шакалить не пойдет. Пусть сама клянчит на бутылку. Он раздраженно сплюнул прилипший к зубам лепесток заварки.

Во дворе Алексея обогнала Вера. Обмотанная материнским пуховым платком, в ее же старых валенках с подрезанными голенищами, сестра побрела к дому Смирновых. Верка — плакса, слюни распустит, Светкина бабка и не выдержит, даст денег, хоть и божилась всеми святыми, что спиваться она не помощница.

На горке за поселком Алексея поджидали Тюхнин и Гилевич. Гришка где-то раздобыл старые санки с погнутыми полозьями, пытался отремонтировать. Холодный металл прихватывал голые руки. Тюха обиженно сопел по-бычьи, но не отступался.

— Выбрось их — чего уродуешься? — посоветовал Лешка. — Все равно, раз съедешь — они опять согнутся.

— К чертям собачьим! — сдался Гришка и, крутанувшись телом, как метатель молота, зашвырнул санки вниз, в кусты. — Ты лыжи сделал?

— Не-а, — лениво потянул Лешка, — не получается. Ну, чем займемся?

Дружки промолчали.

— Курить есть?

Опять молчание.

— Чего стоять тут — холодно. Пошли куда-нибудь.

— Может, в школу? — предложил Гилевич. — Там утренник новогодний.

— Можно в школу.

Снег под валенками скрипел плаксиво, точно жаловался на мороз. На тропинке поблескивало сквозь тонкий слой пороши темное ледяное зеркальце. Три пары валенок очистили середину его. Впереди тропинку пересек серый белогрудый кот с маленькими, обгрызенными ушами.

— Лютихин, — сообщил Вовка. — Шесть цыплят у нас летом утащил.

— Давай казним? — предложил Гришка.

Кот, высоко поднимая лапы, перебирался по сугробу к дырке в заборе. Из Гришкиного кармана вынырнула булка со вставленным в выеденную середку куском колбасы. Тюха отломил треть куска, размял колбасу.

— Кис-кис-кис…

Кот подозрительно смотрел на людей. Брошенный ему кусочек колбасы долго лежал нетронутый. Кот подкрался нему, обнюхал и жадно съел, придерживая лапой. И Лешке захотелось колбасы. Обидно было, что такое лакомство достается вшивому коту. Но больше никогда не достанется. Следующий кусочек упал чуть ближе к Тюхе, следующий — еще ближе, и вскоре кот извивался в Гришкиных руках, скрипел когтями по прочной материи фуфайки.

— Попался, гад! — торжествовал Гилевич. — Сейчас я сетку принесу.

Проезжая часть центральной улицы напоминала стиральную доску: три снежно-ледовых вала разъединяли четыре широкие колеи. Завязанный в сетку серый комок подпрыгивал, шлепался на покатый склон вала и съезжал в середину колеи. Гул лесовоза приближался. Кот задергался сильнее, но безрезультатно.

— Сейчас его! — злорадно произнес Гилевич.

Передние колеса груженного бревнами КамАЗа наехали на комок, двигатель заглушил гортанный кошачий ор. Еще две пары колес расперли колею, покатились дальше, и Порфиров увидел, как почти плоское месиво продолжало дергаться, пытаясь выбраться. Задние колеса по-новой раскатали его по колее, прощелкали концы бревен, и то, что совсем недавно было мяукающей жизнью, застыло лепешкой из серо-красных ромбиков. Лешка гадливо плюнул в нее, отвернулся.

— Тьху-тьху-тьху — три раза не моя зараза! — суеверно про-плевался Гилевич.

Алексей глянул на него презрительно, предложил:

— Айда в школу.

В актовом зале сидели десятка три школьников и пятеро учителей. Друзья устроились в заднем ряду. Они без особого интереса смотрели, как на сцене Смирнова, одетая в белое платье и белый кружевной кокошник, изображала Снегурочку, а Мухомор, наряженный в натянутый поверх бараньего тулупа красный чехол, был Дедом Морозом. От его длинной ватной бороды то и дело отлетали белые клочки, ее могло не хватить до конца представления. Действие шло вяло, малышня часто забывала стихи и надолго замолкала.

— Двинули отсюда, — приказал Лешка.

— Может, у кого курево есть? — подкинул Тюхнин.

Алексей внимательно смотрел зал.

— Вовка, мы в туалете будем, а ты приведи Димку Титова.

В туалете Порфиров уселся на подоконник, валенки пятками вклинил между верхними ребрами радиатора. Тюхнин примостился рядом, а Гилевич стоял напротив, позади Титова.

— Закурить есть? — по появившейся в последнее время привычке с трудом переплевывая слова через губу, спросил Алексей.

Димка долго шмыгал носом, точно собирался заплакать, но никак не мог наскрести слез.

— Нету.

— А деньги?

На этот раз шмыганье продолжалось дольше.

— Тоже нет.

Порфиров кивнул Гилевичу. Вовка двинул Титова в спину, затем похлопал по карманам. Предательски звякнули монеты.

— Ты кому врешь, сопля?!

— Я забыл, это мамка дала, чтоб хлеб купил, а своих у меня нет…

Объяснение не помогло. Деньги оказались в

руке Гилевича, проплыли мимо носа хозяина в карман фуфайки Порфирова.

— И у Ваньки Крохи есть деньги, много, — скороговоркой заложил Титов, — а у Дудина пачка сигарет.

— Веди их сюда. Вовка, пойди с ним, чтоб не удрали.

Кроха не отдавал деньги, пока Гилевич не врезал ему по почке. Удар был слабый, а гримасу Кроха скорчил, будто прийти. Добавь.

Вовка добросовестно исполнил приказ. Теперь гримаса соответствовала боли, и сопротивления не было. Деньги, чуть больше рубля, погрели руки Гилевичу и звякнулись в карман Порфирова.

— Пшел отсюда!

Дудин оказался хитрее, сразу выхватил из кармана пачку сигарет и предложил:

— Леш, закуришь? У отца стянул, он вчера пьяный в умат был. Бери, сколько хочешь, — разрешил он, когда Лешкины пальцы раздвинули пачку изнутри.

Потом в пачку нырнули толстые обрубки Тюхнина, за ними — с обгрызанными ногтями Гилевича, и пяток сигарет припал к одной стороне.

— Берите, мне не жалко, — говорил Дудин. — Вам, наверное, деньги нужны? Дал бы, да нету. —

Он принялся подробно объяснять, куда дел подаренный на праздник трояк — настолько подробно, что поверить было трудно.

— Ладно, иди, — все-таки отпустил его Порфиров. — Стой!

Дудин вздрогнул и обернулся, пытаясь спрятать ухмылку удачливого жулика.

— У кого деньги есть?

— У Фили должны быть. И у Акулинича, — словно искупая вину за ухмылку, сообщил Дудин. — Привести?

— Веди.

Семиклассник Филиппский, крепыш с широкими скулами, под которыми, когда нервничал, бегали острые желваки, попытался было сопротивляться, но Тюхнин помог Гилевичу, вдвоем быстро справились. Акулинича обработать не успели, помешал Мухомор.

Красноносый учитель с шумом ввалился в туалет, увидев курящих учеников, закричал:

— А ну!.. — разглядев Порфирова, снизил тон, — идите на улицу курить.

Алексей собрался огрызнуться: а какое твое, свинячье, дело — где хотим, там и курим.

— Уводите приятелей, Порфиров, — просьбой упредил учитель оскорбление.

Это польстило.

— Уходим, — примирительно сказал Алексей.

На улице Тюха жадно поинтересовался:

— Ну, сколько там?

Лешка пересчитал деньги.

— На курево хватит.

— И на кино?

В клубе было тихо и пусто, лишь на втором этаже, в библиотеке, слышался ворчливый женский голос. До фильма хотели поиграть в бильярд, но не нашли кий. Вовка покатал рукой желтые шары по вытертому зеленому сукну, восхищенно вскрикивая, когда загонял в лузу. Порфиров и Тюхнин сидели у стены, молча наблюдали.

В бильярдную зашла завклубом.

— Чего надо? — раздраженно спросила она.

— Поиграть хотели до фильма.

— Не будет. Коська уехал вчера в райцентр и до сих пор не вернулся. Пьет где-то, выродок!.. — Она перечислила обычные прилагательные к Коськиному имени. — И вы мотайте отсюдова! Нечего. Закрываю.

Дружки потоптались у клуба, соображая, чем заняться, потому что расходиться по домам желания не было.

— Может, бормотухи возьмем? — предложил

Лешка.

Вино называлось «Золотая осень». Мужики шутили, что из-за этой «осени» и лета не увидели. Не увидят и зиму. Пили вино за магазином. Горлышко прилипало к губам, мороз обжигал облитый подбородок, но алкоголь согрел, придал боевитости.

Они побродили по поселку, выискивая, к кому придраться. Никто на пути не попался, поэтому твердыми комьями снега разбили фонарь у леспромхозовского забора. Потом катались, цепляясь за бревна на лесовозах. Проедешь метров пятьдесят, мотыляясь по колее, затем растянешься на пузе и еще десять скользишь за машиной. Вскоре стемнело, и Лешка, уставший от дурацкого времяпровождения, решил:

— Пойду я домой.

Втроем они добрели до Вовкиного дома, выкурили там по сигарете и разошлись.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В начале февраля забастовали проститутки. Они ни на что не жаловались, требований никаких не выдвигали, а просто не ходили на работу. Поселок сначала с язвительной улыбкой, а затем, после приказа директора леспромхоза не продавать им продуктов в магазине и не обслуживать в столовой, с сочувствием наблюдал за необычным в этих местах поединком. Первое время, после получки, проститутки редко появлялись на улице. Гости в бараке не переводились, шумные гулянки растягивались до утра. Но вскоре деньги у мужиков кончились, и все чаще можно было видеть у магазина или столовой проститутку, которая упрашивала купить съестное. Покупать боялись. И в гости не приглашали: жалость жалостью, а беду в дом незачем приводить: ничего хорошего от проституток поселковые женщины не видели.

Порфиров и братья Тюхнины столкнулись с Бандиткой случайно. Зашли в магазин за сигаретами, на обратном пути завернули в столовую, где работала Надька, и увидели, что кто-то роется в куче мусора у черного входа. В сумерках трудно

было разглядеть, кто это, лишь по пуховому платку догадались, что женщина.

— Никак Бандитка, — предложил Лешка. — Бандитка, что ищешь?

— Пошел ты… — беззлобно ругнулась она.

— Закурить дать?

— Давай, — как бы нехотя согласилась она.

Пока Гришка разговаривал на кухне с сестрой, Ванька и Алексей подначивали проститутку.

— Что — с голоду опухла так?

— Не с похмелья ж.

— А есть, наверное, хочешь!

— Все хочут.

— Почему же мужика не поймаешь?

— Они сами сейчас без денег.

— Зато накормят.

— Не кормят, — уверенно сказала Бандитка.

— Слышь, Бандитка, а если мы тебя накормим, дашь? — полушутя-полусерьезно спросил Лешка, уверенный в отрицательном ответе.

— Обоим?

— Троим! — со смешком ответил Алексей.

— А водка будет?

— Бутылку возьмем.

— Две, — решительно заявила она.

Порфиров от неожиданности приоткрыл рот.

Отступать было поздно, а согласиться… Он нерешительно посмотрел на Тюху-старшего: Ванька считался бывалым, часто рассказывал о похождениях в райцентре, где женщины, не в пример поселковым, более покладистые.

— Значит, две бутылки, закуска… — перечислил Ванька.

— Жратвы побольше, — вставила Бандитка.

— …И дашь троим?

— Угу.

На вытянутом лице Тюхина засветлилась счастливая улыбка.

Так это, я за деньгами сбегаю, водки возьмем, а то магазин закроется. Вы это, стойте здесь, я быстро.

— А чего здесь стоять? Я лучше в тепле подожду. К тебе пойдем или к нему?

Порфиров отрицательно покачал головой: родители дома. У Тюхниных тоже не развернешься. Он понял, что дело срывается, в барак ведь не пойдешь: увидит кто-нибудь, раззвонят по всему поселку.

— Может, в бане? — нерешительно спросил Ванька. — Мы топили ее сегодня, не выстыла еще.

— Можно и в бане, — согласилась проститутка.

— Ну, я — за деньгами, а вы Гришку подождите и идите в баню. — Добежав до утла, Ванька вспомнил: — Жратвы принесите.

В предбаннике было не так тепло, как предполагали. Керосиновая лампа освещала бревенчатые стены, лавку вдоль одной и перевернутые вверх дном бочки у другой. Крайнюю бочку подтащили к лавке, разложили на днище закуску, хлеб, сало, кровяную колбасу и вареную картошку, поставили бутылки и стаканы. Красные руки Бандитки хватали еду, плямканье слышалось даже не изо рта, а немного ниже, из горла, стакан подлетал к губам, из него отпивалось с причмокиванием, как сладкую воду, и быстро опускался на днище, чтобы и вторая рука могла хватать.

Алексей сидел на перевернутом ведре напротив женщины и представлял, как все будет дальше. Водка уменьшила опасения, давнишняя мечта казалась не такой уж трудно выполнимой. А хотелось сильно, особенно, когда женщина наклонялась, и глубокий вырез летнего платья позволял видеть белые, выпирающие из материи груди.

Бандитка тяжело отвалилась от бочки, выдохнула, по-лошадиному шлепая губами. Допив водку, она сыто отрыгнула, поковырялась ногтем

в зубах.

— Ну, чего, пойдем? — равнодушно спросила проститутка.

Дружки переглянулись: кто первым? Ванька смотрел на Лешку, а тот на него, уступая очередь.

— Пошли, — не своим голосом произнес Тюха-старший.

Бандитка грузно поднялась, прихватив с днища кусок сала. Из бани послышался ее недовольный голос:

— Говорил, тепло… мокрое все… пальто давай.

Алексей и Гришка сидели молча, прислушивались. Ворчание стихло, заскрипели доски. Лешка плотнее сжал ноги. Он смотрел на лампу, на пляшущий язычок пламени. Язычок был телесного цвета и напоминал женскую голову, от которой исходил густой дым, похожий на вставшие дыбом черные волосы. Дым бился о стенки лампы, особенно там, где стеклянный колпак суживался и переходил в трубу с отбитой половиной и был покрыт жирной копотью. Иногда язычок пламени резко падал к стеклу, раздваивался, превращаясь из головы во вставшее на руки тело с раздвинутыми в стороны толстобедрыми ногами. Ноги поднимались вверх, сливались — и опять

женская голова со вздыбленными волосами…

Скрипение досок стихло. Шаги. Толчок в дверь.

— Следующий! — высокомерно произнес Тюха-старший и с хлюпаньем сглотнул слюну.

Алексей повел плечами, скидывая фуфайку. Деревянная ручка врезалась в ладонь, утянула дверь за собой. Из бани пахнуло теплой прелью. На полках лежала женщина с темным телом и белыми ногами. Лешка приближался к ней и боялся, что Бандитка одернет платье и встанет. Он торопливо упал на влажные доски рядом с ней. Что делать дальше — не знал. Набравшись духу, опустил руку на растекшуюся грудь. Она была большой и вялой. Теперь вроде надо поцеловать. Губы наткнулись на жирные солоноватые пальцы.

— Ну?! — пробурчала Бандитка набитым ртом.

Алексей испуганно отпрянул и замер в неудобной позе. В локоть резался твердый край Ванькиного пальто. Подняться бы и уйти, но в предбаннике сидят Тюхнины. Лешка чуть не заплакал от злости и обиды.

Бандитка недовольно вздохнула, зашевелилась. Ее рука придвинула Порфирова, зашарила в брюках. Лешке было неловко, хотелось ударить по ней. Шершавая ладонь высвободила упругую

плоть, подтолкнула Лешку:

— Залазь.

Женское тело было мягким и теплым, Алексей ощущал его через свою и ее одежду, но боялся налегать, думал, что сделает больно, а за это грубо оттолкнут. И ждал — подсказки или помощи.

Бандитка еще раз вздохнула, ее рука протиснулась между телами, с бесцеремонностью указала путь…

Кап… кап… кап… — дробилось у уха. Лешка лежал на мягком и тяжело дышал. Все произошло быстро и совсем не так, как мечталось, хоть плачь от обиды и разочарования. Возле другого уха послышалось чавканье, и кулак просился унять его. И еще было удивление: и стоило из-за этого так мучиться, гореть?

Алексей неуклюже слез, стараясь не прикасаться к женскому телу, потому что чувствовал к нему отвращение, желание избить. Шагнул — баня качнулась, потолок налег на плечи. Алексей тряхнул головой и рванулся к двери.

— Следующий! — ухарски повторил он.

Мимо, задев локтем, просопел Гришка. Порфиров злорадно улыбнулся ему вслед. Надетая фуфайка придала уверенности, будто до этого был голым и беззащитным, но встретиться взглядом

с Ванькой боялся: догадывается обо всем.

— На, выпей, — придвинул Тюха-старший стакан, в котором на донышке была водка. — Немного припрятал, чтоб отпраздновать.

Лешка выпил, как больной долгожданное лекарство.

— Ну как, здорово, да?

— Угу! — с деланным восторгом подтвердил Алексей.

— Баба — что надо! А опытная! Не то что молодые!

— Ага!

— У меня были оторвы, особенно та, из детского садика, но куда ей до этой!..

Порфиров делал вид, что внимательно слушает, но в голове было пусто, словно мысли испарились в бане и осели холодными каплями на стены.

Гришка вернулся быстро. А может, его не было долго — Лешка не заметил. Втроем пообменивались односложными и слишком восторженными впечатлениями. Вышла Бандитка, швырнула Ваньке пальто, сгребла и рассовала по карманам остатки еды.

— Водки нет? — услышав отрицательный ответ, буднично сказала: — Пойду я. Кудой тут ближе?

Они вывели ее огородами к проулку, останови-

лись у забора и закурили, наблюдая, как женская фигура размывается в темноте. Алексей вдруг почувствовал, что томившее его в предбаннике желание вновь наполняет тело. Разочарование и злость исчезли, появилось щемящее, тревожное ожидание. Догнать бы Бандитку, повалить в снег и на этот раз действовать решительно и страстно. И была уверенность, что все кончится по-другому, намного лучше, ярче.

— В субботу приеду, опять приведем, — словно угадал Лешкины мысли Ванька.

— Надо будет.

— Вот только где деньги взять?

— Достанем.

Однако деньги оказались не нужны. Через три дня проститутки сдались, вышли на работу, и когда еще через день Порфиров встретил Бандитку и спросил, свободна ли в субботу, она оглядела его, точно незнакомого.

— Пошел ты!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Владимир Жук выбежал из магазина с бутылками пива в руках и под мышками.

— Возьми пару: выскакивают, — попросил он Лешку. — Купил десяток, а то разберут до вечера.

Алексей помог уложить бутылки за сиденье.

— Ну что — поехали? — скомандовал Жук.

— Тут Сашка Ридель просит, чтоб до развилки подкинули.

— Пусть садится.

— Залазь, Риделенок! — позвал Лешка худого белобрысого мальчишку в сдвинутой на затылок шапке и в длинном пальто и с большой авоськой, набитой хлебом.

Груженый КамАЗ чихнул тормозами, медленно пополз навстречу солнцу. Светило оно ярко, грело через стекло. В открытое окно врывался холодный, но уже пахнувший весной ветер. Укатанные колеи потеряли ледяной блеск, кое-где появились мелкие лужицы. Колеса расплескивали воду, норовили вырваться из колей в рыхлый, ноздреватый снег. Лешка умело удерживал их и прислушивался к разговору соседей по кабине.

— Из школы? — спросил Вовка из бутылки.

— Да.

— А чего на автобусе не поехал? Ждал, когда хлеб привезут?

— Да.

— Сломался, — объяснил Жук, имея в виду хлебовозку, — на буксире притащили, у нас в гараже ремонтируют… Хлеба на всю деревню набрал?

— Нет.

— Сколько у вас там дворов? Восемь?

— Семь. Оттиха умерла. Осенью.

— Помню, — подтвердил Вовка и с шумным бульканьем влил в глотку пива. Еще раз приложился, и бутылка закувыркалась в грязный придорожный снег. — Весна начинается. Как и осень — гиблое время для стариков. — Он закурил, открыл вторую бутылку. — От развилки сколько — километра полтора до дома?

— Может, полтора.

— Не боишься один?

— Нет.

Односложные ответы не понравились Жуку, отбили охоту спрашивать, поэтому полностью отдался пиву. Вскоре вторая бутылка улетела в окно, за ней — третья. Жук лениво потянулся, выпятив рвущие рубашку бугры мышц, по-кошачьи пощурился на солнце, которое клонилось к лесу,

сонно похлопал глазами.

— Вздремну я.

Алексей как раз довел машину до развилки, притормозил. Когда Сашка Ридель выпрыгнул из кабины Жук захлопнул за ним дверцу, прислонился к ней, поерзал по стеклу, как испорченный «дворник», устраиваясь поудобней, и быстро захрапел. А Лешка не спеша повел погромыхивающий бревнами КамАЗ в райцентр.

Он отъехал метров на семьсот от развилки и увидел, что вдоль леса по дальнему краю поля бежит стая собак. Они были крупными и серыми, двигались прыжками след в след, то вырастая над снегом, то исчезая в нем. Лешка перевел взгляд на дорогу. Большие собаки, как волки. А может, и волки. Впереди был подъем, и Алексей начал разгонять автомобиль, чтобы не застрять. Двигатель загудел сердито, лобовое стекло прицелилось в багрово-серые облака. Натужно фыркая выхлопной трубой, КамАЗ преодолел подъем. Алексей убавил газ, и колеса заметались по колее, почти не слушаясь руля. А может, и волки, припомнилось Лешке.

— Риделенок, наверное, со страху на дерево залез и полные штаны наложил, — решил он вслух.

— Угу, — сквозь дрему буркнул Жук. Голова его посунулась книзу, машину тряхнуло, и он стукнулся о дверцу.

— У-у… — недовольно замычал Вовка, выпрямляясь. Он широко зевнул, потянулся, тряхнул лохматой головой. — Что ты там говорил?

— Ридель со страху вместе с деревом, наверное, трясется.

— Почему?

— Кажись, волки пробежали, целая стая.

— Где? — насторожившись, спросил Жук.

— По полю, что от развилки начинается.

— Точно волки, не ошибся?

— Может, и собаки, — ответил Лешка, — но больно крупные. Вот они пугануть Сашку!

— А если не успеет на дерево залезть?

Жук посмотрел на обочину. Глубоко, да и места мало, с прицепом не развернешься.

— Тормози!

Лешка удивленно посмотрел на него.

— Останавливайся! — рявкнул Жук.

Не успел КамАЗ остановиться, как Жук выпрыгнул из кабины. Лешка тоже вылез, подошел к нему. Вовка рылся в ящике для инструментов.

— Лешка! — не оборачиваясь, позвал он.

— Ну.

— Ты здесь? Давай отсоединяй провода и шланги, — он кивнул на провода сигнализации и шланги тормозной системы, связывающий тягач с полуприцепом. — Только быстро!

Алексей забрался на раму выполнять приказ. Рядом стучала кувалда: Жук оббивал наледь со штанг.

— Лешка!.. Лешка, мать твою.

Алексей подбежал.

— Помогай?

Он помогал наставнику выдвигать и устанавливать штанги, слушал сиплое дыхание, прерываемое буханьем кувалды и матюгами, видел руки Вовки — забрызганные кровью, волосатые и короткопалые. Они вминались в ржавое холодное железо, покрытое грязными бугорками льда, дергали его яростно, будто хотели отломать штанги. Когда Жук понял, что справится сам, приказал:

— Иди отсоединяй. Не будут выкручиваться — рви!

Алексей быстро справился со шлангом, в кабину залез одновременно с Жуком. Автомобиль натужно взревел, прыгнул вперед. Сзади протяжно взвизгнуло железо и ухнули бревна — тягач вылез из-под полуприцепа. Ох и намаются, когда

цеплять будут!

КамАЗ летел по петлистой дороге, подпрыгивал, клевал кабиной, казалось, сейчас врубится бампером в обледенелый рубец снега между колесами.

Вот и развилка. Тягач резко затормозил, просунулся юзом мимо поворота. Из-под колес взметнулась снежная пыль, автомобиль прополз по целине, выбрался на дорогу.

Алексей внимательно осматривал деревья на обочине. На хвойные нечего смотреть: елки слишком низкие, а сосны с гладкими стволами, не заберешься. Лиственные и достаточно высокие попадались не часто. Риделя нигде не было, зря только возвращались.

Вдруг звонко щелкнула педаль тормоза, автомобиль, наклонившись вперед кабиной, завилял, будто плыл по воде. Жук дернул рычаг ручного тормоза и выпрыгнул из кабины. Лешка вылез только после полной остановки автомобиля.

Владимир Жук стоял на обочине метрах в двадцати позади тягача. Он мял рукой усы и смотрел в одну точку. Алексей замер рядом, почувствовав, как холодеет темя. Возле толстого дерева на примятом, в оспинах человеческих и волчьих следов снегу валялась обломленная ветка. Ближе

к обочине лежал порванный портфель, а рядом — учебники и тетрадки. Там, где снег был взрыхлен больше всего и покрыт ржавыми пятнами, шевелились от ветра клочья одежды и завязанный пионерский галстук. Все это Лешка увидел в один миг, но выхватил другое, что разглядел не сразу: кость была свежая, с розовыми волокнами…

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Учитель математики Евгений Митрофанович по прозвищу Лисипед (за такое произношение слова «велосипед») с неизвестно где приобретенным кавказским акцентом говорил:

— Дэти, запишитэ тэму урока…

Алексей нехотя поводил ручкой в общей тетради, одной на все предметы, поднял голову. Лисипед, как всегда, искал тряпку — заглядывая в стол, за доску, под стул и так низко наклонялся, что очки с треснутыми стеклами в коричневой оправе, перевязанной в нескольких местах синей изолентой, сползли на самый кончик пористого, в красных прожилках носа. Нашлась тряпка в кармане пиджака. Там же оказался и мел, поэтому карманы и рукава постоянно были белые. Трясущейся рукой учитель начертил пирамиду. Линии получились кривые, точно бумажные пирамиду облили водой и она расползлась. Видать, наклюкался вчера на зависть сапожнику, а похмелиться не успел. Иначе бы вызывал к доске и засыпал во время ответа ученика, кунял носом, пока не упадут очки. Если они оставались целы, выводил в журнале жирную пятерку, а если разбивались,

к концу урока полкласса оказывались в коридоре, причем Порфиров и Тюхнин — первыми. Сегодня же Лисипед будет что-нибудь отчаянно доказывать, обращаясь к доске, а не к ученикам, потому что эти бестолочи, как он повторял время от времени, все равно ничего не поймут. А зачем понимать? Баранку и без математики можно крутить. В окно и то интересней смотреть.

Весна запоздала на месяц, скоро май, а в кустах, в тени забора, все еще стоят лужи от недавно растаявшего снега. На широкой планке, что прибита к верхушкам штакетин, развалился рыжий кот. Шерсть у него клочьями — линяет. Хорошо коту: лежи себе, жмурься на солнышке — ни забот, ни хлопот.

Кроме Лешки за котом наблюдали две вороны. Они перекаркнулись и перелетели с дерева на забор. Та, что села с хвоста, повертела черно-серой головкой, осторожно, бочком, подкралась к коту и клюнула. Рыжий встряхнулся, проводил злым взглядом убегающую птицу, лег головой в ее сторону. Не успел он закрыть глаза, как вторая ворона выдернула из хвоста порядочный клок рыжей шерсти. Кот перелег головой к ней, но тут же получил от первой. Гонялся рыжий за птицами, отчаянно колотил хвостом по планке,

злобно фыркал, но едва расслаблялся в дреме, как подскакивал от боли. И сдался — спрыгнул с забора и, стыдливо понурив голову, затрусил по тротуару под насмешливое карканье ворон. Обидчицы сошлись там, где он лежал, посидели рядышком, праздную победу, а затем перелетели на дерево.

А Лисипед все еще вбивал знания в доску да так, что мел раскрошился, пришлось брать другой кусок. Никто учителя не слушал. Гилевич передал записку Смирновой. Светка прочла и покрутила пальцем у виска. Заметив, что Лешка смотрит на них, густо покраснела. Тюхнин пережевывал бумажку и с помощью пластмассовой линейки обстреливал одноклассников липкими шариками. Девочки шушукались и смеялись.

Надо было прогулять, но Вовка Жук заставляет учиться, говорит, иначе на шофера не возьмут. Врет: в ПТУ с любыми оценками берут. Но спорить с ним бесполезно: сказал и баста — в рейс во время уроков не берет. Придется сидеть в душном классе и рисовать в тетради «антонобили» — так их называет Лисипед.

На перемене Порфиров, Тюхнин и Гилевич пошли за школу курить. Сразу за углом, не боясь учителей, стояли старшеклассники. Ближе к

деревьям и пугливо оглядываясь — малышня. И курили младшие в основном бычки, редко у кого была целая сигарета, да и та на двоих или троих. Лешка остановился около старших, ожидающе посмотрел на Гилевича.

Вовка спросил, как приказал:

— Ну, кто даст закурить?

Щедрых не нашлось. Все боязливо поглядывали на Порфирова, ему одному дали бы, а троим — уж лучше рискнуть. Не повезло Филиппскому.

— Давай, — пристал к нему Гилевич.

— Нету.

Вовка похлопал по карманам семиклассника.

— А это что?! А ну, вынимай!

У Филиппского забегали под скулами острые желваки, будто гонял под кожей согнутые лезвия, глаза сузились. Лешка с презрением наблюдал за ним.

— Что кривишься? Не нравится? — издевался Гилевич, вынимая из пачки все сигареты, кроме последней: и милиция не забирает. — А то смотри, могу и по соплям заехать, чтоб нравилось!

Кулаки Филиппского дергались, словно давил в них резиновые мячики. Дави-дави, нечего было жлобиться. Отдал бы сразу три сигареты, теперь бы не щерил зубы… А остальные — тоже

хороши: стоят, лыбятся, довольные, что не к ним пристали. Причем старшие — с облегчением, а младшие, кто слабее Фили, еще и со злорадством. Дай Лешка команду, забили бы Филиппского, как мамонта. Все — гниды трусливые. Лупить их надо, как псов шелудивых.

Алексей забрал у Гилевича трофейные сигареты, дал по одной дружкам. Покурив, отправился домой, чтобы успеть пообедать до приезда Жука.

Недавно был аванс, поэтому мать ходила веселая. Она наложила ему картошки, нарезала сала. После того, как неделю назад Алексей заступился за нее, помог справиться с буянившим отцом, отношение к нему стало совсем как к взрослому.

Ездил с Жуком до вечера. Загнав КамАЗ в гараж, выпили с шоферами. Для них Лешка уже был своим, поговаривали, что когда вернется из армии, то сядет в автомобиль Жука, а Володя к тому времени получит новый. Правда, и в магазин гоняли как своего — обязанность младшего. Ничего, когда-нибудь появится другой молодой. Возвращался домой по темным безлюдным улицам. От нагретой за день земли пахло прелыми листьями. Где-то в дальнем конце поселка надрывался магнитофон и тарахтел мотоцикл. Пойти бы похороводиться, но сил уже нет. Вроде нетруд-

ная работа — крутить баранку, а спина болит и шея покалывает, будто за воротник репейников насыпали.

На лавке у дома Смирновых сидела парочка. Алексей прошел бы мимо, но окликнули голосом Гилевича:

— Леш, закурить нет?

— Есть.

Рядом с Гилевичем сидела Светка. Она виновато посмотрела на Лешку и уставилась на собственные туфли. Он сел на лавку, удивленно покосился на Смирнову. Раньше как-то и в голову не приходило, что за ней можно ухаживать. Луна осветила Светкино лицо, хорошо видны были четко очерченные губы, длинные, загнутые кверху ресницы, сережки в форме кленовых листьев, конский хвостик на затылке. Лешке припомнилось, как прижимались к его ребрам маленькие груди во время танцев в новогоднюю ночь.

— Что-то холодно, — произнес он и обнял Смирнову за талию, подсунув руку под кофточку. — Погрей меня, Свет.

Она немного посопротивлялась, но не смогла вырваться из крепких рук и даже оказалась чуть ближе к Алексею и не отодвинулась. Лицо ее закаменело, на щеки легла тень.

— Леха, мне надо сказать тебе кое-что, — буркнул Гилевич.

— Говори.

— Нет, по секрету, давай отойдем.

Алексей прошел за Гилевичем метра три, на ходу готовясь к драке.

— Ну?

— Понимаешь, — поправляя рукой пробор, заискивающе начал Вовка, — у меня с ней того… ну, сам понимаешь…

Драки не будет. Жаль. Так бы хоть уважал Вовку.

— Ну и что?

— Ну, это… мешаешь ты.

Алексей не испытывал особого желания сидеть со С веткой, но процедил сквозь зубы:

— А может, ты?

— Леш, ты чего?! Понимаешь, я же с ней серьезно…

— Ну и что?

— Леш? — взмолился Гилевич.

Его унижение взбесило Порфилова.

— Пшел отсюда?

— Ты чего, Леш! Ну не надо…

Закончить не успел, потому что получил под дыхало. Гилевич крякнул и замер полусогнутый.

Чуб упал на глаза, прикрыв слезинки в уголках. Если бы Вовка дал сдачи, Лешка не бил бы больше. Может, разок врезал бы, но не отнимал Светку. Однако сопротивления не было, поэтому, раззадоривая, щелкнул Вовку по кончику носа.

— Так кто лишний?

Еще щелчок.

— Так кто?

Гилевич кривился и молчал, а глаза метались загнанно со Светки на дорогу к дому и обратно. Веснушчатые щеки плаксиво расползлись и мелко задрожали.

— Лешка, прекрати! — возмутилась Смирнова.

— Пшел отсюда! — подражая интонации Жука, приказал Порфиров и, когда Гилевич развернулся, пнул ногой под зад.

— Сыкун!

Вовка, спотыкаясь, побрел в сторону, противоположную Дому.

— Зачем ты так? — жалостливо спросила Смирнова.

— Трус! — коротко бросил Лешка, садясь на лавку.

— Все равно не надо было.

— Если тебе так жалко его, можешь догнать! — Алексей и сам чувствовал жалость к Гилевичу,

но гордость не позволила признаться в этом.

Светка не побежала догонять. И не сопротивлялась, когда Лешка обнял ее и поцеловал. Губы у нее были податливые и неумелые, боязливо подрагивали, точно боялись, что их сейчас укусят. Она спрятала лицо на груди Алексея и мяла руками рубашку на плечах. От нее пахло такими же духами, как от Юлии Сергеевны, наверное, у матери взяла. Запах этот напомнил, что у Светки есть груди, что она такая же женщина, как учительница или Бандитка, что с ней можно…

В доме скрипнула дверь.

— Света, домой иди, — строго позвала бабка.

— Рано еще.

— Домой-домой, хватит. И этого гони.

— За что меня гнать? — шутливо возмутился Алексей.

— Никак ты, Леша?

— Он самый.

— А-а… Я думала, полицаенок, — уже спокойно сказала бабка. — Ходит тут…

— Баб, так я еще посижу? — попросила Света.

— Только недолго, а то мы спать ложимся.

Они просидели чуть ли не до утра. Лешка боролся с ее маленькими теплыми ручками и никак не мог осилить. Будто извиняясь за сопротивле-

ние, припухшие Светкины губы жадно льнули к Лешкиным губам.

А на следующий день Порфиров лишний раз убедился, как быстро разносятся слухи по поселку. Во-первых, все с ехидными улыбочками посматривали на него и на Светку, а во-вторых…

После уроков он пошел за школу. Сигареты у него были, стянул у бати. Угостив Тюхнина, стал с ним чуть поодаль от всех, поддеревом с ярко-зелеными распускающимися почками и прислушался к гулу машин на дороге. Он уже научился по гулу отличать КамАЗы и даже иногда угадывал Вовкин.

За школу пришел Гилевич. Избегая смотреть на Порфирова, подошел к Филиппскому и попросил без вчерашней наглости:

— Дай закурить, Филя.

Семиклассник покосился на Лешку. Тот отвернулся: меня это не касается. Филиппский сквозь зубы матюгнулся, предложив вместо сигареты кое-что потолще.

— Ты чего — деловой стал?! — возмутился Гилевич.

Не успело замолкнуть последнее слово, как Вовка, дернув головой, полетел на землю. Тело его загудело под ногами Филипп-ского, как мешок

с картошкой. Бил Филя долго и от души.

Когда Гилевич прекратил закрываться руками и вскрикивать, Порфиров остановил Филиппского:

— Хватит!

Филя не удержался и еще разок врезал.

— Ну?!

Семиклассник нехотя отошел.

Порфиров швырнул окурок в лежавшего на земле Гилевича. Бычок серой головкой стукнулся о грязную щеку, скатился в густую лужицу у рта. Лешкиному примеру последовали остальные, но не у всех получалось так же метко. А один пятиклассник, дохлый и зашуганный, проходя мимо Гилевича, радостно всхлипнул и заехал ногой по ребрам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Так ты говоришь, пошутил Мишка с Надькой, а она надулась? — переспросил Жук.

— Ага! — хохотнув, подтвердил Лешка.

— Значит, завтра свадьба — самогоночки попьем от пуза?

— Тюхнины много наварили. Гришка давал попробовать: крепкая, — сообщил Алексей. — А Кузины водки накупили.

— Где достали? Сейчас же сворачивают везде, «сухой закон» собрался вводить… — повесить бы его за яйца! — ругнулся Вовка Жук.

Ключ соскочил с гайки. Жук рукой ударился о раму автомобиля.

— Черт!.. Нет, без выпивки — это не работа, даже гайки не слушаются. Леха, а ну, плесни полстакашка.

КамАЗ стоял на эстакаде в дальнем углу леспромхозовского автохозяйства. Солнце нагрело кабину, внутри было душно. Алексей достал из-за сидения чекушку самогона, выпил сам, налил наставнику.

— Подержи, я докручу, — попросил наставник. Справившись с гайкой, стукнул по ней клю-

чом. — Держит, собака… Давай стопарь.

Жук медленно и со вкусом выпил, аппетитно захрустел моченым яблоком. Вытирая усы, он с сожалением произнес:

— Да, грабанули за зиму рулевку, придется помудохаться с ней.

— Может, заменим? Вон с того снимем, — показал Алексей на разбитый, но пока не раскулаченный КамАЗ.

— Ух ты, шустрый какой! — Вовка снисходительно улыбнулся. — Тогда уж лучше поменять прокладку.

— Какую?

— Между рулем и седушкой?

Лешка обиженно засопел.

— Ладно, не дуйся, — примирительно сказал Жук, опускаясь на землю у столба эстакады. — Эх, лето подходит! Ишь, трава как полезла. Хорошо тебе, до осени гулять будешь… Экзамены сдаешь?

Алексей пожал плечами.

— Пришел, трояк поставили, ушел.

— Лишь бы не двойки. Получишь аттестат, вези сразу в ПТУ, в группу на водителя-автослесаря.

— Туда, говорят, конкурс, просто так не попадешь. Придется на тракториста.

— Возьмут, — пообещал Жук. — Вдвоем поедем, у меня там знакомые есть, похлопочу.

Во двор заехала черная «Волга» и директорский «газик».

— О, начальство прикатило. Давай за работу, — приказал Вовка Жук.

Лешка взял ключ, полез под кабину закручивать гайки и колеса, куда не просовывалась рука наставника. За работой не услышал, как к машине подошли люди.

— Ремонтируют? В такое время? — спросил незнакомый голос.

Алексей наклонился и увидел рядом с эстакадой двоих мужчин в костюмах и белых рубашках с галстуками. Из района, наверное, а может, из города. Сопровождали их директор и главный инженер.

— А этот что здесь делает? — кивнул на Порфирова худощавый мужчина с высоким лбом, разделенным наискось вздувшейся жилой.

— Братуха… помогает, — виновато ответил Жук.

Начальник гмыкнул, пошел дальше.

— А это что? — вопрос относился к разбитой машине.

Директор начал было объяснять, но худоща-

вый оглянулся на Порфирова и пошел дальше. Метрах в пятнадцати от эстакады остановился и принялся негромко отчитывать директора. Алексей не слышал слов, но по выражению лица догадался, что ругает крепко. Директор стоял со склоненной головой и опустив руки по швам, бульдожья щека покраснела, бордовым было и ухо. Затем начальство пошло дальше, а главный инженер вернулся к эстакаде.

— Выезжай, — с просьбой в голосе приказал он Жуку.

— Доделать же надо! Все равно придется…

— В начале месяца станешь на ремонт, — пообещал главный инженер.

— И поздно уже. Пока разгрузят — это когда я вернусь? — по инерции сопротивлялся Жук, но Лешка видел, что выедет Вовка.

Инженер молча смотрел на шофера.

— Ладно, потом доделаю, — пряча глаза, сдался Жук. Когда главный инженер ушел, объяснил: — После праздников прикрыл меня, вместо прогулов ремонт протабелировал… Собирай ключи, поедем. Хотя нет, один мотанусь — быстрее будет.

— И меня возьми, — попросился Алексей.

— Успеешь баранку накрутиться, вся жизнь

впереди. Лучше или девкам подолы над головами закручивай: стране солдаты нужны! — хохотнул Владимир Жук.

До производства солдат Порфиров и Смирнова еще не добрались, сидели в обнимку у ее дома. Лавка была вделана в забор, пока не поравняешься с ней, видишь только ноги сидящих — Светкин дед все делал с выдумкой, чтоб не так, как у других. Смирнова уже привыкла к визитам Лешкиных рук ей за пазуху, стеснялась не столько его, сколько любопытных. Было даже что-то материнское в том, как она поводила плечами, спуская бретельки лифчика, чтобы Лешка быстрее добрался до маленьких, торчащих вбок грудей с большими упругими сосками. Затем клала голову ему на плечо и вертела пуговицу на рубашке, а он — привычно, больше доказывая право делать это, а не из желания — теребил сосок, вдавливая в податливое тело, словно хотел дотронуться им до тревожно бьющегося сердца.

— Больно, Леш! — шепотом взмолилась Света.

Он вынул руку из выреза платья. Светка прижала ее к своей щеке, потерлась.

— Какие у тебя руки… большие, сильные! — И вдруг сообщила: — Скоро экзамены кончатся.

— Скорей бы.

— А мне не хочется. — Она помолчала, отпустила его руку. — Мама письмо прислала, хочет, чтобы я приехала на каникулы. Ее пароход все лето будет на Черном море… Ты когда-нибудь видел море?

— Нет. В кино только.

— А я видела. Красивое. Голубое-голубое!.. Только мне не хочется уезжать, — печально закончила она. — Леш, а давай ты со мной поедешь?

— Не отпустят. И на пароход не возьмут.

— А ты работать к ним устройся. Юнгой или кем там?

— Молодой еще работать. Вот получу паспорт, тогда… Но все равно я буду шофером.

— Уезжать не хочется, — со вздохом повторила она.

Закрапал мелкий дождь. Лешка обнял Свету за худенькие плечи, сильно прижал к себе, будто расстаться должны прямо сейчас. А может, к лучшему, что она уедет…

Ночью его мучил кошмар, преследующий с детства. Из угла комнаты выкатился черный шарик. Он не спеша надвигался на Лешку и с каждым оборотом, словно наматывал на себя темноту, становился в несколько раз больше. Беззвучный оборот, еще один — шар заполнил всю комнату,

навис над кроватью. И катится дальше. Непроницаемая, жуткая от неземной тяжести масса поднимает угол одеяла, утягивает к полу. Вот-вот она доберется до Лешки. Непослушные руки не в силах остановить шар, надо отползти, вжаться в стену. Поздно. И вопль отчаяния и ужаса рвется из сведенного спазмом живота… И пробуждение: то ли от крика, то ли от холода стены, всасывающей пот от спины. Слабая, трясущаяся рука размазывает по лбу, вискам ледяные капли, а сердце бьется гулко, как полное ведро о стенки бетонного колодца… Надо покурить, успокоиться.

На кухне было прохладно, пахло березовыми поленьями. Сигаретный дым перебил этот запах и наполнил комнату сизыми облаками. И на небе такие же облака, только крупнее и с белесыми кромками, подсвеченными яркой, надбитой луной.

Выхоложенная постель согревала медленно, замерзшие ноги казались чужими. Не успел Алексей вжиться в простыню и одеяло, как на соседней койке совсем по-щенячьи заскулили. И Вальке достается. Скуление повторилось. Четыре шага по холодному полу, привычное поглаживание мягких растрепанных волос — и сестра перевернулась на спину, задышала ровнее: отпу-

стил щенок. И опять ноги как чужие и желание скорее заснуть. Плотнее сжать веки, отвернуться от темного угла и преодолеть желание глянуть туда.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Леха, слышал, — Гришка виновато воротит морду, — Вовка Жук… это… разбился.

— Врешь!

— Ну, чего ты хватаешь?! Отпусти, слышишь! — упрашивает Тюхнин.

— Где? Когда?

— Отпусти — скажу! — Гришка поправляет светлую рубашку, проверяет, целы ли пуговицы.

— Ну?!

— На повороте, что на девятом километре. Два дерева срезал, заснул, видать. — Тюха испуганно отступает, скороговоркой добавляет: — Так бате рассказал Петька Базулевич.

— Где он?

— Базулевич? В больнице у Вовки.

— Он жив?

— Ну. — Гришкины глаза с тревогой следят за Лешкой. — Но говорят, здорово побился.

— Суки! — Лешка ударил кулаком в стену. Косточки хряснули, кисть свело от боли, пальцы не разжимались. — Су-у-ки! — растопыренные пальцы вдавливались в левую щеку, не давая ей дергаться.

— Пошли — едут! — прошипел Ванька сквозь стянутые металлическими скобами зубы. Две недели назад ему сломали в общежитии челюсть, и теперь он говорил с трудом и невнятно и ничего не ел, только пил. Лицо его, с постоянно приоткрытым ртом, заполненным металлом, стало совсем как у взнузданной лошади, а вокруг глаз залегли фиолетово-лиловые тени, будто от шор.

— Идите, — отпустил Алексей братьев.

Ноги подкосились, Лешка сел на пол. Сидел скукожившись, обхватив левой рукой правую, сжатую в кулак, и дул в него, наполняя горячим воздухом, пахнущим табаком. В груди пульсировал комок тошноты, как бывает, когда упадешь животом на что-нибудь твердое.

Мимо Лешки, обсыпав пшеном, которое падало с фаты и подвенечного платья, прошла Надька Тюхнина, теперь уже Кузина. Рядом с ней шел Мишка. Следом, наступая жениху на пятки, повалили родственники и гости. Мужская, сильная и пахнущая машинным маслом рука подхватила Порфирова, потащила к праздничному столу.

Стульев не хватало, и, чтобы побольше поместить людей за столом, на табуретки положили длинные оструганные доски.

Лешка сидел на доске, покачивался, когда

кто-нибудь из соседей вставал или садился, и, преодолевая тошноту, пил самогон. Мутный напиток продирался по горлу, вспыхивал в животе и быстро гас.

А за столом пили и ели, смеялись и дружно орали «горько!», поздравляли молодых и подшучивали над невинностью брюхатой невесты. В торце стола поднимались две фигуры — толстая и худая — и нехотя, словно отбывали наказание, целовались. Лешка переводил взгляд с молодоженов на потные, красные, ухабистые рожи и не мог понять, зачем они здесь и зачем здесь он.

Доска под Алексеем качнулась, на плечо упала тяжелая рука.

— Ле-ха! — загудело над ухом.

Перед глазами повисло лицо Базулевича — опухшие, заросшие темной щетиной.

— Ле-ха! — ревел он. — Умер!.. Леха, братишка, умер!

— Да? — безразличным голосом произнес Порфиров.

— …Я виноват, я! — Базулевич прижал Лешку к себе, точно хотел от него согреться. — Братишка! Сразу надо было ехать, сразу! А мы… а я… — Губа его вывернулась, расползлась по лицу. — Он так кровью истекал, ждал меня… Если б сразу…

— Да?

Базулевич залпом опорожнил стопку, похоронил ее в смуглой лапе. Звонко стрельнуло стекло, лапа разжалась, упали осколки со светло-коричневыми подтеками, на скатерти появилась дорожка из бурых пятен.

— Мою кровь, говорю, берите. Как не подходит?! Он же как брат мне!..

— Да?

Алексей боялся дышать. Вот сейчас хлебнет воздуха всей грудью — и разлетится вдребезги, разнесет дом.

— Пей, братишка, пей!.. За Вовку, за… — Базулевич всхлипнул. — Ну, гады!

Доска качнулась, и вдруг рядом с Лешкой оказалась Смирнова.

— Леш, а Леш?.. Успокойся, Лешенька… Руку — больно!

В комнате истерично завизжали, зазвенела бьющаяся посуда, упала доска. В дверях, матерясь, давились гости. Алексея потянуло за ними. Прохладный воздух шибанул в ноздри, протрезвил немного. В центре двора Лешка увидел Петра Базулевича. Коленвальчатые руки шофера отталкивались от красных морд и втыкались в другие, такие же окровавленные. Лешка рванулся на

помощь — и повис на чьих-то руках.

— Пусти! Пусти, су… ка! — хрустнуло в плечах, болью распахнуло рот, в глазах поплыло. — Петька, держись, я сейчас? Я!!

Базулевич лежал на земле, кто-то дотанцовывал на нем. Затем все исчезли, и Лешкины руки безжизненно упали вдоль тела, а сам — на колени рядом с Петром.

— Петь!.. Петя!

— Ничего, братишка, ничего… Со мной они не справятся… Я им… — бормотал Базулевич и размазывал по лицу густую юшку.

— Пошли домой, Петь. — Лешка помог ему встать.

— Все, братишка, дальше я сам… сам… Уйди, Леха, я сам…

Алексей стоял у ворот, смотрел, как грузная, неповоротливая фигура врезается в заборы, с трудом выворачивает на тротуар и рывками, точно бульдозер без тракториста, движется вперед. Теперь надо найти тех, кто бил Базулевича. Хотя бы одного…

Маленькая рука вцепилась в его плечо.

— Леша, подожди!

Худенькое тело прижалось к нему, затряслось в ознобе.

— Лешенька, не ходи туда, не бросай меня. Я так боюсь… Ты в крови весь, пойдем, умою.

Холодная струя с урчанием дробилась о железный желоб и беззвучно — о горячую Лешкину голову. Он вытерся подолом рубашки и попытался вспомнить, что же должен был сделать, куда собирался идти?

— Пошли, Лешенька.

Она посадила его на бревно, которое лежало у задней стены сарая, зажатое с двух сторон молодой крапивой. Алексей прислонился головой к нагретым за день бревнам. Дыхание было тяжелым, словно только что отмахал стометровку на время. Светка что-то говорила, целовала, размазывала тонкими пальцами капли, стекающие на щеки с волос. Вдруг он понял, что должен сделать, чтобы спрятаться от сверлящей боли, и обнял и подмял под себя вскрикнувшую Светку, покрыл ее лицо беспорядочными поцелуями. Она губами ловила его губы, пыталась удержать их, успокоить, но покоя-то Лешка и не хотел.

— Нет… Нет, Леш! — вырывалась она.

Алексей схватил ее за плечи и стукнул головой о стену. Протяжное эхо отозвалось внутри сарая, закудахтала курица. Смирнова, будто сломанная в пояснице, посунулась вперед и вбок, падая ли-

цом на бревно. Лешка подхватил ее, перевернул на спину, а потом сорвал со Светки маленькие и тонкие трусики.

— И-и!.. — на выдохе всхлипнула она, напряглась всем телом, скрипнула ногтями по рубашке и сразу расслабилась, покорно замерла под ним…

Он уже оставил ее в покое, торопливо курил, стараясь не глядеть на Светку, потому что чувствовал к ней отвращение, а она все лежала неподвижно, как мертвая. Вдруг провела рукой по животу и бедрам, одергивая платье, перевернулась на бок и часто и прерывисто засопела, точно принюхивалась и никак не могла разобрать, чем пахнет, а потом, глубоко вздохнув, взвыла, а выдохнув, зарыдала. Голова билась о сложенные крестом руки, конский хвостик подпрыгивал на затылке, узкие плечи дергались, ноги судорожно кривились.

Алексей одной затяжкой докурил сигарету, стрельнул окурок в крапиву. Двинуть бы Светке по голове, размазать по бревну, чтобы не слышать ее плача. Он подошел к цветущей вишне, рубанул ладонью по веткам. Белые лепестки рывками, будто подталкиваемые плачем, полетели к земле. Их парение приглушило Лешкину злость.

— Ну, чего ты?! Хватит реветь! — произнес он,

подойдя к Свете, и погладил ее по плечу. Сустав колыхался в его ладони, и Лешка сделал усилие над собой, чтобы не сдавить плечо до хруста. — Не плачь, Свет… не хотел я… ну, хватит…

Домой шли огородами, Смирнова чуть впереди, обхватив руками грудь. Возле садовой калитки остановилась, ухватилась за верхушку штакетины, чего-то ожидая. Алексей переминался с ноги на ногу, не зная, что делать или говорить. Чем дольше так стояли, тем злее становился. Ногти привычно начали врезаться в ладони, в костяшках суставов появился зуд, как в заживающей ране.

И вдруг злость исчезла: Светка прильнула к нему, сухие губы обожгли уголок его рта. Хлопнула калитка, взбрехнул и звякнул цепью Полкан, тихо скрипнула дверь дома.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Жарковатый выдался денек. Тут еще голова после вчерашней пьянки потрескивает, как перезрелый арбуз, а во рту погано, будто кошки там нагадили. Лешка лениво жевал травинку и вспоминал фразы из письма. Первый раз в жизни получил и выучил наизусть. Местами оно было непонятным, городским, а местами — Светкой Смирновой. «Мы же с тобой муж и жена…» Быстро она за обоих решила! Неужели все так просто?! А впереди все как у родителей?.. Лешка сплюнул тягучий зеленый комок.

— Леха, так ты в ПТУ не пойдешь? — спросил Гришка. Лежал он на спине, с закрытыми глазами, и время от времени, выпятив нижнюю губу, сдувал с носа назойливую муху.

— Не-а.

— А чего, давай со мной на тракториста. Он сказал, что примет.

— Да пошел он. — Алексей отшвырнул травинку.

— Зря поссорился. Ванька говорил, он выделываться любит, припомнит все. К нему ведь попадешь: больше некуда.

— В город, может, поеду, если денег достану, — сообщил Алексей.

— В городе хорошо. — Гришка шлепнул ладонью по щеке, завозил толстыми пальцами, смахивая расплющенную муху.

Лешка отвернулся, чтобы не видеть пальцы. Они были похожи на те — бескровные, белые, с прямоугольными плоскими ногтями, а ногти с синеватым ободком. Но те спокойно лежали на животе. Лешкина рука тогда потянулась к ним — и опала на черную материю, которой была обшита сосновая доска, плохо оструганная, если рукой проведешь по ней, поймаешь занозу. Лицо было совсем непохожее: из-за шрамов. И вовсе это был не Вовка Жук, кто-то другой…

— Будешь, Леха? — угощает сигаретой Гилевич. После избиения он стал надломленным каким-то и заискивающим до тошноты.

Чиркнула спичка, и бесцветное пламя заколыхалось перед глазами, затемнило кончик сигареты, налила его красным. Горечь набилась в горло, щекочет ноздри.

Возле забора Димка Титов дразнит козу. Та мелко трясет бородой и, подогнув ногу, изображает нападение: чуть подается вперед, наставив на мальчишку рога. А Титов, высунув язык, кривится

и хлещет веткой по бородатой морде. Себя бы похлестал. Треугольная физиономия Димки как бы вогнута от ударов кулаком. Первый раз ударили по переносице, и вперед торчат чуб и остренький нос, а второй — по зубам, и подбородок стал такой же острый и выпирающий, как нос.

— Над козой, гад, издевается, — равнодушно произнес Алексей.

Гришка приподнялся.

— Титов, что ли?

— Угу.

— Может, всыпем? — лениво спросил Тюха.

— Бить некого, — возразил Лешка. — Лучше привязать к забору и козу натравить.

— Кричать начнет, а Титиха дома, услышит, — заметил Гилевич. — Отведем куда-нибудь, а там…

— И что с ним сделаем? — спросил Гришка.

— Раба, а? Как в киношке, что в субботу смотрели, — предложил Вовка.

— Можно, — согласился Лешка и поручил Гилевичу: — Позови его на Пашкино болото. Рыбу ловить.

— Откуда там рыба?

— От верблюда.

— А-а… — дошло до Гилевича. — Димка! Иди

сюда?

Титов остановился метрах в пяти, чтобы успеть смыться в случае чего. Остренький нос дергался и целился то в Порфирова, то в Тюхнина, то в Гилевича. На треугольной физиономии любопытство чередовалось с подозрительностью.

— Пойдешь с нами на Пашкино болото рыбу ловить?

— Разве там есть рыба?

— Ну. Караси. Вот такие, — отмерил Гилевич ладонь. — Вчера бреднем ведро наловили.

Титов смотрел на него недоверчиво.

— Мы будем бредень таскать, а ты рыбу и нашу одежду переносить. Улов поровну, — объяснил Алексей.

— А бредень где?

— Там спрятан.

Титов колебался.

— Как хочешь, — равнодушно произнес Тюхнин, — и без тебя справимся.

— Нет, я пойду, — согласился Титов.

Порфиров шел последним. Титов не поспевал за Гришкой, приходилось подгонять.

— Не отставай, — толкал в спину Алексей.

Доходяга чертов! Сестра вон какая, а этот… Но та тоже — стерва! Смеялась ему в лицо и грозила

написать Светке, недотрога, а саму за клубом…

Кулак Лешкин опять угадал между острыми лопатками.

— Не отставай?

— Я и так запыхался! — ноющим голосом оправдывался Титов.

Расположились на том месте, где год назад пекли утку. От костра осталось несколько головешек, да трава была пониже и зеленее, чем вокруг. А вокруг!.. Пашкино болото захлебывалось в зелени. Казалось, белые с темными метинами стволы берез чудом удерживаются на поверхности и вот-вот, прощально качнув кронами, утонут в сочной траве. Над островками камыша без опаски кружились стайки чирков. В дальнем конце луга призывно крякал селезень. Ему отвечала из леса сорока. И в лесу было по-летнему радостно. Звонкие стволы сосен будто собирались оттолкнуться от земли и полететь в небо, а рядом с ними, точно боясь последовать их примеру, испуганно присели елочки. Вот только запах — смолистый, липкий — напоминал, что из сосен делают гробы. Чтобы заглушить его, Лешка взял у Гилевича сигарету.

Они сидели на траве, курили, а Димка стоял, вцепившись руками в штаны на бедрах, и носик

у него подрагивал, как поплавок при легкой поклевке. Титов догадался, что с рыбалкой его надули, и пытался угадать, зачем привели. На всякий случай спросил:

— А где бредень?

Ответа не услышал.

— Пойду я домой? — попросил он.

— Успеешь, — ответил Порфиров. — Сначала расскажи, зачем козу мучил?

— Я не мучил… Ребята, вы чего?! — Маленькие кулачки затерли глаза, крысиная мордочка скривилась, готовясь зареветь, тихое повизгивание задрожало на губах.

Оно и взбесило Лешку. Ну, гнида, еще ведь не били? И не хотел же бить, но как такую мразь??. Он вдавил окурок в землю, рывком поднялся. Не целясь и не в полную силу влепил по носу.

— О-у?.. — взвыл Димка, пряча мордочку в ладони, и присел будто специально, чтобы удобней было ударить ногой. И распластался от такого удара.

Били его долго, словно каждый пытался отфутболить от себя худое тело, но никак не удавалось. Оно не успевало опуститься на землю. Рубашка задралась, и видно было, как под носками туфель вминаются ребра. Димка сперва вскрикивал,

потом хрипел. потом затих.

Порфиров отвалил от замордованного тела, уперся позвоночником в шершавый ствол дерева, осел на траву.

— Курить… дай, — устало попросил он.

Кровь стучала в висках, легкие горели от недостатка воздуха. Никотин ежиками прокатился по венам, замутил глаза. И щека дергалась из-за этого… этой мрази.

Не успел Лешка докурить, как Тюхнин вскрикнул с радостной язвительностью:

— Шевелится?

Гришка подгреб к Титову, ударил ногой по голове, еще и еще. Обе руки его при каждом ударе дергались вперед.

Алексею не хотелось вставать, поэтому разозлился и Tenepi молотил, не глядя и не думая, по инерции, словно выполняя нудную, неприятную работу. Остановился от удивления: глаз Титова выполз из глазницы, дрожал мутной красной каплей и, казалось. сейчас упадет и покатится по траве, облепливаясь соринками.

— Хорош, — приказал Порфиров.

Опять курили. Где-то рядом свистела птичка. Алексей попробовал отыскать ее в густой зелени листьев. Не нашел. Взгляд noблуждал по кронам

и замер на клочке неба с белой пенкой облака. Затем смотрел на луг, на пестрые брызги цветов. Хорошо летом: все красивое, веселое… Посмотрел на Димку. Льняные волосы Титова выгнулись темными сосульками, из уха на щеку текла кровь, уже подсыхала. К бурому наросту подбежал рыжий муравей, ткнулся, шевеля усиками, в него головой, попробовал в другом месте. Усики задергались быстрее, муравей развернулся и шустро засеменил по скуле и горлу к земле.

— Сдох или нет? — спросил, как загадал загадку, Тюхнин.

— Все равно сдохнет, — испуганно ответил Гилевич. — А если не сразу, если расскажет? Ох и влетит нам!

Над полянкой шелестели листья, поскрипывали кроны сосен, но тишину затянувшегося молчания заполнить не могли.

— Может, это? — толстопалая рука вынула из кармана перочинный нож.

И надо было этой падали козу мучить?! Теперь из-за него сорвется поездка в город. Когда узнают обо всем, денег уж точно не дадут. А очень надо уехать из поселка.

— Ну, что, Леха? — спросил Гришка.

— Давай.

Теплая пластмассовая рукоятка удобно легла в ладонь. Лезвие было коротким, потемнело от многих заточек и закруглилось в острие. Кожа спружинила под ним, не пустила вовнутрь. Порфиров выбрал другой белый островок среди синяков, ударил со всего маху. И чуть не упал, потому что, прорвав кожу, лезвие прошло легко, как в картошку. Титов вздрогнул. Алексей потянул нож на себя и отпрянул от кровяных брызг.

— На, — передал нож Гришке.

Тюхнин справился быстро. А Гилевич не захотел брать, его веснушчатый лоб заискрил капельками пота.

— Струсил? — презрительно бросил Тюхнин.

— Ну?! — приказал Порфиров.

Гилевич приставил нож к Димкиной спине, навалился на него.

— Ой! — вскрикнул Вовка и замотылял в воздухе порезанным пальцем.

— Балбес, в ребро попал! — Гришка вытянул согнувшийся нож, ударил по-новой. Пучок мягкой травы стер с лезвия кровь, упал в темную лужицу у крестца.

— Спрятать надо, — выдавил Гилевич и отвернулся.

Алексей посмотрел по сторонам.

— В озеро, там никто не найдет, — он взял Титова за руку, сказал Тюхе: — Бери за другую, потащим.

На берегу Гришка посоветовал:

— Камень надо, а то всплывет.

Он нашел камень, привязал рубашкой к телу.

Раскинув руки, будто в полете, Титов быстро пошел ко дну. А навстречу поднимались пузыри и расходились на поверхности кругами, покачивая мясистые листья кувшинок.

Порфиров умылся, хотел вытереться рубашкой, но передумал: на ветерке и так высохнет.

— Пойдем, что ли, — позвал Тюхнин.

— Пошли.

Алексей опять был замыкающим. Тропинка плутала по лесу, за одежду цеплялись ветки малины с бледно-красными ягодами, под ногами потрескивал сушняк. В Лешкиной голове была такая же тишина, как в лесу. Если бы еще этот… плетется, сволочь!

— Не отставай! — толкнул в спину.

— Ты чего?! — возмущенно спросил Гришка Тюхнин.

Алексей вскинул голову, удивленно посмотрел на кривые зубы меж пухлых губ и ничего не ответил.

ДЖЕК УИЛЬЯМСОН

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ

ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

Коллекционер, сердито пыхтя, ввалился в кабинет коменданта карантинной станции на Луне. Это был полный безволосый человек, его

проницательные льдисто-зеленые глаза утопали в складках жира.

— Я пролетел сотню световых лет, и вы прекрасно видите, кто я такой. — Он сунул коменданту под нос псионовые документы. — Я хочу взять в свою коллекцию хотя бы одного из этих странных антропоидов.

Коллекционер был уполномочен собирать образцы фауны для самого большого в обитаемой галактике зоопарка, и всем карантинным станциям предписывалось ему помогать.

— Тем не менее, — твердо заявил комендант, — эти существа относятся к человеческой расе, и моя станция здесь для того, чтобы охранять их от лишних контактов. Любой такой контакт может оказаться для них губительным…

— Да нам и нужен-то всего один экземпляр, — настаивал коллекционер. — И тот, кого мы возьмем, будет самым счастливым на этой планете. Вы посмотрите, в какой грязи они живут…

— Знаю, знаю, — кивнул комендант. — Я буду всячески помогать вашей экспедиции в рамках закона, но если обнаружу, что вы пытаетесь увезти одного из этих людей, я конфискую ваш корабль.

— Ладно, — махнул рукой коллекционер, — я

знал, что этим кончится. Мои люди изготовили очень похожие движущиеся копии, их и не отличишь от живых людей.

Корабль очередной раз опустился на Землю глубокой ночью, чтобы погрузить собранные образцы зверей и птиц. Пришельцы работали под видом странствующего зверинца — это не вызывало никаких подозрений. В эту ночь тоже, казалось бы, ничто не предвещало осложнений.

Однако… однако туземный антропоид сбежал из места заключения. Его преследовали, но он скрылся от погони, сменив несколько машин. Перекрыли все дороги, но в его распоряжении были обширные пустынные пространства. Когда кончился бензин в последней машине, он пересек гряду холмов пешком и оказался вблизи межзвездного корабля. К этому времени полиция уже успела обыскать грузовики пришельцев и не нашла беглого преступника.

Туземцы так никогда и не поймали этого человека. В результате какой-то дикой случайности он пробрался на межзвездный корабль. Преступником оказался молодой человек довольно крепкого телосложения. Лицо его было бы красивым, если бы не старый шрам на щеке. Звали его Кэйси Джеймс.

Туземец был вооружен острым ножом из закаленной стали.

В теле его, как и у всех жителей планеты, паразитировало множество микробов. Когда он ночью проник на корабль, все его тело подрагивало от голода и усталости. Кроме того, мучила пулевая рана на левой руке.

В темноте он даже не заметил корабль. На дороге стояла колонна грузовиков, и водитель последнего отлучился. Туземец залез в кузов этого грузовика и вместе с ним попал на борт корабля. Несколько дней он провел в грузовом отсеке вместе с животными, питаясь тем же, чем и они. Однако микроорганизмы продолжали размножаться в раненой руке, и наконец боль выгнала его из укрытия.

Туземец вышел к тем, кто ухаживал за животными и, угрожая ножом, потребовал медицинской помощи. Его без труда обезоружили и отвели в ветеринарный лазарет. Когда туда пришел коллекционер, туземца Кэйси Джеймса уже помыли и продезинфицировали, а рану обработали по всем правилам.

— Куда мы летим? — спросил Кэйси Джеймс. Он кивнул без сколько-нибудь заметного удивления, когда коллекционер рассказал о миссии и курсе

корабля.

— Ваши люди маскируются не очень-то хорошо, — заметил он. — Я сам видел их летающие тарелки.

— Летающие тарелки! — оскорбился коллекционер. — Они не имеют к нам никакого отношения. В большинстве случаев это отраженные изображения поверхностных огней, обусловленные атмосферными возмущениями. Скоро карантинная служба издаст справочник, где все это объясняется.

— Ладно, не о том речь… Легавые, наверно, до сих пор чешут свои толстые затылки, думая, куда же я подевался! — Вежливый псионовый переводчик на поясе у коллекционера жаргонное выражение «легавые» превратил в «стражей порядка». — Ну, и когда же мы попадем в этот ваш прекрасный зоопарк?

— Вы туда не попадете, — ответил коллекционер. — Мне нужен экземпляр вроде вас, но эти проклятые бюрократы не разрешили никого взять.

— Значит, вы от меня избавитесь?

— Не беспокойтесь. Ничего плохого мы вам не сделаем. Даже из соображений собственной безопасности не сможем вас убить. Ни один

цивилизованный человек не может погубить другого человека.

— Это вы так думаете, — презрительно усмехнулся Кэйси Джеймс. — Но если вы не собираетесь вышвырнуть меня в космос, что вы собираетесь со мной делать?

— Вы поставили нас в затруднительное положение. Если карантинная служба обнаружит вас на борту, она у нас все конфискует. Так или иначе мы должны вернуть вас назад.

— Но я не могу вернуться, — Кэйси Джеймс стал нервно кусать губы. — Я зарезал охранника в тюрьме. Если меня поймают, на этот раз мне не миновать электрического стула.

Психоновый переводчик вкратце объяснил принцип действия электрического стула.

— Так что вы должны взять меня с собой, — продолжал Кэйси Джеймс. — Если же вернете меня на Землю, получится, что вы меня убили.

— О нет. Человеческая жизнь священна. Мы может устроить так, что вы будете самым счастливым человеком, но для этого вам придется выполнить два условия.

— Какие? — Кэйси Джеймс подозрительно прищурился.

— Во-первых, обещайте, что не будете о нас

рассказывать.

— Ну, это легко. Мне все равно никто не поверит.

— Люди из карантинной службы поверят. Их агенты ловят все слухи, по которым можно догадаться о нарушении правил.

— Ладно, все понял. Что еще?

— Во-вторых, вы должны обещать, что больше никого не убьете.

Кэйси Джеймс весь напрягся.

— Вам-то какое дело?

— Мы не можем позволить, чтобы вы погубили еще кого-то из жителей Земли. Поскольку вы сейчас в наших руках, вся вина падет на нас. Обещаете?

Кэйси Джеймс задумчиво пожевал нижнюю губу. Злые глаза смотрели в пустоту. Психоновый переводчик уловил слабый отзвук его мыслей, и коллекционер в ужасе отшатнулся.

— Меня ищет полиция, — пробормотал Кэйси Джеймс. — И если…

— Не беспокойтесь, — заверил его коллекционер. — Мы можем устроить так, что с вас снимут все обвинения. Только скажите, что не будете больше убивать.

— Нет! — Кэйси Джеймс упрямо покачал го-

ловой. — Есть один человек, которого я должен прикончить. Это главная причина, почему я сбежал из тюрьмы.

— Кто ваш враг? — коллекционер нахмурился. — Почему он так опасен?

— Да не опасный он, — усмехнулся Кэйси Джеймс. — Просто я его ненавижу.

— Я не понимаю.

— Его зовут Габриэль Мелендес, — начал раздраженно объяснять Кэйси Джеймс. — Он всего лишь грязный мексикашка, но всегда притворяется, будто ничем не хуже меня. У меня-то были деньги от богатой тети, а он всегда ходил в школе голодный, но все равно не хотел знать свое место. Этот поганец понимал, что я сильнее и могу побить его, но никогда ни в чем не уступал. Так или иначе я его убью…

— Да вы же больны! — вскричал коллекционер. — Неужели вас никогда не лечили от этих… этих… — Он не находил нужных слов, и даже псионовый переводчик не смог помочь ему. — Цивилизованный человек не убивает, — закончил он шепотом.

— Он забрал девчонку, которую я хотел оставить себе, — продолжал Кэйси Джеймс, не слушая коллекционера, — напустил на меня легавых. Во

всяком случае, я думаю, что это он, потому что меня арестовали через месяц после того, как я ограбил бензоколонку. Он там работает и, наверно, узнал меня, хоть я и был в маске. Ну, я его…

— Нет!

— Убью! — твердо заявил Кэйси Джеймс, но, встретившись с взглядом коллекционера, надолго задумался. — Ладно, что я получу, если пообещаю не трогать его?

— Говорите, что вам нужно.

— Девчонку. Кармен Квинтана ее звали, пока она не вышла за этого Гэйба. С ней вам придется повозиться, потому что я ей ни чуточки не нравлюсь. Она мне один раз чуть глаза не выцарапала — еще до того как я застрелил ее старика на бензоколонке. Ну как, сможете?

Коллекционер кивнул.

— Мы почти все можем.

— Она еще пожалеет, что вообще посмотрела на Гэйба.

— Вы не собираетесь причинить ей вред?

— А вот это уж мое дело. — Он рассмеялся. — А теперь доставьте меня в Лас-Вердадес. Это маленький городок у самой границы с Мексикой.

Вскоре корабль снова сел на Землю, причем пришлось придумать правдоподобное объясне-

ние для карантинной службы. Кэйси Джеймса выпустили не сразу, он был вынужден ждать, когда все будет готово для его безболезненного и даже приятного возвращения в родную среду. И вот он на свободе — ему и пистолет дали: Кэйси Джеймс настаивал, что пистолет просто необходим ему для самообороны.

Никому еще так не везло, думал Кэйси Джеймс, сидя за рулем роскошного «кадиллака». У него есть все!

Рассветные тени постепенно оживали вокруг, и его вдруг охватили сомнения. Окружающее казалось незнакомым… Что, если пришельцы обманули его и забросили на какую-то неизвестную планету? Что, если он никогда не найдет Кармен и Гэйба Мелендеса?

Он включил фары, и все стало на свои места: безобидные заросли юкки, редкие стволы кактусов… Он сразу успокоился.

По дороге попался на глаза знак: «Оазис Хозе. 8 миль».

Он показал знаку язык. Ну и что если он получил двадцать лет за ограбление «Оазиса» и убийство старика Хозе. Какое имеет значение, что его мать и тетя потратили все до цента на адвокатов. И неважно, что Кармен плюнула ему

в лицо на суде. Пришельцы все устроили, теперь он чист со всех сторон, как новая монета.

Он проехал по мосту через реку и оказался в Лас-Вердадесе. Пришельцы побывали здесь, это сразу было видно: немощеные улицы были чисто выметены, свежо белели низенькие саманные домишки, обычных малоприятных запахов не было, пахло только кофе и свежим хлебом из кафе «Эсперанца». Кэйси Джеймсу захотелось есть, но он не остановился у кафе, а повернул к «Оазису». Пистолет положил рядом с собой на сиденье.

У «Оазиса» был безлюдный вид, и ему даже показалось, что все от него прячутся. Сидя в машине и настороженно оглядываясь по сторонам, он обратил внимание, что все разбитые стекла заменены новыми. Даже следы от его пуль замазали штукатуркой, а бензоколонка прямо-таки сияла от новой краски, как и весь городок.

Он потянулся к пистолету, увидев, что из двери гаража вышел худенький смуглый юноша, вытиравший руки ветошью. Это был брат Кармен — Тони, он с восхищением смотрел на новый «кадиллак». Для Тони главным в жизни были машины.

— Да, сэр! Залить бензину? — Тут Тони узнал его и выронил ветошь. — Кэйси Джеймс! — Он

побежал к машине. — Кармен говорила, что вы возвращаетесь!

Кэйси Джеймс уже поднял пистолет, готовясь стрелять, когда понял, что юноша всего лишь хочет пожать ему руку. Он быстро спрятал пистолет: убить нужно не Тони…

— Мы читали в газете, что вас освободили. — Тони ухмылялся ему, любовно поглаживая блестящий капот машины. — Прямо стыд и позор, как вас оклеветали, сэр. Но теперь все будет в порядке.

— Гэйб, — хрипло пробормотал Кэйси Джеймс. — Гэйб Мелендес еще работает здесь?

— Конечно, мистер Джеймс. — Тони отшатнулся, как будто машина обожгла его тонкие коричневые руки. — С восьми до пяти, но его еще нет. А живет он…

— Я знаю.

Машина, взвизгнув тормозами, остановилась у белого оштукатуренного дома. Кэйси Джеймс опустил пистолет в боковой карман пиджака и побежал к двери, улыбаясь в предвкушении мести. Он захватит Гейба врасплох. Пришельцы все очень ловко устроили, очистив его от всех обвинений, и Гейб вряд ли будет вооружен.

Дверь открылась еще до того, как он нажал

на звонок, но на пороге была Кармен. Кармен, бледная, без косметики и все же красивая, сонно зевала, розовая полупрозрачная пижама распахнулась на груди. Кармен удивленно вскрикнула, увидев его.

— Кэйси! — Как ни странно, она улыбалась. — Я знала, что ты приедешь!

Он молча смотрел на нее.

— О! — Она покраснела и смущенно застегнула пуговки на груди. — Входи, дорогой. Я так тебя ждала. Сейчас приготовлю что-нибудь на завтрак.

— Погоди минуту!

Он тряхнул головой, со злостью думая, что пришельцы его обманули. Он хотел получить Кармен — но не так. Сначала разделаться с Гэйбом, а уж потом… Нужно, чтобы она продолжала ненавидеть его, тогда он мог бы добиться ее силой. А этот толстяк на корабле перестарался и все испортил.

— Где Гэйб? — Он сунул руку в карман за пистолетом. — Я хочу видеть Гейба.

— Не беспокойся, милый. — Она призывно повела плечами. — Габриэля здесь нет. И уже никогда не будет. Понимаешь, полицейские много говорили со мной, когда собирали доказательства в твою пользу. И я поняла, что всегда любила

только тебя. Когда я сказала об этом Гэйбу, он ушел отсюда и живет сейчас в отеле. Мы разводимся, так что можешь о нем не беспокоиться.

— Все равно я хочу его видеть.

— Да забудь ты о Габриэле, милый. Он так деликатно себя вел, и сейчас от него тоже не будет никаких неприятностей…

— Неприятности будут у меня. — Он схватил ее за руку. — Идем.

— Милый, не нужно! Мне больно!

Он потащил ее к машине и, швырнув на переднее сиденье, сел за руль. Ему хотелось, чтобы она попыталась убежать — тогда он мог бы ее избить, но Кармен только всхлипнула негромко и сидела смирно. Старый толстяк все испортил!

Машина рванулась с места.

— Вот Габриэль! — воскликнула Кармен. — Вон там, пересекает улицу, он идет на работу. Не трогай его, пожалуйста!

Кэйси Джеймс нажал на педаль газа, намереваясь задавить Габриэля, но Кармен вцепилась в руль и вывернула его — проклятый мексиканец успел выбежать на тротуар.

— Извините, мистер. Наверно, я загляделся… — проговорил он, глупо улыбаясь. И вдруг понял, кто перед ним. — О, Кэйси! Мы тебя ждали. Похо-

же, ты из везучих.

— Габриэль пошел к машине, но остановился, увидев пистолет.

— Что ты делаешь? — проговорил он дрожащим голосом.

— Собираюсь продырявить одного мексиканца, а что?

— Дорогой! — Кармен схватилась обеими руками за пистолет. — Не…

Он ударил ее по лицу.

— Не смей ее бить! — прокричал Габриэль. У него было серое от страха лицо, губы дергались. Он не сводил глаз с пистолета.

— А ты попробуй меня остановить!

Кэйси Джеймс ударил Кармен пистолетом и улыбнулся, когда Габриэль весь передернулся от ее крика. Сейчас ему нравилось, как развиваются события.

— Я… я не буду с тобой драться, — прохрипел Габриэль. — Мы ведь не животные. Мы цивилизованные люди. Я знаю, что Кармен любит тебя. Я отступаю в сторону. И ты не заставишь меня драться…

Выстрел из пистолета заставил Габриэля умолкнуть.

Но… он не упал. Он просто стоял, крепко вце-

пившись в дверцу автомобиля.

— Умри, будь ты проклят!

Кэйси Джеймс выстрелил опять и продолжал стрелять, пока магазин пистолета не опустел. Пули вонзались в тело, но оно почему-то не падало. Он наклонился вперед, посмотрел на раны — и увидел разбитый металл под поддельной кожей лица, желтую гидравлическую жидкость, вытекавшую из живота.

Отшатнувшись в ужасе, он бросил пистолет в то, что еще оставалось от лица. Тело опрокинулось назад, и что-то в нем жалобно звякнуло, когда оно упало на землю.

— Это… это не человек.

— Но сделано было превосходно. — Второй робот, которого он принял за Кармен, говорил с ним голосом, странно похожим на голос коллекционера. — Мы очень постарались, чтобы сделать вас самым счастливым человеком на Земле. Если бы вы только сдержали слово… Если бы вы только были человеком…

— Не… не у-убивайте меня!

— Мы никогда не убиваем, — очень тихо сказал робот. — Этого можете не бояться.

Пока Кэйси Джеймс сидел, съежившись, и дрожал, робот вылез из машины и без видимых

усилий понес имитацию Гэйба в гараж «Оазиса».

Теперь Кэйси Джеймс знал, что все это лишь копия Лас-Вердадеса — и не на Земле. Он посмотрел в голубое небо, думая, что это какой-то экран… Ему показалось, что за экраном скрываются миллионы глаз, наблюдающих за ним как за незнакомым чудовищем в клетке.

Он попытался убежать.

Быстро разогнав «кадиллак» до предельной скорости, он поехал назад тем же путем, каким попал сюда. Милях в десяти роботы, имитировавшие дорожных рабочих, хотели остановить его, показывая на знак «ремонтные работы». Он объехал барьеры и гнал по специально приготовленной для него пустыне, пока не разбился о прутья клетки.

Перевел с английского Л. ДЫМОВ

ВЛАДИМИР ГУСЕВ

БУДЕТЛЯНКА

Бросив на диван кейс и хрустящий желтый пакет с неразборчивым лиловым штампом на месте обратного адреса, Федор повесил на крючок куртку и с наслаждением снял тяжелые сапоги. Начал было переодеваться, но, спохватившись, бросился звонить в милицию, чтобы квартиру сняли с охраны. Потом, так и не переодевшись, достал из кейса бутылку коньяка и торжественно поставил ее в бар.

«Чайка», выдержанный. Знатоки говорят, так себе коньячок, но этикетка нарядная, и цена вполне умеренная. Теперь, если зайдет в гости Санька или, паче чаяния, какая-нибудь девушка…

М-да. Одна уже приходила. Трогательная и наивная. Полгода такой оставалась — пока не стала женой. А потом…

Полюбовавшись сиротливо вжавшейся в угол бутылкой, Федор закрыл бар, еще раз поднял крышку кейса, пересчитал деньги.

Два с половиной миллиона. И еще тысяч двадцать в кошельке. Хватит, чтобы купить куртку, что-нибудь мигающе-радиоуправляемое Антошке и отдать долги. А остальные… Остальные подождут.

Это было первое и скорее всего последнее возна-

граждение, полученное Федором за изобретение. Пробить его стоило таких трудов и унижений, что Федор твердо решил: больше он в патентный отдел — ни ногой!

Скрипнув дверцей, Федор сунул кейс в платяной шкаф. В пыльной темноте что-то упало.

Ах да, семейная реликвия.

Еще раз скрипнув дверцей, Федор достал упавшую на дно шкафа небольшую картину, аккуратно завернутую в кусок полотна. Тускло сверкнула в свете люстры тяжелая золоченая рама.

Солдат в синем мундире, с длинноствольным старинным ружьем на плече, шагал в огонь. На высоком кивере и белых лосинах плясали отблески пламени. Лицо солдата было обращено не вперед, навстречу опасности, а в сторону балерины, застывшей в грациозном пируэте. Танцовщица же маленького воина не замечала. Ведь она была живой, а солдатик — оловянным. Но на его кукольной, обозначенной всего лишь несколькими беглыми мазками физиономии эмоций было ничуть не меньше, чем на красивом лице балерины.

Федор включил бар, погасил верхний свет и сел с картиной в руках на диван.

Вот, еще и диван не мешало бы перетянуть. И

прохудившуюся обивку поменять. Интересно, сколько это будет стоить? А все-таки хорошо, что не продал тогда «вещь». Будет и Антошке наследство…

Картину подарил Федору два года назад его родной дядя по материнской линии. Выждал момент, когда они остались одни в просторной комнате старого деревянного дома, достал ее, точно так же, как Федор сейчас, из платяного шкафа, и сказал:

— Вот, это мне мать передала, твоя бабка. Как сумела сохранить ее — одному Богу известно. Детей у меня, ты знаешь, нет. Твой Антошка, получается, больше всего подходит на роль наследника. Так что — забирай. А то не ровен час… Не для того ее от двух войн уберегли, чтобы теперь моя Сима в распыл пустила. А ты — береги. Помни, тебя, как и прадеда твоего, Федором зовут. Имя по нынешним временам редкое, но в нашем роду не переводилось. Жаль, пресекся он на мне…

Дядя горестно повел рукой, спрятал повлажневшие глаза и сунул в руки Федору тяжелый сверток.

— Смотреть дома будешь. Но знай: в образе балерины — твоя бабушка. Она в молодости танцовщицей хотела стать. Писал картину влюб-

ленный в нее художник, как раз перед уходом на фронт. Вернулся он не скоро, после революции. Мать уж полгода как замужем была. Покрутился он, покрутился да и за границу подался. Большим, говорят, художником был. Но не в этом суть. Даже если бы маленьким, никаким — все равно, понимаешь? Потому что — память. Береги! — погрозил он пальцем. — А не то… Предки не простят!

И это его «предки не простят!» так врезалось Федору в память, что позапрошлым летом, когда они развелись с Викой и после размена квартиры и раздела имущества (если это можно назвать «разделом»!) он попал в жестокий финансовый кризис, у него и мысли не было, чтобы продать картину. И только этой осенью, когда долгосрочные долги перевалили за миллион, он привез от матери семейную реликвию и потащил ее в антикварный. Тащил и думал: какое счастье, что не забрал ее раньше. «Для собственного сына жалеешь?!» — взвизгнула бы в очередной раз Вика, и картина тю-тю… Вслед за всем остальным…

Старичок-приемщик долго вертел картину в руках, щупал длинными сухими пальцами золоченую раму и даже рассматривал лицо солдатика в часовую лупу, невесть откуда появившуюся в его правом глазу. Потом недовольно буркнул:

— Больше пятисот за эту вещь вы у нас не получите. Никто не поверит, что подлинник. Но если поискать настоящего покупателя…

— То сколько? — не выдержал паузы Федор.

— А это уж зависит от покупателя, — рассердился почему-то старик. — От его нюха и толщины кошелька. Может и пять тысяч отстегнуть, и семь. Разумеется, долларов, а не рублей, — уточнил он, поймав удивленный взгляд Федора, не сомневавшегося поначалу в том, что пятьсот — это полмиллиона рублей. — А лет через несколько — и все пятнадцать «косых». Так что думайте сами, решайте сами, что иметь: то ли вещь, почти музейную, то ли деньги. У вас дети есть?

Суммы, названные антикваром, ошеломили Федора. Он рассчитывал в лучшем случае на один «лимон». И назови старик цену «миллион» да отслюни сразу деньги — Федор тут же и расстался бы с картиной. Но пять или даже десять тысяч баксов… Вот тут он и вспомнил дядино: «Предки не простят!» И, запутавшись в словах благодарности, пролепетав что-то про сына и наследство, опрометью бросился домой. Вешать «вещь» на стену он уже не решился, на вопросы друга Саньки отвечал что-то невнятное, а пару месяцев назад, после того как в соседнем доме ограбили

сразу восемь квартир, подал заявку на охранную сигнализацию. Неделю назад ее установили.

Может, это от них письмо?

Федор сунул картину обратно в шкаф, вскрыл конверт и вынул из него сложенный вдвое листок.

«Абоненту Фотьеву Ф. А.

Служба обеспечения охраны личного имущества граждан доводит до Вашего сведения следующее.

В последнее время в городе зафиксировано несколько случаев ограбления квартир, снабженных охранной сигнализацией. Особенно тех, где проживают граждане-одиночки. Познакомившись с владельцем (нанимателем) квартиры в каком-нибудь общественном месте, злоумышленник под благовидным предлогом проникает в означенную квартиру вместе с хозяином, где склоняет его (ее) к совместному употреблению спиртных напитков. Как правило, предлагая распить «случайно» оказавшуюся у него бутылку дорогого коньяка. Воспользовавшись моментом, злоумышленник добавляет в спиртной напиток одно из распространенных лекарств. После употребления его совместно с алкоголем владелец (наниматель) квартиры теряет способность кон-

тролировать ситуацию и совершенно забывает происшедшее с ним в течение двух-трех дней.

В связи с тем, что утрата имущества в подобных случаях происходит благодаря излишней доверчивости Абонента, Служба обеспечения охраны личного имущества граждан предупреждает, что претензии в подобных случаях приниматься не будут.

Одновременно просим о всех случаях попыток проникновения в Вашу квартиру подозрительных личностей немедленно заявлять в органы милиции или сообщать по тел. 122-58-66.

С уважением *Л. Я. Победимский».*

Федор усмехнулся: «утрата» — и «благодаря»? А «подозрительная личность» — это у кого дорогой коньяк водится? Ну что же, логично. Критерий по нынешним временам почти безошибочный.

В дверь позвонили: раз, другой, третий…

Интересно, кто бы это? Половина десятого. Для светского визита поздновато, для любовного свидания — в самый раз, только на сегодняшний день прийти ко мне, увы, некому. Точнее, на сегодняшнюю ночь. Варианты, конечно, были, да и есть, но чем все это заканчивается, я теперь слишком хорошо знаю. Драный халат, растрепанные волосы… Позеленевшая простокваша на застав-

ленном чем попало кухонном столе… И в ответ на мягкий упрек взрывоподобное: «Я не успеваю, у меня ребенок! Не нравится — убирай сам! Или вообще убирайся отсюда к чертовой бабушке!» И следом — раздраженный шелест газеты…

За дверью стоял мальчишка лет десяти, сопливый и быстроглазый. Шапка-ушанка, туго затянутая под подбородком, вся в снегу, пальтишко тоже.

— Тебе кого?

— Там вас какая-то тетя спрашивает.

Пацан шмыгнул носом и для убедительности громыхнул санками.

— Меня? А ты квартиры не перепутал?

— Не-а. Номер девяносто семь, позвать Федора Алексеевича, — выпалил мальчишка и снова шмыгнул носом.

— Александровича, — автоматически поправил Фотьев. — А где она?

— Около подъезда, в машине сидит. Автомобильчик — класс! «Мерседес», наверное, или «форд». В общем, «ройс-ройс».

Интересно, кто бы это мог быть? Сейчас я выйду — и все разъяснится. Недоразумение какое-то. К сожалению.

— Ладно. Передай, через пять минут буду.

— Не, мне домой надо. Мамка и так ругать будет. Тетя сказала, если его дома нет — приди и скажи. А если есть, то не надо.

Пацан потащил санки к лифту, погромыхивая ими на стыках линолеумных квадратов. Федор, набросив на плечи заношенную куртку и прихлопнув голову шапкой, поспешил было следом, но, спохватившись, вернулся, чтобы тщательно запереть дверь.

Два с половиной миллиона в доме — не шутка. Надо будет завтра же развезти долги, оставив двести тысяч на куртку. Или все-таки триста?

Дверь подъезда вырвалась у Фотьева из рук и громко ударила в стену. Снег резанул по глазам.

Ну и метель! Так где же машина?

Это был не «мерседес». А если и «мерседес», то какой-то суперпоследней модели. Нечто матово-блестящее, с серебристыми, таинственно мерцающими окнами… Снег не задерживался на безупречно-обтекаемом капоте.

Федор остановился метрах в трех от машины, не зная, что делать дальше. Этот автомобиль был из какого-то другого мира, из другого измерения. Там, в этом мире, не было места ни Фоть-еву с его потрепанной временем курткой, ни припорошенному снегом измятому мусорному баку,

ни теряющемуся в снежных вихрях просторному двору с завьюженными детскими площадками и поломанными качелями.

Розыгрыш какой-то. Довольно глупый, надо сказать. В такую погоду…

Передняя дверца машины открылась, и перед Федором предстала девушка в небрежно наброшенной на плечи пушистой шубке. Снежинки падали на ее длинные темные волосы, свободно брошенные на плечи, и замирали в них крохотными серебристыми звездочками.

— Вы — Федор Александрович Фотьев? — спросила девушка высоким мелодичным голосом.

— Да… Я… — растерянно подтвердил Федор, неожиданно для себя самого добавив по нынешним временам нелепое: — Чем могу быть полезен? — осекся и сконфузился.

— Прекрасно, — улыбнулась девушка и махнула рукой. Автомобиль тут же плавно и совершенно бесшумно утонул, растворился в снежных вихрях. Фотьеву показалось, что машина и с места-то не трогалась. Просто взяла и растаяла, как привидение после третьего крика петуха.

— Мне нужна ваша помощь. Очень! — умоляюще сказала незнакомка. Из огромных глаз ее выплеснулась тревога, и Федор понял, что сдела-

ет сейчас все, о чем попросит его эта неземной красоты дева. Все. Чего бы это ни стоило.

— Меня зовут Юния, — плавным движением подняла девушка полусогнутую в кисти руку, и Фотьев, замешкавшись, неуклюже пожал кончики холодных пальцев.

Надо было поцеловать, лапотник!

— Возможно, характер моей просьбы несколько удивит вас… Или даже шокирует. Но я попала в безвыходное положение, и помочь мне можете — только вы!

Говорила она с чуть заметным акцентом. Но не окала, не акала и не смягчала по-украински «г». Должно быть, прибалтийка. Или француженка? Эк меня занесло… Ветер — прямо насквозь. И как ей не холодно без платка? Вернее, без шапочки…

— Почему вы молчите?

Редкие вначале звездочки снежинок на черных, как ночное небо, волосах сбились в густые шаровые скопления и косматые спирали галактик. Сейчас они начнут таять…

— Да-да, я с удовольствием помогу вам. Что я должен сделать?

— Для начала — увести меня куда-нибудь под крышу. А то я скоро в Снегурочку превращусь, — улыбнулась Юния.

Федор начал лихорадочно обдумывать варианты.

Предложить ей пойти в ресторан? И дорого, и пошло. К тому же уже поздно. Правда, в центре наверняка что-то работает до утра, но что и где? А кафешка, что возле ближайшей станции метро и где подают приторно-сладкие коктейли, наверняка уже закрыта… Ага, вот он, выигрышный ход! Частная «Харчевня» на Песчаной, совсем недалеко отсюда. Готовят, говорят, неплохо, работает до часу ночи. Нужно только подняться за деньгами. Да, но оставлять Юнию здесь… А приглашать к себе домой почти незнакомую девушку, пусть и на пять минут, считается неприличным…

— Давайте хотя бы в парадное зайдем, — предложила Юния. — Раз уж вы так нерешительны, — добавила она, улыбнувшись.

— Может быть, поднимемся ненадолго ко мне? Мне нужно… В общем, на пять минут.

— Наконец-то! — засмеялась Юния. И тут же спохватилась: — Но что скажет ваша жена? Это не будет выглядеть неприлично?

— Нет-нет, не беспокойтесь. Мы ведь ненадолго. А жены у меня нет, — поспешил успокоить девушку Федор, отворяя дверь подъезда.

В полутемном лифте они стояли совсем близко

друг к другу, и от вкрадчивого запаха духов у Федора слегка закружилась голова. В тусклом свете покрытого многолетним слоем грязи плафона он видел то нежный овал подбородка, то свободно струящиеся по плечам темные волосы, то серый мех шубки. Посмотреть Юнии прямо в глаза Фотьев не решался.

Правду говорят: на красоту, как и на солнце, во все глаза не посмотришь. Это тебе не Вика в порванном халате…

Дверь с до боли знакомой стеклянной табличкой «97» не открывалась.

— Что-то заело. У меня замок повышенной секретности… Оказалось, он просто пытался вставить ключ вверх ногами.

Руки дрожат, как у алкоголика. Как у Лебедева в «Энергичных людях».

Фотьев переступил порог первым, зажег в прихожей свет. Следом вошла Юния.

Правильно по этикету? Или надо было все-таки пропустить ее вперед?

— Вы пройдите пока в комнату. Я сейчас, — засуетился он.

Пыль уже неделю как не вытиралась. Как раз сегодня собирался. Хоть света в комнате не зажигай…

Во взгляде Юнии промелькнуло удивление.

Я сделал что-то не так?

Гостья, повернувшись к Федору спиной, одним изящным движением освободилась от шубки, и он еле-еле успел подхватить ее. Пока Фотьев отыскивал свободный крючок (Господи! И чего здесь только не понавешано! И плащ, и старое пальто, и даже почему-то шорты!), девушка успела пройти в комнату.

Вот копуша! Даже свет ей пришлось самой зажечь! Вообще-то мы всего на пару минут, можно было и не раздеваться. Но раз так… Придется и мне снять куртку. Значит, взять деньги и переодеться во что-нибудь поприличнее. Это я мигом. Да, но гостью на это время все равно нужно чем-то занять. Проигрыватель кое-как фурычит, а вот у телевизора окончательно сел кинескоп. Может, книги? Или какие-нибудь репродукции…

Юния стояла посреди комнаты, боком к двери, и с любопытством оглядывалась по сторонам.

М-да. На столе груда газет и журналов, на стуле — стопка проглаженного, но так и не разложенного по полкам шкафа белья, книжные полки совершенно не в масть остальной мебели. И пыль, пыль, пыль на всех плоскостях. Из-под шагающих сапог…

— Перед вами — квартира одинокого мужчины, жившего, как установили археологи, примерно в конце двадцатого века. Слева, под роскошным шелковым балдахином — пуховая постель, на которой он почивал, прямо — прекрасная библиотека с редкими, в том числе макулатурными, изданиями…

Юния засмеялась, повернулась к Фотьеву лицом, и он, поперхнувшись, прервал экскурсию. Платье на девушке было нежного дымчатого цвета, длинное, почти до пят, и, как туман, полупрозрачное. Лифчик, если он и был, шился, видимо, из той же материи. Хотя при таких формах он, кажется, совершенно без надобности…

Медные монетки сосков явственно проступали сквозь полупрозрачную дымку, и Федор никак не мог отлепить от них взгляд.

— Что-нибудь не так? — встревожилась Юния.

— Нет-нет, все в порядке. У вас очень красивое платье.

Сейчас она спросит: «А я?» — и кокетливо улыбнется. И мне сразу же станет скучно. Несмотря на ее чудесное платье.

— Оно — модное? Такие сейчас носят? — не успокаивалась девушка.

— Очень модное! Супер! Люкс? Отпад!

Юния облегченно вздохнула.

М-да. Ни о какой харчевне не может быть и речи. В таком наряде… Да и зачем, раз она уже здесь? Интересно все-таки, откуда она меня знает и чем я могу ей помочь. Спросить? Вроде невежливо. Дескать, говори поскорее и проваливай…

— Чай, кофе?

— С удовольствием. А то я немного продрогла.

— Вы можете пока полистать какую-нибудь книгу. Или лучше музыку?

— Да, пожалуй. А что у вас есть?

— «Аквариум», «Машина времени», «Перпетуум-мобиле»…

Хлопает глазищами, словно впервые слышит. Но не Шенберга же или Хиндемита ей предлагать?

— Окуджава, Розенбаум, Никитины…

— Да-да, это.

Наконец-то зацепило.

— Что именно? Никитины?

— Нет. Окуджава.

— Сейчас найду. Присаживайтесь пока на кресло, у стола. Там стереоэффект глубже.

Стараясь не смотреть, как Юния усаживается в кресло, Федор перебирал разноцветные конверты.

Ладно, пластинку я сейчас найду. Кофе в банке еще есть. А что потом? Спросить, зачем пришла, и…

— Вы слушайте, а я сейчас… Кофе…

Не поднимая глаз, нелепо повернув голову, Фотьев ретировался на кухню.

Я чувствую себя как солдат, бежавший с поля боя. Что потом, что потом… Не лицемерь? Больше всего тебя сейчас волнует, будет ли это «потом»?

Поставив джезву на конфорку, Федор метнулся к холодильнику.

А в нем зима, пустынная зима… Что это я так рассуетился? Куда спешу? Даже запыхался… Ага, кусочек сыра. И то хлеб. Которого, кстати, нет. Ни ломтика. Зато есть яйца и… Счастье-то какое! Лимон! Как он уцелел? Хоть что-то будет на «прекрасно сервированном столе». А сверху его — сахарком, сахарком, но чуть-чуть. Только чтоб сразу из долек выманить. И чашечки… Где чашечки? Их еще целых четыре оставалось. Беленькие, аккуратненькие, с золотым ободком. От давным-давно отцветшего «Подснежника»…

Юния сидела, обхватив руками плечи.

…Ваше Величество Женщина,
Как Вы решились ко мне? —

спрашивал ее стареющий Булат Шалвович.

Господи! Да это же как раз о нас!

— Холодно здесь, — пожаловалась Юния.

— Это я виноват. Посадил вас перед открытой форточкой. Сейчас… А вы набросьте пока… Вот, вязаная куртка.

Так привычнее. А то головокружение какое-то непонятное началось, и глаза из повиновения вышли.

…О, ваш приход — как пожарище,

Больно и трудно дышать…—

подтвердил Окуджава.

Федор подкатил журнальный столик прямо к коленям Юнии, поставил для себя стул с поломанной ножкой. Спохватившись, поменял его на другой, целый. Принес из кухни джезву, торжественно водрузил ее в центре столика, не забыв керамическую подставку.

— Вы любите с пенкой?

— Да, если она у вас получилась. Думаете, ^офе меня согреет? — засомневалась Юния.

— Может быть, рюмку коньяку? — осенило Федора. — «Чайка», выдержанный. Не «Наполеон», конечно, и даже не «Арарат». Но…

Но вчера у меня в баре вообще было пусто. И

позавчера, и месяц назад и полгода тому… Как кстати оказалось это вознаграждение!

— Пожалуй… Разве что глоточек… — зябко повела плечами Юния.

На донышко рюмки себе, потом — на три четверти гостье и снова себе, себе, тоже на три четверти. Так по этикету? Или это только к вину относится?

— А за что мы будем пить?

«Первый тост — за ваше здоровье!» — чуть было не брякнул Федор.

— Извините, не могли бы вы принести воды? Боюсь, мне придется запить. Он слишком крепкий для меня, — попросила Юния.

Фотьев послушно поставил рюмку и помчался на кухню.

Нужно было захватить из бара фужер. А теперь придется в чашке подавать.

Юния сидела в прежней позе, обхватив плечи руками. Только воротник курточки, связанной мамой из толстых коричневых ниток, лежал теперь неровно. Но именно так он и должен был изогнуться, чтобы просто красивая девушка стала очаровательной, ослепительной, неотразимой.

Неужели это — моя квартира? Неужели на стул напротив этой супермодели сяду сейчас я, Федор

Фотьев, изобретательный неудачник и алиментщик? Что-то случилось в подлунном мире. Не иначе, земная ось покосилась.

… Просто вы дверь перепутали,
Улицу, город и век,—

пытался объяснить Юнии ее ошибку Окуджава.

Федор поставил чашку на столик и опрокинул локтем свою рюмку.

Нет, земная ось осталась на месте. Хорошо, что скатерти нет. Стирать со стола гораздо проще, нежели стирать скатерть. Попробовать скаламбурить?

— Как вы неосторожны! — рассердилась Юния. — Чуть не на колени мне!

Федор опешил.

Из-за пустяка — и столько эмоций. Видно, за платье свое испугалась. Ну и взгляд… Гневный и прекрасный. Нет, не так: от гнева — еще более прекрасный. Как восхитительны будут ее семейные ссоры! Повезет же кому-то. Хотя нет, такие замуж как раз и не выходят. Слишком много у них бывает соблазнов. Однообразное счастье семейной жизни редко прельщает красавиц.

— Чуть-чуть не считается. Ничего страшного.

Последней фразой Федор всегда утешал сына, когда тот расшибал себе коленки или локти. А потом и Антошка в ответ на вопрос «Ты не ушибся?» стал успокаивать папу этими еже словами. Так забавно было слышать от двухлетнего карапуза: «Ни-чиво стласнова»…

Федор бросил в крохотную лужицу, образовавшуюся на столе, бумажную салфетку, через несколько секунд, когда она потемнела — еще одну. И, чтобы восстановить икебану, переставил на салфетки керамическую подставку с джезвой. Подняв свою рюмку, чтобы вновь наполнить ее коньяком, Федор вдруг заметил на ее стенках крохотные белые крупинки. Уши его начали гореть.

Рюмки чистые были… Только бы Юния не увидела. Подумает еще, что я грязнуля.

Фотьев скосил глаза на гостью. К счастью, она была занята какой-то книгой. Федор поспешно наполнил рюмку до краев, чтобы ни одной крупинки не было видно.

Наверное, творог оставался на тряпочке, которой я мою посуду. Нужно было ее простирнуть, прежде чем рюмки тереть. Но вторая, кажется, чистая.

Юния отложила книгу, улыбнулась.

Уэллс, «Машина времени», — механически от-

метил Федор. Нужно срочно что-нибудь сказать. Непременно — оригинальное и значительное. Юния должна понять, что я, хоть и работаю обыкновенным ведущим инженером, но вместе с тем…

Гостья свела тонкие красивые пальцы на стеклянной ножке.

— За знакомство! — поспешно предложил тост Федор, поднимая свою рюмку.

Юния двумя большими глотками опорожнила свою рюмку, потянулась было к сыру, но передумала и взяла дольку лимона. Ногти у нее были коротко подстрижены и покрыты серебристым лаком.

Как хорошо этот лак гармонирует с платьем! Просила воду принести, а сама забыла…

Федор сделал последний глоток и собирался поставить рюмку на столик, но тот вдруг приподнялся и медленно поплыл в сторону окна.

Совсем пить разучился. От тридцати граммов — голова кругом. Ничего, сейчас мы вернем его на место.

Фотьев сосредоточился, нахмурил брови, но опыт телекинеза не удался. Вернее, принес результаты, обратные желаемым: столик, уменьшившись в размерах, изогнулся подобно струйке

дыма и вылетел через закрытую форточку, вместе с лимоном, сыром и, что самое обидное, едва початой бутылкой коньяка. Только невостребованная чашка с водой осталась висеть в воздухе.

Федор зажмурился.

Это надо же было так надраться… Ничего. Сейчас я открою глаза, и все вернется на свои места. Хотя бы столик. Вместе с бутылкой.

Столик не вернулся.

Федор растерянно взглянул на Юнию. И понял, что девушка давно уже смотрит на него пристальным немигающим взглядом, под которым он становится легким и полупрозрачным, словно платье прекрасной гостьи.

Сейчас она и меня туда же… В форточку, на мороз. Но я не хочу! За что?!

Слабеющими руками Фотьев ухватился за стул.

Юния раскинула руки, плавно взлетела, приблизилась. Наброшенная на ее плечи курточка распахнулась, и сквозь дым платья Федор вновь увидел две почти идеальные полусферы с багряными старинными монетками на полюсах. Ласково коснувшись большими пальцами подбородка, Юния запрокинула голову Федора на спинку стула и пристально посмотрела ему в

глаза.

Как хорошо… Вот это и есть счастье… Только бы она смотрела вот так, не отрываясь… А еще целовала…

Целовать его Юния не стала. Вместо этого она медленно поднялась к потолку и, чуть заметно перебирая ногами, уплыла в глубь комнаты.

Она сейчас улетит! И я больше никогда ее не увижу!

Фотьев сосредоточился, с трудом поднял налившиеся свинцом руки, поймал висевшую в воздухе чашку и, обливаясь и захлебываясь, выпил ее до дна.

Журнальный столик вернулся на место. Вместе с бутылкой и всем остальным. Но кресло напротив было пусто. Федор поднял было голову к потолку, потом, спохватившись, обернулся.

Гостья стояла возле шкафа и разглядывала картину. Почувствовав взгляд Фотьева, Юния медленно повернула голову, вздрогнула и улыбнулась.

— Что же это вы? Пригласили девушку в гости, а сами заснули. Я уже собиралась уходить. Красивая вещь! Откуда она у вас?

Федор поставил чашку на столик, обтер салфеткой подбородок.

— От бабушки осталась. Семейная реликвия. А… Где вы ее взяли?

— Да вот, хотела книги посмотреть, а она из шкафа выпала.

Что я делаю? Ведь именно об этом предупреждал в письме товарищ Победимский! Вовсе не творог был на ободке рюмки, а лекарство!

— Сколько у вас книг… И вы все их прочли?

Выгнать. Выставить ее немедленно из квартиры. Хоть раз в жизни повезло: рюмку опрокинул. А не то бы… Интересно, как эта шайка на меня вышла? Старичок-антиквар навел? Или каким-то образом пронюхали, что сегодня вознаграждение получу?

— Не все, конечно. Времени нет. Вот на пенсию выйду — тогда. Хотя фантастику я прочел всю. У меня ее два с половиной метра? — похвастался зачем-то Фотьев.

— Как это — метра? — засмеялась Юния.

— Это Юра Масляницын, мой коллега, так измеряет. Он тоже собирает фантастику. И если все его книги выставить на одну полку, ширина корешков составит два двадцать. А у меня — на тридцать сантиметров больше!

Надо бы встать. Неудобно сидеть в присутствии стоящей дамы. Встать, чтобы выгнать эту самую

даму.

Юния положила картину в шкаф и вернулась к столику. Дымное облако, обволакивающее ее стройное тело, было прозрачно внизу, но выше колен сгущалось в почти непроницаемую дождевую тучу. А еще выше, там, где монетки…

Стоп. Не смотри. А то не сможешь «решительно указать на дверь».

— Так какое у вас ко мне дело? — как можно доброжелательнее спросил Фотьев.

Юния присела на краешек кресла, подперла кулачком подбородок.

— Видите ли… Не знаю, как и начать…

— В таких случаях лучше начинать с середины.

— С середины… — задумчиво повторила Юния, беря в руки томик Уэллса. Вскинула глаза, распахнула ресницы. — Это не так просто… Поставьте какую-нибудь пластинку. То, что вам самому нравится. Может быть, под музыку мне будет легче.

Под музыку Вивальди… Когда замолчал Окуджава? Не помню. Скажи, какую музыку ты любишь, и я скажу, кто ты. Что нравится интеллигентным воровкам? Песенка про скорый поезд Воркута — Ленинград? Или «Апокалипсис» Казанджиева?

— Вы говорили, что у вас «Машина времени» есть?

— Да. Сейчас отыщу.

Это ее Уэллс надоумил. Избавил меня от проблемы выбора.

«Вот новый поворот, и мотор ревет!» — ревел проигрыватель.

Фотьев приглушил звук.

— Итак? Если с середины?

— Хорошо. Скажите… Я вам нравлюсь?

— Разве вы встречали хоть одного мужчину, который не влюбился бы в вас с первого взгляда?

«Она подивилась тонкости и красоте комплимента» — так, кажется, в «Декамероне»? Были же времена… Но вряд ли она оценит. Надо было по-современному: «который не захотел бы переспать с вами?»

— Тогда почему вы не попытались… хотя бы поцеловать меня?

А ведь даже теперь, когда я знаю, кто ты и зачем пришла, мне стоит больших усилий удержаться…

— СПИДа боюсь.

— Спид? Кто это?

— Вы что, не слышали? Новая болезнь.

— А… Да-да, вспомнила. Сейчас, кажется, как

раз начало пандемии. У вас хороший коньяк.

Фотьев налил гостье до краев, поставил было бутылку на стол, но, спохватившись, налил и себе.

— А вы? Почему не пьете? — спросила Юния, тут же опустошив рюмку и выбрав на блюдечке очередную дольку лимона. — Как интересно… Все словно в тумане…

Федор только пригубил.

— Что-то у меня сегодня не идет. А у вас?

Юния вспыхнула.

— Кажется, это считается неприличным? Когда женщина пьет больше мужчины? Или в ваше время уже не так?

— Вы хотели сказать — в наше?

Юния глубоко вздохнула, словно перед прыжком в омут.

— Да нет. Вы посоветовали «с середины», вот я и начала. Просто… Я много читала о том, как пьют — коньяк, вино, шампанское. И захотела сама попробовать. Хотя и знала, что это нехорошо. Что это даже стыдно — желать вкусить порочных древностей.

— Выдержка коньяка шесть-семь лет. Если верить этикетке.

— Это для вас шесть-семь. А для меня — сотни

на две больше. Только не нужно было вам всего этого знать. Не нужно. Не имею я права разглашать…

Юния вдруг встала. Коричневая куртка соскользнула на кресло. Обогнув столик, девушка подошла к насторожившемуся Федору, наклонилась над ним…

Губы у нее были сухие и горячие. Рука Федора помимо его воли потянулась к чудесным чашам и коснулась одной из них. Тончайшая материя совершенно не мешала ощущать восхитительную упругость и тепло…

В дверь зазвонили — длинно, требовательно, грубо. Юния вздрогнула и выпрямилась.

Федор нерешительно встал, шагнул к дверям.

Сообщники. Решили поинтересоваться, почему девчонка так долго не выносит добычу. Если не открою — красотка закричит и разорвет на груди свое роскошное платье, имитируя изнасилование. Сообщники взломают дверь и, чтобы замять дело, потребуют деньги. Два с половиной «лимона» их явно не устроят, значит, плюс картина. Если открою… Будет то же самое. Цугц-вант. Разве что… Сигнализация! Попробовать снова включить сигнализацию?

— Не открывайте! Это Пахан! Я… Я не хочу…

Федор почувствовал что девушка прячется за его спину, и сразу стал храбрее.

— Кто такой Пахан?

Юния смутилась.

— Мой… Мой отец. Он был категорически против моего визита в прошлое, а я ослушалась.

В дверь позвонили еще раз.

— Не обращайте внимания. Отец сейчас уйдет. Побоится скандала — и уйдет!

Федор стоял посреди комнаты, не зная, что делать. Юния подошла к нему, положила на плечи тонкие руки.

— Ну? О чем ты задумался?

— Боюсь, что буду не в состоянии помочь вам. У меня, правда, есть некоторая сумма денег, но они…

Федор осекся.

Шея Юнии порозовела. Щеки вспыхнули румянцем. Огромные глаза сузились и полыхнули гневом.

— Так вы решили, что я…

Пощечина прозвучала неестественно звонко.

Это потому, что мебели мало и ковров нет. Зато голова перестала кружиться.

Федор погладил ладонью пострадавшую щеку.

Щетина уже отросла. Скоро по два раза в день

придется бриться…

Юния стояла перед ним, бессильно опустив руки. Серая дымка вокруг ее груди слегка колыхалась в такт дыханию.

— Мне уже давно за тридцать. Я плачу алименты, и у меня лысина на макушке. Я не банкир, не композитор-песенник и даже не бизнесмен. И поэтому не могу представлять для вас какой-либо долговременный интерес. Откуда вы узнали мое имя и адрес? Зачем вы здесь?

— А без вопросов вы не можете?

Федор улыбнулся. После поцелуя эта фраза звучит несколько двусмысленно. Сказать ей об этом? Да нет, не стоит. Хватит и одной оплеухи. Но с этой комедией пора кончать.

— Ну что ж, не хотите?.. Тогда будете отвечать на вопросы в другом месте.

— Алло, милиция? Запишите вызов…

Юния подлетела испуганной птицей, нажала на клавишу.

— Не надо? Мне нельзя иметь дело с милицией! Я скажу, скажу… Не думала, что вы такой. Впрочем, ничего странного.

Каждый человек — продукт своей эпохи. Очень редко кому удается продвинуться вперед.

Юния круто повернулась, пошла к журнально-

му столику.

«Идет она пленницей ритма, который настичь невозможно»… — некстати вспомнилась Федору строка стихотворения.

— А вы? Не продукт? — разозлился он.

— Да, и я тоже. Но эпоха у нас — другая.

— Какая же, интересно? Развитого коммунизма?

— Эпоха любви.

Набросив на плечи курточку, Юния села в кресло и начала медленно покачиваться в нем. Влево-вправо, влево-вправо…

«Курточка — это хорошо. А то все мои бастионы рухнут сейчас один за другим».

— У кого это — у вас?

— Ну… Скажем, у будетлян.

— Это нация такая или секта?

— По отношению к вам — и то, и другое.

— К вам — это ко мне лично?

— Нет, не к тебе. Ко всем вам, жителям двадцатого века. Вы разобщены и не доверяете друг другу. Клянетесь в вечной любви — и тут же изменяете любимым. Превозносите бескорыстие, но все продаете и покупаете. А самый ходовой товар — молодость и красота. Налейте мне коньяку. Человек перестал развиваться как биологический

вид, — продолжала Юния, наблюдая, как Федор наполняет рюмку. — Ваши красивые женщины не рожают детей. Ваши талантливые мужчины женятся на дурнушках. Вероятность того, что предназначенные друг для друга мужчина и женщина оставят потомство доведена вами практически до нуля! Скорость эволюции вида Хомо сапиенс, и без того невысокая, упала на порядок и продолжает уменьшаться!

Федор пожал плечами.

— Человек как биологический вид достиг своей вершины и перестал эволюционировать. Начал, наоборот, природу приспосабливать к себе. Об этом написано во всех учебниках. Ну и что?

— Достиг вершины? — засмеялась Юния. — И все теперь красивы, умны и счастливы?

— Нет, конечно, при чем здесь это…

— При всем. Для того, чтобы род человеческий развивался и становился совершеннее, нужно, чтобы дети рождались только у по-настоящему, по вашим меркам — безумно любящих друг друга мужчин и женщин. Только тогда их дети будут красивы и талантливы. Только тогда люди будут счастливы. Это и означает — эпоха Любви.

— Но у нас тоже… Никто не мешает…

— И поэтому вы — одинокий мужчина конца

двадцатого века? И чуть ли не каждый третий ребенок — полусирота? Мешает, еще как мешает!

— Что именно? Может, вы знаете? — ехидно поинтересовался Фотьев. — А то наши социологи уже сколько лет над этим головы ломают, а так ничего путного и не посоветовали.

— Да все, все мешает! Весь ваш образ жизни! Необходимое условие любви — генетическая целесообразность, достаточное — родство душ, и человек безошибочно находит оптимального для себя партнера противоположного пола. Но! Если он есть среди его знакомых! А у вас такое случается чрезвычайно редко. И поэтому все решает расчет: красивая-некрасивая, перспективный-неперспективный. Да кто у нее родители, и сколько у них этих… денег.

«Неправда! — хотел закричать Федор. — Я ни на что не рассчитывал, когда женился!»

Но не закричал.

«Юния права. Я не интересовался обеспеченностью Викиных родителей. Но… Но и не в приступе безумной любви женился. Рассчитывал, конечно. Пусть, думал, Вика и не красавица — зато без особых претензий, пусть не блещет умом — зато чистюля и хорошо готовит. М-да… Все расчеты оказались ошибочными, с точностью до наобо-

рот. Вика, правда, не стала ни красивее, ни умнее. Зато во всем остальном…»

Щелкнув, остановился диск проигрывателя.

— Что же вы молчите? Не согласны? — нарушила паузу Юния.

— А разве бывает по-другому? У вас — не так?

— Совсем не так. После того, как процедура расшифровки генотипа человека была полностью автоматизирована и сокращена до нескольких суток, после того, как научились моделировать… вернее, предсказывать отдаленные последствия взаимодействия генотипов…

— Наступила Эпоха Любви?

— Мы так считаем.

— Я что-то не пойму, как свободная любовь связана с генотипом.

— Свободная любовь? Что вы под этим имеете в виду?

— Ну… — замялся Федор. — Когда никакие условности не ограничивают…

— А… Понимаю. Это и есть ваш идеал, — печально сказала Юния.

— Нет, ну почему же…

— Я хотела сказать — ваш мужской идеал любви. То есть чтобы ни за что не отвечать.

— Да нет, это совсем разные вещи! — смутился

Федор. — Я не против ответственности. Но не каждый же раз она должна наступать. Значит, и вам не удалось пробиться в царство свободы!

— Наш выбор ограничен только нашими внутренними установками. Никаких внешних ограничений нет. Мы полагаем, что это и есть то, что вы называете «царством свободы».

— Тогда я ничего не понял. Как это выглядит на практике?

— Об этом долго рассказывать.

— А вы коротенько, на доступном моему пониманию примере.

Юния взяла чашку с кофе. Пять перламутровых звездочек соединились на тоненькой фарфоровой ручке в «Северную корону».

— Говорят: «Бесполезен, как остывший кофе». Давайте я новый заварю, — предложил Федор.

Вместе с джезвой и обеими чашечками он удалился на кухню.

Ишь ты, «будетлянка»! Забавно лепит. Хотя платье у нее и в самом деле… ненашенское. Да и машина, которая ее привезла, необычная.

Кофемолка взвыла, как циркулярная пила.

Так что же делать-то? Может, все-таки выставить ее за дверь? Немыслимо. Из-за чего, собственно? Только из-за того, что давно коньяка

не пил?

Федор вернулся в комнату, разлил кофе по чашкам. Юния подняла рюмку.

— Я предлагаю выпить за Любовь. Настоящую, чистую, не зависящую ни от каких внешних обстоятельств!

Сделать еще глоточек? Ма-а-аленький…

— Да пейте, пейте! Или вы против такой любви?

— Я же говорю, у меня что-то не идет сегодня. — Федор поспешно поставил рюмку на столик. У него снова закружилась голова. Более того: едва он разжал пальцы, как рюмка взвилась под потолок, сделала круг под люстрой и спикировала прямо к его губам.

— Пейте же! — услышал он повелительный голос. — Мужчина вы или нет?

— Вообще-то да, — пролепетал Федор, отпихивая рюмку и закрывая рот ладонью. Стул, на котором он сидел, вдруг оторвался от пола и, покачиваясь, поплыл к окну.

Как же он не опрокидывается без акселерометров? Быть такого не может. Значит, сейчас грохнется. Кофе! Быстрее — кофе! Ух, горячущий…

Разгневанный стул затрясся, норовя сбросить

седока.

— Что с вами? Вы глушите кофе, как водку!

Федор поставил опустевшую чашечку на столик. Юния отпустила его плечо и вернулась на свое кресло.

— Сам не знаю. Переутомление, наверное. Вы тоже пейте кофе, а то опять остынет. Так что у нас там с любовью? На доступном примере?

— Практически это выглядит так. Мужчина, решивший вступить в брак, сдает на расшифровку генотипа крошечный кусочек своей кожи. То же самое делают пожелавшие выйти замуж девушки. После этого гипертранспьютер высчитывает наиболее благоприятные варианты. И вот в каком-нибудь живописном месте, в горах или на берегу моря начинается Мистерия Любви. Пятьдесят-семьдесят девушек и столько же мужчин полтора-два месяца проводят вместе. Устраивают всевозможные соревнования, конкурсы, танцы. Проводят викторины, диспуты, отправляются в этот, как его… Ну, когда всякие искусственные трудности на лоне природы…

— Туристический поход. И что же, этих двух месяцев хватает?

— Вполне. Уже через неделю первые пары уезжают — строить новую жизнь, растить детей…

— Стоп, стоп! Не совсем понял, какая связь между генотипом, гипертранспьютером и любовью.

— Прямая. Я уже говорила: любовь — это благоприятное для потомства сочетание генотипов плюс духовное родство. Для выявления того и другого иногда бывает достаточно одного-единственного взгляда.

— Кто же решает, благоприятное это сочетание или нет?

— О Господи! Да Природа, мать-Природа! Развитие и процветание вида Хомо сапиенс — в этом смысл и суть полового инстинкта.

— А если мои интересы как личности не совпадают с инстинктивными наклонностями меня же как биологической особи? Если я не захочу стать рабом инстинкта и этого вашего суперарифмометра? Вы умудрились все, все запрограммировать! Никакой свободы!

— Не захотите стать рабом Любви? — Юния брезгливо повела плечами. — Что же, никто вас не станет заставлять. Будете жить, как сочтете нужным. А если уж говорить о свободе… Полсотни девушек, каждая из которых для вас — Джульетта, Офелия и Лаура, а вы для каждой из них — князь Болконский, Анатоль Курагин и…

— Ван Дамм, — подсказал Федор.

— Вот-вот, и все трое — в одном лице. Разве выбор мал? Наоборот, глаза разбегаются. И личности — на любой вкус. Профессии, кстати, тоже. Кому — космонавт, кому — повар.

— Поваров на всех, конечно, не хватает.

— Да, — согласилась Юния. — Быть изобретателем блюд у нас очень престижно. Космонавтам труднее: далеко не каждая девушка мечтает полететь на Марс или годами ждать возвращения любимого. Но в конце концов все находят своих суженых.

— Так уж и все… А дурнушек вы куда подевали?

— Да не бывает абсолютных дурнушек! Тем более в наше время! Для каждой девушки Гименей в состоянии подобрать десятки мужчин, для любого из которых она — кинозвезда! И они для нее, будьте уверены, тоже! Только у вас эти люди, даже если и живут в одном городе, могут никогда не познакомиться, а у нас — встретятся обязательно.

— И что же, неразделенной любви не бывает? Ревности, соперничества?

— Отчего же? Всякое случается. И ревность, и слезы. Только нет в них безысходности, понимаете? Не нашедшие свое счастье кандидаты через

некоторое время участвуют в новой Мистерии, и уж тут-то, как более опытные, выходят победителями. Редко-редко кому оказывается нужна третья попытка.

— Интересно… А как насчет разводов?

— Есть у нас и разводы. Два-три на тысячу пар. Но только не из-за сексуальной несовместимости, как чаще всего случается у вас!

Федор прищурился.

— Забавно, забавно… А «будетлянка», насколько я понимаю, от слова «будет»?

— Да. Этот термин придумал Хлебников. Давным-давно, еще в ваше время. Древляне, земляне, будетляне… Один ряд.

— И экипаж, на котором вы приехали, не «авто-», а «хроно-»?

— Да, — твердо сказала Юния. — Хотя вы и не должны были знать об этом.

— И вы можете чем-либо доказать… все, о чем сейчас рассказали?

— Нет. Ни одного материального предмета, не соответствующего вашему уровню, я взять с собою, конечно, не могла.

— А — сами?

— При малейшей попытке нарушить причинность визит будет пресечен. С очень неприят-

ными для меня последствиями. Кажется, вид диалога, который мы с вами ведем, называется — допрос?

— Трудно поверить в чудо, когда ничего необычного… Впрочем, красота — редчайшее из чудес. Еще один вопрос можно?

Юния обреченно улыбнулась.

— Зачем вы здесь?

Девушка покраснела и, поежившись, спрятала лицо, подняв воротник курточки.

— Ничего-то вы не поняли. Ничего, — глухо сказала она. — Неужели все вещи надо обязательно называть по имени? А сердце вам ни о чем не говорит? То самое, которое одно лишь зорко?

— Нет. В нашем времени все принято обозначать словами. Правдивыми или лживыми, но — обозначать. А сердце… Оно так часто стремится быть обманутым… Итак — зачем?

Юния опустила кончик воротника и посмотрела в глаза Федору прямо и открыто.

— Мой суженый — вы.

Фотьев услышал, как тикают его наручные часы.

— «Мой суженый — вы», — горько повторила Юния. — До нашего времени дошли несколько ваших фотографий, два любительских видео-

фильма и прядь волос.

— Так вот почему у меня лысина, — мягко улыбнулся Федор.

— И память об изобретениях. Световод Фотьева — вам знакомо это название?

— Нет. То есть… У меня есть патент на новый тип световода. Но его никто не хочет внедрять. И тем более называть моим именем… Вы действительно кое-что знаете обо мне.

— У меня был прекрасный муж. Он погиб на испытаниях нового вида… Впрочем, неважно. Он увлекался историей техники. И рассказал мне о вас. Собирал экспонаты для политехнического музея, готовился написать книгу… Я дважды участвовала в Повторной Мистерии — есть и такие — и ничего не смогла с собой поделать. По меркам нашего времени я не отношусь к красавицам. Претенденты, конечно, были, но… После мужа меня мог устроить только идеальный вариант. Только моя собственная Половина, с которой я была разлучена на небесах. Но, к сожалению, не в пространстве, а во времени. Понимаете?

— Да. То есть нет.

— Ну какой же вы бестолковый! Да вы, вы — моя Половина. Мой суженый, мой единственный и неповторимый. Только от вас я могу рожать

красивых, умных и здоровых детей. И у нас — только одна ночь. Большего хронотехнология пока не позволяет. Утром я должна вернуться в свое время, не оставив здесь никаких следов, даже отпечатков пальцев. Зато там, у нас… Впрочем, я болтаю лишнее. Ну, что вам еще назвать своим именем?

— Больше ничего. Хотя… Один маленький вопросик. Последний. Что вы подсыпали мне в коньяк?

Юния вздрогнула. В глазах ее промелькнула растерянность.

— Тонизатор… У нас только одна ночь, и я боялась… В ваш стрессовый век… Я понимаю, это некрасиво и, наверное, нечестно. Но я хотела, как лучше. И ошиблась. Ах, как я ошиблась! Отец ведь предупреждал: «Он неправильно поймет тебя, примет за гулящую девку». Я не послушалась, убежала. Вот и получила. Вы вправе прогнать меня. Поделом! Только… Хрономобиль придет за мною лишь утром. А на улице так холодно! Можно, я у вас на кухне посижу?

Руки Юнии обреченно лежали на коленях, голос дрожал.

Она, кажется, сейчас заплачет. Совсем как девочка, у которой злой мальчишка отобрал

любимую куклу. И тушь размажется по щекам. И нос покраснеет. А я буду спокойно смотреть на нее и улыбаться.

— Нельзя! — жестко сказал Федор, вставая.

Опомнись! Еще не поздно остановиться! Хрономобиль — бред! Ей нельзя верить!

Федор подошел к Юнии, нежно, кончиками пальцев, приподнял ее подбородок и, подождав, пока губы девушки приоткроются, осторожно поцеловал.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо. — С первой минуты, как увидел. Я не верю ни одному твоему слову. Не имеет значения. Может быть, это глупый розыгрыш, может — злой умысел. Пусть завтра вы со своим Паханом будете смеяться надо мной — но, прошу тебя, не сейчас… Давай еще поиграем в эту игру? Я проиграл ее, знаю — проиграл. И не жалею. Только очень прошу, еще немного… Хотя бы до утра…

По щекам Юнии сбежали две слезинки.

— Я знала, знала… — прошептала она. — Гименей не ошибается…

Федор поймал губами соленые капельки и, оглянувшись, поднял свою рюмку.

— Значит, я должен это выпить?

— Да… То есть нет.

Юния встала с кресла. Курточка соскользнула с ее плеч. Выхватив из рук Фотьева рюмку, она вдруг сильно бросила ее на пол. Хрусталь жалобно звякнул.

— На счастье!

Ну вот, теперь у меня осталась только одна рюмка.

— Не хочу, чтобы ты забыл меня, — пояснила Юния. — Кроме тонизатора, в порошке еще и мнемофаг. Ты бы ничего не вспомнил утром. Во избежание возмущения темпорального поля. Проклятая причинность! Мы так и не смогли ее победить? Может быть, мне когда-нибудь еще дадут время в прошлом. У меня будут небольшие привилегии… Ты должен запомнить эту ночь!

— А как же тонизатор? — улыбнулся Федор.

Юния на мгновение прижалась к нему и тихо сказала:

— Кажется, он не понадобится.

Отступив на шаг, она подняла к плечам руки, и серое облачко платья, внезапно потяжелев, с легким шуршанием сползло на пол.

Словно пена к ногам Афродиты. Как она красива…

Юния, сверкнув перламутровыми звездочками на кончиках пальцев, прижалась к Федору, пряча

лицо на его плече.

— У меня пуловер колючий, — тихо сказал он.

— Нет. Он очень мягкий и теплый, — прошептала в ответ Юния.

Федор вдохнул запах ее духов, и пол медленно поплыл куда-то в сторону. Но теперь это не тревожило Фотьева. Потому что вместе с ним, рядом с ним плыла и плотно прижавшаяся к нему Юния.

Мы перестали вращаться вместе с Землею, вот в чем дело… Попали в другую инерциальную систему… Какие горячие у нее губы…

Уже под утро, перед тем как они в очередной раз ненадолго заснули, Юния вдруг спросила:

— Кого ты хочешь, мальчика или девочку?

— Ты думаешь, что… — по привычке насторожился Федор.

— Ну да, конечно. Затем я и пришла к тебе. Сегодня как раз благоприятный день. То есть ночь.

Не дождавшись ответа, Юния сказала:

— Ладно. Я и так знаю: девочку. Мальчик у тебя уже есть. Антон Федорович Фотьев. А девочку я назову… Еще не знаю, как. У нее будут такие же серые глаза, как у тебя, и густые пушистые волосы.

Федор шлепнул себя ладонью по лысине.

— Тоже, как у меня?

— Нет, волосы у нее будут мои, — улыбнулась Юния. — От тебя ей достанется изобретательный ум. По вашим меркам она будет гением, да и по нашим — очень талантливой…

— Почти такой же, как ее отец? — невинным голосом спросил Федор. — Почему ты так уверена?

— Потому что ты не двадцатилетний юнец, но — зрелый муж. А статистика давно показала: отцам большинства гениев было далеко за тридцать, когда они… как мы с тобой сейчас…

Юния приподнялась на локте, заглянула Федору в глаза. Ногти на ее руках слабо мерцали.

— А что, изобретатели все такие скромные? «Как ее отец!» — передразнила она.

Одеяло соскользнуло с точеного плеча. Обнажились упругие груди с темными монетками сосков. Федору снова захотелось прижаться к ним губами. Он привстал, Юния откинула назад голову…

Под утро Федору приснился сон. Словно бы он лежит голый на полу в своей комнате и прислушивается к тому, что происходит внизу. Но квартира его почему-то не на седьмом, а на первом этаже, ниже — только подвал. И там, в сырости и темноте — Юния. В городе наводнение, подвал захлестывают волны, и он лихорадочно

прикидывает, как бы разобрать пол и вытащить Юнию наверх. Но под линолеумом — бетонная плита, и нужно бежать в обход, а дверь подвала заперта, и ключ у дворничихи. Да и где она, эта дверь, Федор толком не знает. Кажется, возле второго подъезда. Юния что-то кричит снизу, из подвала, но Федор никак не может разобрать, что. Понятны только два слова: «волны времени», и он должен как-то помочь ей, срочно что-то сделать, но что именно — он никак не может сообразить. И вдруг до него доходит: это не вода (да и откуда ей взяться среди зимы?), а Время захлестывает подвал, и волны Времени сейчас унесут Юнию в открытое море Будущего… Федор, в тоске и ярости, начал бить по линолеуму кулаками и что-то кричать. От этого крика и проснулся.

Юнии рядом не было. Одеяло съехало, кожа покрылась пупырышками. Федор укутался чуть ли не с головой и начал прислушиваться, не гремит ли на кухне посуда и не скворчит ли яичница — на большее рассчитывать не приходилось. Но, прислушиваясь, он уже понимал, что делает это напрасно и что в квартире, кроме него, никого нет.

Подушка слабо пахла духами. Чувство невосполнимой утраты, испытанное во сне, снова

захлестнуло Федора. И, прижав к груди подушку, он вдруг застонал, завыл, заскулил как пес, брошенный хозяином. Когда к глазам подступила влага, Федор, стиснув зубы, замолчал.

Не хватало еще разреветься. Подумаешь, ушла…

Отыскав взглядом будильник, Федор долго вглядывался в циферблат. Стрелки «Севани» вытянулись в прямую, почти вертикальную линию.

Полдвенадцатого или около шести? Дня или вечера? Хорошо, что сегодня суббота…

Сквозь шторы сквозил зимний холодный свет.

Значит, день.

Федор встал, с трудом оделся и, совершив почти подвиг, заправил постель. Открывая двери в туалет и ванную, он каждый раз надеялся, что они будут заперты изнутри. Хотя и понимал, это невозможно.

Контрастный душ несколько взбодрил Федора. Но его тело по-прежнему было легким, словно пушинка, и столь же немощным.

Нужно что-нибудь съесть. Глазунью соорудить.

На кухне Федор побывал только затем, чтобы окончательно убедиться: Юнии нет. Завтракать

ему совершенно не хотелось.

По пути в комнату Федор задержался перед вешалкой.

Может, она за почтой поехала? Взяла ключик от ящика…

Но шубки Юнии на вешалке, конечно же, не было.

Уехала. Умчалась, улетела в свою Будетлянию. И никогда уже не вернется. Надо бы прибрать в квартире. Хотя бы разбитую рюмку выбросить. Замести следы ночного кутежа…

Раздвинув шторы, Федор стянул с тарелки засохшую, заплаканную корочку сыра. Она заскрипела на зубах, и он вдруг понял, что страшно голоден.

Что-то еще надо было сделать. Ах да, рюмка…

Ко многим пятнам на половике, заменявшем Федору палас, добавилось еще одно, но осколков на полу не было.

Ишь ты, и это успела… Лучше бы завтрак догадалась приготовить. И не уходить…

На глаза Фотьеву попался хрустящий конверт, грубо склеенный из желтой почтовой бумаги. Бесконечно давно, целую жизнь назад он получил послание товарища Победимского. И не внял ему…

Федор перечитал письмо раз, потом другой.

Значит, одно из распространенных лекарств. В виде крупинок белого цвета. Два-три дня не помнят или навсегда забывают, что с ними произошло в эти два-три дня? Неоднозначность тут у вас, товарищ Победимский! И название лекарства вы не приводите. Мнемофаг оно называется, мнемофаг! А еще в нем тонизатор…

Федор нервно рассмеялся.

А может, будетлянка не так уж и далека? Сидит сейчас на коленях у своего пахана, рассматривает картину, и оба они смеются. А на полу — раскрытый кейс. Картина очень хорошо в него вмещалась…

Нужно было встать, открыть шкаф и сразу же заявить в органы милиции. По указанному телефону. Хотя можно звонить и так, не проверяя наличие отсутствия.

Федор представил Юнию на скамье подсудимых, между двумя милиционерами… в дымчатом полупрозрачном платье… И себя, стоящего за конторкой… или где там стоят свидетели… И вместо того, чтобы открыть шкаф, подошел к журнальному столику и налил себе коньяку.

В ее рюмку, между прочим. Древний порочный напиток. А рюмочка-то… тщательно протерта.

И полотенце на спинке кресла оставлено. Я его с кухни не приносил.

В дверь позвонили — длинно, требовательно, резко.

Федор поперхнулся, но коньяк допил и даже закусил размяг-шей и потускневшей долькой лимона.

«А может, это Юния?» — мелькнула на мгновение сумасшедшая мысль и тут же угасла.

Ключ в замке не поворачивался.

Да не заперто же, балбес! Иначе как бы она ушла? Через форточку?

— Разрешите войти? — вежливо спросил молоденький лейтенант милиции. На его серой шапке бисером блестели крохотные капельки.

Значит, на улице по-прежнему идет снег.

— Пожалуйста.

Пропуская лейтенанта в комнату, Федор на мгновение увидел себя в зеркале. Всклокоченные пряди волос вокруг лысины, щетина на подбородке, мешки под глазами… Б-р-р-р!

— Присаживайтесь, пожалуйста, — вежливо указал он на стул. Сажать гостя в кресло, в котором сидела Юния, ему не хотелось.

Кажется, говорить «садитесь» у них не принято? Или это у рецидивистов такое табу?

— У вас вчера были гости? — спросил лейтенант протокольным, без тени любопытства, голосом.

— Это имеет какое-то отношение к делу, по которому вы пришли?

— Самое прямое. Мы могли бы, конечно, вызвать вас к себе, но это долго, и чтобы зря людей не пугать… Позвольте представиться: участковый инспектор, лейтенант милиции Новиков. Вы получили письмо службы обеспечения охраны?

— Какое письмо?

— Ну как же, как же… Его всем абонентам разослали, — укоризненно покачал головой лейтенант, и Фотьеву стало стыдно.

— Письмо, письмо… Что-то было такое. Это насчет лекарства и дорогого коньяка?

— Вот-вот, — обрадовался инспектор и покосился на бутылку.

— И какое же лекарство они добавляют в спиртной напиток владельцу-нанимателю?

— Зачем вам это знать? Что, есть квартирка на примете? — осклабился участковый.

— Да нет, я так, из любопытства.

— Скажите… Вы помните, что вчера с вами произошло?

— До конца жизни не забуду.

Инспектор разочарованно вздохнул и откро-

венно уставился на журнальный столик.

— Так все-таки… У вас были гости? — спросил он с ударением на слове «были».

— Это мое личное дело, — резко ответил Фотьев. — Я по чужим квартирам не шастаю, но и гостей своих не закладываю.

— Вы, конечно, вне подозрений, — спокойно сказал участковый. — Дело в том, что эта преступная группа… В общем, по имеющимся данным они пытались вчера ограбить квартиру в вашем подъезде. Мы пытались взять их «на горячем», но был сильный снегопад, и их «тойота»…

— Как, как вы сказали?

— «Тойота». Последняя модель. Она как сквозь землю провалилась!

— Очень обтекаемая, каплевидной формы и с таинственно мерцающими окнами?

— Вот-вот! — оживился участковый. — Вы что, видели ее?

— Да… По телевизору. Репортаж с автомобильной выставки недавно показывали. На прошлой неделе.

Лейтенант усмехнулся.

— Очень содержательная у нас с вами беседа получается, товарищ Фотьев. И все-таки… Проверьте, пожалуйста, все ли ваши ценные вещи на

месте. Золото, драгоценности, деньги? Антиквариат, меха, импортная аппаратура?

Федор медленно обвел взглядом комнату — продавленный диван, обшарпанный платяной шкаф, полки с книгами — и красноречиво посмотрел на инспектора.

Лейтенант, пройдя глазами тот же маршрут, спокойно сказал:

— Ну, ради чего-то ставили же вы охранную сигнализацию! Единственную, кстати, в подъезде. Проверьте, пожалуйста, я вас очень прошу. Может, мне лучше пока на кухню выйти?

Ишь ты, какой деликатный! А может, тебе лучше выйти за дверь? И не пока, а насовсем?

— Да нет, не нужно. Мне проверять нечего. Была у меня, правда, одна картина. Но вчера я ее…

Скрипнула дверца шкафа.

— Что вы вчера? — насторожился участковый.

— Спрятал в шкаф. Для надежности, — сказал Федор хриплым голосом. — Здесь она и лежит, — показал он лейтенанту сверток. Потом, прикрывшись дверцей шкафа, щелкнул замочками кейса.

— Была у меня еще некоторая сумма денег… Семизначная! — многозначительно сказал он.

— И что? Да говорите же!

— Таковой она и осталась.

Вытащив кейс на свет божий, Фотьев на мгновение приоткрыл его, чтобы инспектор мог увидеть две банковские упаковки.

— Значит, у вас все в порядке? — разочарованно спросил лейтенант. — Чем же вы так огорчены?

— Я? — искренне удивился Федор. — Ничуть. Вам показалось.

— Ну что же, очень рад за вас. Странно, странно, — пробормотал он, вставая. — Мы точно знаем, что кто-то из «тойоты» побывал в вашем подъезде.

— Может, они в какой-то другой квартире работали?

— Вряд ли. Преступники, как правило, выбирают самый простой и надежный вариант. Где нет сигнализации, берут ценности днем, когда хозяева на работе. Отмычкой или, кто понаглее, фомкой взламывают дверь.

— А вы уверены, что на этой «тойоте» разъезжают преступники? Ее же и без номера отыскать — проще пареной репы.

— Нас это тоже удивляет. Но так показал свидетель, единственный, у которого не полностью отшибло память. Очень красивая, говорит, девушка была. И культурная. Он по профессии

композитор, так она часа два с ним о музыке трепалась, пока не поймала момент подсыпать лекарство и вырубить его. Но он язвенник, пил мало, вот и вспомнил кое-что. Ну что же, извините за вторжение. И большое спасибо за помощь. Номер машины вы, кстати, не запомнили?

— Какой машины? — не понял расслабившийся раньше времени Федор.

— Да «тойоты» этой, — нахмурил брови лейтенант. — Последний телерепортаж с выставки был два с лишним месяца назад, так что «на прошлой неделе» вы могли видеть машину только живьем.

Фотьев почувствовал, что начинает потеть.

— Извините меня, пожалуйста! Я… Я пошутил.

— А… Бывает, бывает. Но если что вспомните — звоните!

Лейтенант вежливо взял под козырек и аккуратно закрыл за собой дверь.

А он ничего… Соображает.

Пересчитав на всякий случай деньги, Федор швырнул кейс в шкаф.

Надо бы долги развести. Игрушку Антошке купить. Еще что-то… Ах да, куртку.

Федор достал из шкафа картину, добрался до своего любимого кресла, уставился невидящими

глазами в окно.

Почему все цело-то? Кто же ты на самом деле, будетлянка? И где теперь тебя искать?

Он размотал холстину, покачал картину из стороны в сторону, выбирая оптимальное освещение.

Последним, прощальным взглядом смотрел на балерину солдатик с кукольным лицом. Воин был игрушечным и понимал это. Но будь солдатик живым, точно так же, церемониальным шагом, шел бы он навстречу пламени, не спуская глаз с красавицы-балерины. Потому что — война, потому что — нет выбора.

Федор опустил картину на колени, прикрыл глаза.

Как измельчало все… Картина — единственное, что тоненькой ниточкой связывает меня с ушедшим навсегда прекрасным миром. Но и ее я был готов отдать за ночь, проведенную со смазливой воровкой. Да и отдал, собственно. Другое дело, что картину почему-то не взяли. Юния… Неужели Будетлянию она на ходу придумала, когда номер с «мнемофагом» случайно не прошел? Она уже знала, что я люблю фантастику. То ли Окуджава, то ли Уэллс подсказал ей, как проще всего меня можно если не обмануть, то хотя бы заинтриговать.

И она по ходу дела… У девчонки — богатая фантазия. Из нее бы хороший изобретатель получился. Или правильнее — изобретательница? Нет. Не надо путать грешное с праведным. Изобретательницей она была сегодня ночью, в постели. Так что же, получается — она где-то недалеко? Не в соседнем веке, а в соседнем квартале? Но тогда почему ничего не украдено?

Федор открыл глаза, встал с кресла.

А может, я все правильно сделал? Бабушка, ты ведь меня не осуждаешь?

Но балерина смотрела куда-то в сторону, в темноту невидимого зрительного зала, и не отвечала.

Спрятав картину, Федор взял бутылку, отвинтил пробку и наполнил последнюю свою неразбитую рюмку до краев.

Коньяк был совершенно безвкусным.

А ведь так и будет отныне. И коньяк безвкусным, и новая куртка ненужной. До тех пор, пока я не найду Юнию. Только вот где и как ее искать? Будетлянка. Будетляночка…

Она пришла через две недели — в простеньком ситцевом платьице и старом, давно вышедшем из моды пальто. Освободившись от него все тем же царственным жестом — но на этот раз Фотьев

был начеку, — Юния молча прошла в комнату и села в кресло. Глаза ее лихорадочно блестели, щеки пылали натуральным румянцем.

— Налить коньяку? — спросил Федор первое, что пришло в голову.

— Нет. Мне не холодно. И вообще я теперь не пью. Я… Я сбежала от отца. И из своего времени. Брат помог. И даже документами снабдил, — усмехнулась Юния. Только теперь Федор заметил в ее руках маленькую сумочку. — Ты правда любишь меня? Или лапшу на уши вешал, лишь бы переспать со мной? — спросила она надменно.

— Правда. Я люблю тебя, — сказал Федор, подходя к креслу. — Замуж тебе за меня выходить, насколько я понял, нельзя, но это…

— Можно, — перебила его, — можно. Я ведь насовсем ушла.

Все-таки она моложе, чем я думал. Совсем девчонка. Потому-то ей и кажется все таким простым. «Насовсем ушла»… Как будто так легко — из одного своего времени уйти в другое. Я много раз пытался, а удалось только единожды. Когда с Викой развелся. Да и то лишь наполовину удалось. Часть меня, кажется, навсегда осталась там, в прошлом, вместе с маленьким Антошкой. У Времени длинные цепкие руки, но Юния еще

не знает об этом.

— А ты уверена, что пахан… Что твой отец оставит тебя в покое?

— Вполне! — хрипло засмеялась Юния. — Если со мной случится что-нибудь плохое, ему не миновать марсианских рудников. Он знает об этом. А ты… Испугался?

Федор положил руки на ее узкие плечи.

— Нет. Когда-то у меня был первый разряд по самбо. И боевым мы баловались. Я могу возобновить тренировки.

Юния улыбнулась.

— Не надо. Они не посмеют.

— Я хочу, чтоб ты знала: я тебя теперь никому не дозволю обижать.

Юния поднялась с кресла, обвила руками шею Федора. Но, прежде чем привстать на цыпочки, долго рассматривала его лицо сияющими глазами.

Вот, ради этой минуты я и жил. Да еще ради Антошки. Если бы Вика нам его отдала!

— Слушай, а как же причинность? Мы же все темпоральное поле перебаламутим!

— Ну и пусть. Со временем успокоится, — беспечно сказала Юния.

Федор начал было соображать, как это темпо-

ральное, то есть временное поле может успокаиваться со временем же, но в это время Юния притянула его голову к своим губам, плотно прижалась к нему, и додумал Федор мысль уже ее словами: «Ну и пусть…»

.....

В следующем выпуске читайте остросюжетный детективный роман

Юрия МАСЛОВА
«ДЯТЛЫ УМИРАЮТ ОТ СОТРЯСЕНИЯ МОЗГА»

INFO

Редактор Евгений КУЗЬМИН
Художник Владимир ЛЕВАХИН
Художественный редактор Валерий КУХАРУК
Оператор компьютерного набора Людмила ЦЫГУЛЕВА

Издатель литературного приложения «Искатель»
АО «Редакция журнала «Вокруг света»

Генеральный директор Александр ПОЛЕЩУК

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

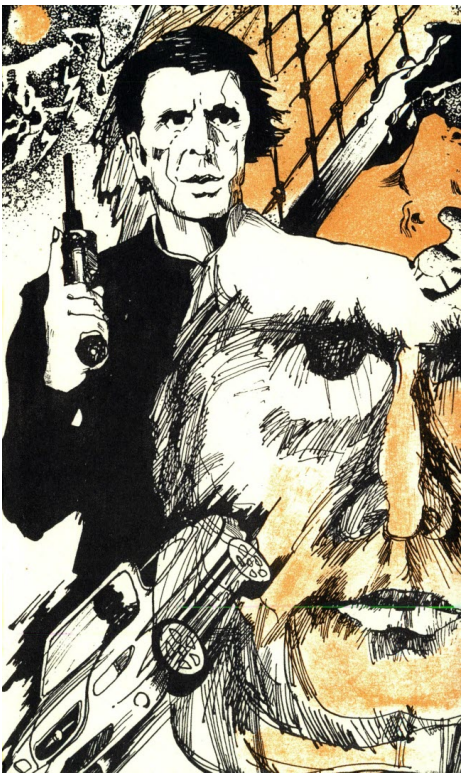
Адрес редакции: Москва, ул. Новодмитровская, 5а
Тел.288-88-84
Сдано в набор 13.03. 96. Подписано в печать 10.04.96.
Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,4. Усл. кр. отт. 7, 56. Уч. изд. л. 11,1.
Тираж 65 000 экз. Заказ 62038.

Типография АО «Молодая гвардия».
103030, К-30, Сущевская, 21.

……

Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025



ИСКАТЕЛЬ

ВОКРУГ СВЕТА

ИГОРЬ КОЗЛОВ
АЛЕКСАНДР ЧЕРНОБРОВКИН
ДЖЕК УИЛЬЯМСОН
ВЛАДИМИР ГУСЕВ

